

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2020**

2

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Куцафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 03.07.2020. Выход в свет 06.07.2020.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 13,75. Тираж 250 экз. Заказ № 7639

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Technical University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print July 3, 2020. Publication July 6, 2020.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.95. Publ. sign. 13.75. Edition 250 copies. Order number 7639

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

DOI 10.18522/2687-0770-2020-2

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 2 (206) 2020 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 2 (206) 2020*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- Ашнокова Л.М., Намитокова М.Н.** Религиозный фактор в становлении молодежного менталитета 4
- Рукин А.В.** Нестабильность и неопределенность развития жизненного пути человека в точках жизненной бифуркации 9

- Ashnokova L.M., Namitokova M.N.** Religious Factor in the Formation of Youth Mentality 4
- Rukin A.V.** Instability and Uncertainty of Human Life Way Development at Life Bifurcation Points 9

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

- Аверьянов А.В.** Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты 13
- Апрыщенко В.Ю., Гречишкина С.А.** Дебаты в Конгрессе США по вопросу законодательного ограничения иммиграции (1906–1917 гг.) 22
- Бачериков К.С.** Возникновение роялистского подполья в Англии в 1649–1650 годах 30
- Булавинцев Н.В.** Молодежная политика Европейского Союза и «Май 1968» 35
- Денисов Р.А., Айриян Р.С.** Частные военные компании. Ситуация в мировом океане 39
- Джабаева Т.Ч.** Особенности социального положения райатов в Кайтагском владении Дагестана в середине XIX века 45
- Ищенко А.С.** «Ловы» Владимира Мономаха: книжные контексты одного летописного фрагмента 50
- Комарова А.А., Подольников В.П.** Причины эмиграции корейского населения на Дальний Восток в 60–70-е годы XIX века 56

- Averyanov A.V.** Policy of Ukrainization in the South of Russia in the 1920s - Early 1930s: Some Comparative Aspects 13
- Apryshchenko V.Yu., Grechishkina S.A.** The Debate in the US Congress on Legislative Restrictions on Immigration (1906-1917) 22
- Bacherikov K.S.** The Emergence of the Royalist Conspiracy in England in 1649-1650 30
- Bulavintsev N.V.** Youth Policy of the European Union and “May 1968” 35
- Denisov R.A., Ayriyan R.S.** Private Military Companies. Situation in the World Ocean 39
- Dzhabaeva T.Ch.** Features of the Social Status of the Rayats in the Kaitag Domain of Dagestan in the Middle of the 19th Century 45
- Ishchenko A.S.** Vladimir Monomakh’s “Hunting”: Book Contexts of one Chronicle 50
- Komarova A.A., Podolnikov V.P.** The Reasons for the Emigration of the Korean Population to the Far East in the 60-70s 19th Century 56

Лепков А.В. Химическое оружие Саддама Хуссейна: к вопросу об осведомлённости США в 1980-е годы	62
Узнародов Д.И. Анализ динамики миграционных потоков из России в США (1992–2018 гг.)	71
Шадрина А.В. Единоверческое население Области войска Донского в начале XX века: численность и локализация	80
Эмирханов И.А. Основные направления идеологической работы партийно-государственных структур в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Дагестанской автономной республики)	87

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Якунина Ю.С. Развитие взаимодействия международных и российских субъектов транснационального капитала	93
--	----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Мининков Н.А. – Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.	100
Минникова Л.В. – <i>Козляков В.Н.</i> Московское царство. СПб. : Наука, 2019. 261 с.	104
Состин Д.И. Историк и история (<i>Аникеев А.А.</i> Заслуженный профессор СКФУ: моя история. Ставрополь : ИП Светличная С.Г., 2020. 248 с.)	111
Узнародов И.М. Предвоенная дипломатическая история Европы (<i>Иванов А.Г.</i> Дипломатическая борьба в Европе в канун Второй мировой войны. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2018. 291 с.)	114

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Кузьминов П.А., Баликов Т.М., Блейх Н.О. Исследователь исторических и политических проблем Кавказа (к 70-летию доктора исторических наук, профессора СОГУ В.Д. Дзидзоева)	117
--	-----

Lepkov A.V. Saddam Hussein's Chemical Weapons: on the Issue of United States Awareness in the 1980s	62
Uznarodov D.I. Analysis of the Dynamics of Migration Flows from Russia to the United States (1992-2018)	71
Shadrina A.V. Co-Believers in the Don Army Land in the Early 20th Century: Numbers and Localization	80
Emirkhanov I.A. Basic Directions of Ideological Work of Party-State Structures in the Conditions of the Great Patriotic War 1941-1945 (According to Materials of the Dagestan Autonomous Republic)	87

ECONOMIC SCIENCES

Yakunina Yu.S. Development of the Interaction of International and Russian Transnational Capital Subjects	93
--	----

BOOKS REVIEW

Mininkov N.A. - The Wars and Population of the South of Russia in the 18th - Early 21st Century: Demographic Processes and Consequences. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 767 p.	100
Minnikova L.V. - <i>Kozlyakov V.N.</i> Moscow kingdom. St. Petersburg: Nauka Publ., 2019. 261 p. ...	104
Sostin D.I. The Historian and History (<i>Anikeev A.A.</i> Honored Professor of NCFU: My Story. Stavropol: IP Svetlichnaya S.G., 2020. 248 p.).....	111
Uznarodov I.M. Pre-war Diplomatic History of Europe (<i>Ivanov A.G.</i> Diplomatic Confrontation in Europe on the Eve of the Second World War. Krasnodar: Kuban State University Press, 2018. 291 p.)	114

OUR PERSONS

Kuzminov P.A., Balikoev T.M., Bleikh N.O. Researcher of the Historical and Political Problems of the Caucasus (to the 70th Anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor of SOGU V.D. Dzidzoev)	117
--	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 316.42

DOI 10.18522/2687-0770-2020-2-4-8

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В СТАНОВЛЕНИИ МОЛОДЕЖНОГО МЕНТАЛИТЕТА

© 2020 г. Л.М. Ашнокова^а, М.Н. Намитокова^б

^а Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия,

^б Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

RELIGIOUS FACTOR IN THE FORMATION OF YOUTH MENTALITY

L.M. Ashnokova^а, M.N. Namitokova^б

^а Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia,

^б Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Ашнокова Лариса Мухамедовна –
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.
E-mail: dadali@yandex.ru

Larisa M. Ashnokova -
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Philosophy,
Berkbekov Kabardino-Balkarian
State University,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: dadali@yandex.ru

Намитокова Марзият Нурбиевна –
аспирант,
кафедра истории, философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет,
ул. Московская, 2, г. Краснодар, 350072, Россия.
E-mail: dadali@yandex.ru

Marzijat N. Namitokova -
Postgraduate, Department of History,
Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University,
Moskovskaya St., 2, Krasnodar,
350072, Russia.
E-mail: dadali@yandex.ru

Анализируются экономические, социальные, культурные, религиозные, политические факторы, влияющие на менталитет, поведение, характер индивида, социальной группы. Важнейшим из них является религия. Сегодня ментальные черты любой социальной молодежной группы подвержены изменениям в большей степени, так как историческое развитие менталитета молодежи происходит более динамично, чем других демографических групп, поскольку она более восприимчива к инновациям и нововведениям.

К верующим себя относит большинство молодых россиян во всех регионах страны. Различие религиозных верований способствует разъединению молодежной социальной группы. Для предотвращения конфликтов на религиозной почве важно формирование толерантного отношения представителей разных конфессий друг к другу.

Указывается, что появилась так называемая мнимая религиозность, когда присутствует только внешняя религиозность без глубокой внутренней приверженности вероучению. Эти процессы наиболее отчетливо видны в молодежной среде. Конфессиональная идентификация молодого поколения россиян в большинстве случаев обусловлена чисто этнически. Часто молодые люди определяют свое вероисповедание не по глубоким убеждениям, а по формально-этническому принципу. Подчеркивается, что в настоящее время в российском обществе недостаточно культурных и нравственных предпосылок для возрождения подлинной религиозной духовности, а различие религиозных верований способствует разъединению молодежной среды.

Ключевые слова: молодежный менталитет, ментальности, религия, возрождение религиозности, критерии религиозности, религиозная культура, мнимая религиозность, возрождение подлинной религиозной духовности, различие религиозных верований, разъединение молодежной среды, толерантность.

In the article the author considers the issue that currently mentality is influenced primarily by economic, social, cultural, religious, political factors. The most important factor affecting the mentality, behavior, character of an individual, social group is religion. Today in the world the mental traits of any social group, especially youth, are more susceptible to change, since the historical development of the mentality of young people is more dynamic than the development of the mentality of other demographic groups, as it is more susceptible to innovation and innovation.

Most young Russians in all regions of our multi-confessional country perceive themselves as believers. The difference in religious beliefs contributes to the separation of the youth social group. To prevent religious conflicts, it is important to form a tolerant attitude of representatives of different faiths to each other.

It is indicated that the so-called imaginary religiosity appeared, when only external religiosity is presented without a deep internal commitment to dogma. These processes are most clearly visible among young people. The confessional identification of the young generation of Russians in most cases is determined purely ethnically. Often young people determine their religion not by deep convictions, but by a formal-ethnic principle. It is emphasized that at present in Russian society there are not enough cultural and moral prerequisites for the revival of genuine religious spirituality, and the difference in religious beliefs contributes to the separation of the youth environment.

Keywords: *youth mentality, mentality, religion, revival of religiosity, criteria for religiosity, religious culture, imaginary religiosity, revival of genuine religious spirituality, difference in religious beliefs, separation of youth environment, tolerance.*

Актуальность и необходимость социально-философского анализа менталитета молодежи обусловлена тем, что от его состояния зависят результаты познания, действий, поведения, ценностные предпочтения молодых россиян. Менталитет является основанием процесса формирования личности, ее социального характера, мировоззрения как сложной системы понятий и создания социального опыта.

Молодежь – наиболее активная часть социума, играющая важнейшую роль в общественном воспроизводстве. На каждом этапе эволюции общества она выполняет интегративные функции, объединяет и далее развивает опыт предыдущих поколений, чем способствует прогрессу социальной системы. Молодежь – индикатор происходящих в обществе перемен, у которой еще нет устойчивых социальных стереотипов. Вследствие этого менталитет молодежи подвижен под влиянием усложнившихся условий развития общества, т.е. он не остается неизменным, хотя некоторые его составляющие обладают относительной устойчивостью. Историческое развитие менталитета молодежи происходит более динамично, чем других демографических групп, так как она более восприимчива к инновациям и нововведениям.

Менталитет соответствует определенному уровню духовного, экономического, культурного, политического развития общества и трансформируется вместе с ним, вбирает в себя все социально ценное, связанное со сложившимися традициями, обычаями, моралью, религией, правом, впитывая в себя достижения мировой культуры и цивилизации.

При изучении состояния менталитета российской молодежи следует исходить из того, что

любое явление одновременно и единично, и общее. Менталитет молодежи имеет свою определенную специфику, в то же время у него много общего с менталитетом всех иных общественных групп. Наличие групповых интересов и потребностей, не совпадающих с общественными потребностями и индивидуальными, порождает общность в рамках группы и особенности, отличающие ее от других групп по разделяемым ценностям, мнениям, нормам поведения.

Ни индивид, ни социальная группа не могут менять менталитет по своему усмотрению. Однако это не означает, что тот является чем-то косным, застывшим, неизменным. Он изменяется, но этот процесс не регулируется субъектом, а происходит под влиянием множества различных факторов в течение длительного исторического времени. Следует согласиться с утверждением Г.Л. Цигвинцевой, что биологические и естественно-географические условия в настоящее время не являются главнейшими по степени влияния на формирование менталитета [1]. На менталитет отдельного человека, социальной группы, всего народа оказывают воздействие в современном мире, в первую очередь, экономические, социальные, культурные, религиозные, политические факторы. Сегодня в динамично развивающемся мире ментальные черты любой социальной группы подвержены изменениям в большей степени.

Важнейшим фактором, влияющим на менталитет, поведение, характер индивида, социальной группы является религия. Россия характеризуется многоконфессиональностью, здесь проживают представители всех мировых религий: христианства, ислама, буддизма, иудаизма, также сторонники автохтонных религиозных веро-

ваний. Религия в любом обществе играет одновременно и объединяющую, и разъединяющую роль. П. Сорокин об этом пишет: «Общность религиозных верований создает солидарность ... между единоверцами, сближающую и объединяющую их в единое целое, несмотря на различие их в других отношениях. И наоборот, различие религиозных верований способствует разъединению индивидов, сходных между собой по другим группировкам» [2, с. 248–249]. Это высказывание имеет особую актуальность для нашей многоконфессиональной страны. Для предотвращения конфликтов на религиозной почве важно формирование толерантного отношения представителей разных конфессий друг к другу.

Та роль, которую играет религия в жизни людей, не является неизменной, а детерминирована сложившимися в социуме социальными, экономическими, политическими и культурными условиями. На современном этапе в России наблюдается рост количества людей, считающих себя верующими, что ведет к возросшему влиянию религиозных организаций на все стороны жизнедеятельности общества, атеистическое мировоззрение утрачивает свое былое значение, хотя еще остается много его сторонников. Религиозность предполагает веру в сверхъестественное, поклонение ему, принятие религиозного вероучения, следование религиозным нормам, обрядам и предписаниям.

Характеризуя конец XX в., С. Хантингтон отмечает возрождение религии во всем мире, что увеличило степень ее влияния на сознание людей и привело к необычайной активности фундаменталистских движений. Основная причина религиозного ренессанса, по его мнению, кроется в процессах модернизации обществ, которые в итоге вызвали кризис идентичности из-за социальных перемен. Другая причина связывается с негативным отношением к атеистическому мировоззрению, моральному релятивизму. Постепенно меняются ценностные ориентации людей во всем мире, приоритетными становятся ценности порядка, дисциплины, творческого труда, осознается необходимость взаимопонимания, взаимопомощи, солидарности.

С. Хантингтон приходит к выводу о неизбежности столкновения цивилизаций, которые отличаются своей историей становления, используемым языком, культурой, обычаями, сложившимися веками традициями. Но главное отличие цивилизаций заключается в религии. Он пишет:

«Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии» [3, с. 35]. Цивилизационные различия, более фундаментальные, чем политические, экономические, складывались в течение длительного времени и будут только усиливаться в будущем. С. Хантингтон утверждает, что в истории человечества самые кровопролитные противостояния возникали именно из-за цивилизационных различий. Эти выводы особо актуальны для нашей страны, в которой сосуществуют разные культуры, религии.

В 90-е гг. XX в. началось активное возрождение религиозности и в России. Полагаем, что это можно скорее расценить как моду на религию, которая ранее в советский период российской истории не поощрялась. Представляется маловероятным такое быстрое изменение мировоззрения людей за короткий промежуток времени. Появилась так называемая мнимая религиозность, когда присутствуют только ее внешние признаки без глубокой внутренней приверженности вероучению. Следует отметить, что распространившееся увлечение мистикой, теософией, оккультизмом не имеет отношения к истинной религиозной вере. Эти процессы наиболее отчетливо видны в молодежной среде.

Прослеживаются две стороны оживления религиозно-мистических настроений у молодежи. Первая сторона связана с усилением у молодого поколения интереса к тем традиционным религиям, которые были всегда исторически присущи России. Вторая связана с возникновением и быстрым ростом интереса к нетрадиционным религиям и культам, не имеющим под собой историко-культурной почвы в России, к которым можно отнести новые восточные культы, западные течения христианства, оккультизм и др.

Вопрос о критерии религиозности человека является сложным. Можно определить этот критерий как наличие той или иной религиозной культуры, которая укоренилась в сознании и мировоззрении человека и оказывает существенное влияние на его мировосприятие, мысли, поведение.

Сегодня к верующим себя относит большинство молодых россиян во всех регионах страны. Социологические исследования религиозности современной молодежи демонстрируют, что конфессиональная идентификация молодого по-

коления россиян в большинстве случаев обусловлена чисто этнически. Часто молодые люди определяют свое вероисповедание не по глубоким убеждениям, а по формально-этническому принципу. По этому поводу А. П. Хриенко, проанализировавший состояние религиозности молодежи различных национальностей в Крыму, пишет: «Это проявляется в том, что русские, украинцы, белорусы, греки, грузины, болгары, сербы преимущественно соотносят себя с православием, крымские татары – с исламом, немцы – с лютеранством и т.д.» [4, с. 81]. Социологический опрос продемонстрировал, что около 30 % опрошенных доверяют духовенству своей конфессии. В то же время большинство молодежи, считающей себя верующей, редко посещает храмы, а 13 % не посещает вообще, практически никто не соблюдает религиозные обряды. Автор исследования попытался определить отношение считающих себя верующими молодых людей к девиантным формам поведения и пришел к выводу, что большинство верующей молодежи отрицательно относится к отклоняющемуся поведению, но небольшой процент поддерживает такое поведение. Он пишет: «Из тех, кто поддерживает воровство, считают, что вся система общественных отношений в современных условиях построена на воровстве, а без воровства в настоящее время прожить невозможно. Спекуляцию молодежь интерпретирует как форму бизнеса» [4, с. 85]. Налицо противоречие между принципами религиозной морали, поведения и тем, как интерпретируют негативные явления люди, позиционирующие себя как сторонники вероучений. Представляется, что такая ситуация с состоянием религиозности молодежи существует не только в Крыму, а во всех регионах России.

Таким образом, в мировоззрении современной российской молодежи наблюдается противоречие, интерес к традиционным религиям носит зачастую поверхностный характер. Примат этнических стереотипов в рамках национально-культурного сознания молодежи происходит в ущерб духовному содержанию той или иной религиозной культуры. Это возможная почва для проявления национальной нетерпимости. Именно духовные основы традиционных религий, их веротерпимость по отношению друг к другу, которые пока поверхностно воспринимаются молодежью, позволяли на протяжении многих веков сосуществовать на территории многонациональной России различным конфессиям.

В настоящее время проводится большая работа по религиозному воспитанию молодежи, когда целенаправленно внушаются основы мировоззрения, нормы поведения, соответствующие принципам определенной традиционной религии. Остро стоит вопрос о преподавании основ религии в школе. Главной целью светской школы является изучение основ научных знаний и методов их получения. В. С. Кржевов о противоречии религиозного и научного миропонимания высказывается следующим образом: «Возникающая здесь коллизия может получить разрешение только через логическое согласование образовательных программ естественных, социально-исторических и гуманитарных дисциплин. Ведь последовательно научное миропонимание... начисто исключает допущение о сверхъестественных вмешательствах в ход мировых событий» [5, с. 97]. Далее В. С. Кржевов утверждает, что опыт советского прошлого недвусмысленно свидетельствует, что скомпрометирован был не атеизм как мировоззрение, а его принудительное навязывание государством. Конечной целью представителей духовенства является замена общеобязательного атеизма на общеобязательную религиозность. Отсюда следует вывод: когда определенное мировоззрение гражданам навязывается и контролируется высшей инстанцией, оно остается без существенных изменений, меняется только его наполнение.

В. Соловьев считал, что цельное знание о мире можно получить только посредством неразрывного единства теологии, философии и опытной науки. Он писал: «Вне его и наука, и философия, и теология суть только отдельные части или стороны, оторванные органы знания и не могут быть, таким образом, ни в какой степени адекватны самой цельной истине» [6, с. 178].

Многие ученые пришли к выводу, что научное и религиозное мировоззрение совершенно не исключают друг друга, наоборот, истину можно достичь в результате их синтеза. Б. С. Гершунский полагает, что главная проблема, стоящая перед всем человечеством, заключается в необходимости гармоничного единения знания и веры, их синтеза. По его мнению, разрыв между верой и знанием привел к системному и глубокому кризису, поразившему все сферы общества, включая образование, и только через образование возможно преодоление кризиса [7, с. 15].

Мы считаем особо ценной мысль М. Вебера о том, что с развитием науки сильнее и принципиальнее всего была осознана противоположность

религиозности познавательному мышлению, поскольку эмпирически, математически ориентированное воззрение на мир принципиально отвергает любую точку зрения, которая исходит в своем понимании мира из проблемы смысла [8, с. 46]. В то же время, не отказываясь от научной рациональности, следует согласиться с П.П. Гайдено: «Думается, что одним из противоядий от разрушительных тенденций научно-технической цивилизации может послужить союз науки и христианства» [9, с. 21]. Вероятно, этот союз будет эффективен при решении этических проблем науки.

Все вышесказанное позволяет заключить, что сегодня в российском обществе недостаточно культурных и нравственных предпосылок для возрождения подлинной религиозной духовности, а различие религиозных верований способствует разъединению молодежной среды. Наряду с более устойчивым менталитетом большинства современной российской молодежи существует и ментальность, в большей степени подверженная культурными условиями формирования, характерным для данного исторического периода. Поскольку усвоение религиозных ценностей у молодежных групп происходит неодинаково, можно говорить о ментальностях, обусловленных различной религиозной культурой, сосуществующих с более устойчивым менталитетом.

Литература

1. Цигвинцева Г.Л. Факторы детерминации менталитета и его динамика // Дискуссия. 2014. № 9 (50). URL: <http://www.journaldiscussion.ru/publication.php?id=1184> (дата обращения: 11.05.2017).
2. Сорокин П.А. Система социологии: в 2 кн. Кн. 2: Социальная аналитика. М.: Наука, 1993. 688 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
4. Хриенко А.П. Метаморфозы религиозно-нравственной детерминации сознания молодежи // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 80–86.
5. Кржевов В.С. Религия в современной России: духовное возрождение или клерикализация общества? // Философские науки. 2012. № 10. С. 93–105.
6. Соловьев В. Философские начала цельного знания // Соч.: в 2 т. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 822 с.

7. Гершунский Б.С. Философия образования: учеб. пособие для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 1998. 432 с.

8. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранное. Образ общества. М.: Прогресс, 1994. 704 с.

9. Гайдено П.П. Христианство и наука: противостояние или союз? // Наука, философия, религия: в поисках общего знаменателя / под ред. П.П. Гайдено. М.: ИФ РАН, 2003. С. 16–34.

References

1. Tsigvintseva G.L. (2014). Factors of determination of mentality and its dynamics. *Discussiya*, No. 9 (50). Available at: <http://www.journaldiscussion.ru/publication.php?id=1184> (accessed May 11, 2017). (in Russian).
2. Sorokin P.A. (1993). *System of sociology: in 2 books. Book 2: Social analytics*. Moscow, Nauka Publ., 688 p. (in Russian).
3. Huntington S. (2003). *The clash of civilizations*. Moscow, AST, 603 p. (in Russian).
4. Khrienko A.P. (2007). Metamorphoses of religious and moral determination of youth consciousness. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, No. 7, pp. 80-86. (in Russian).
5. Krzhevov V.S. (2012). Religion in modern Russia: spiritual revival or clericalization of society? *Filosofskie nauki*, No. 10, pp. 93-105. (in Russian).
6. Soloviev V. (1990). Philosophical principles of whole knowledge. Works: in 2 vol. 2nd ed. Moscow, Mysl Publ., vol. 2, 822 p. (in Russian).
7. Gershunsky B.S. (1998). *Philosophy of education*. Manual for students of higher and secondary pedagogical educational institutions. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Press, 432 p. (in Russian).
8. Weber M. (1994). Theory of degrees and directions of religious rejection of the world. *Favorites. The image of society*. Moscow, Progress Publ., 704 p. (in Russian).
9. Gaidenko P.P. (2003). Christianity and science: confrontation or union? *Science, philosophy, religion: in search of a common denominator*. P.P. Gaidenko (Ed.). Moscow, Institute of Philosophy Press, RAS, pp. 16-34. (in Russian).

УДК 128

DOI 10.18522/2687-0770-2020-2-9-12

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЧЕЛОВЕКА В ТОЧКАХ ЖИЗНЕННОЙ БИФУРКАЦИИ

© 2020 г. А.В. Рукин ^а

^а Военная академия воздушно-космической обороны имени Г.К. Жукова, Тверь, Россия

INSTABILITY AND UNCERTAINTY OF HUMAN LIFE WAY DEVELOPMENT AT LIFE BIFURCURATION POINTS

A. V. Rukin ^а

^а Zhukov Military Academy of Aerospace Defense, Tver, Russia

Рукин Александр Валентинович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Военная академия воздушно-космической обороны
имени Г.К. Жукова,
ул. Жигарева, 50, г. Тверь, 170100, Россия.
E-mail: rukin.tver@yandex.ru

Alexander V. Rukin -
Candidate of Philosophy,
Associate Professor,
Department of the Humanitarian
and Socio-Economic Disciplines,
Zhukov Military Academy of Aerospace Defense,
Zhigareva St., 50, Tver, 170100, Russia.
E-mail: rukin.tver@yandex.ru

Рассматривается дискуссионный в современном гуманитарном знании вопрос о природе человека и его жизненном пути. Продолжается цикл авторских исследований, посвященных разработке информационного подхода к самоорганизации индивида. Выявляется влияние неустойчивости и неопределенности на развитие жизненного пути человека в точках жизненной бифуркации. Анализируется существование человека в условиях внутриличностной неустойчивости и неопределенности. Результаты исследования позволяют рассматривать указанные факторы как необходимое условие для возникновения процессов самоорганизации жизни в точке жизненной бифуркации. Основными методами исследования являются рефлексия и мысленное моделирование.

Ключевые слова: неустойчивость, неопределенность, точка жизненной бифуркации, информационный подход к человеку, человек, существование человека, жизненный путь человека.

Man and his individual way of life are the most complex objects of scientific research. In modern humanitarian knowledge, the question of the nature of man and his life path is debatable. The article continues the cycle of author's works devoted to the development of an informational approach to self-organization of a person and his life path. The relevance of the study is due to the need for a scientific explanation of the phenomena of self-organization in the development of human life. The purpose of this work is to identify the effect of instability and uncertainty on the development of a person's life path at points of vital bifurcation. The article gives the author's definition of a person's life path, analyzes the existence of a person in conditions of intrapersonal instability and uncertainty, and the development of human life at points of vital bifurcation. The results of the study allow us to consider instability and uncertainty as a necessary condition for the emergence of processes of self-organization of a person's life path at the point of vital bifurcation. The main research methods are reflection and modeling.

Keywords: instability, uncertainty, point of vital bifurcation, informational approach to a person, person, existence of a person, life path of a person.

Трудно назвать человека, которого не интересуется его судьба. Особенно остро вопрос личной судьбы стоит в тяжелых жизненных ситуациях. Почему это произошло со мной? В чем моя вина? Не менее трудно назвать того, кто знает ответы на эти вопросы. В современном

научном знании жизненный путь человека остается малоизученным. Актуальность его изучения не исчезнет и в будущем.

Данной теме посвятили свои работы А. Адлер, А. В. Грибакин, К. В. Карпинский, Л. Н. Коган и др. [1–5]. В отечественной литера-

туре жизненный путь человека рассматривается преимущественно в аспекте его внешнесобытийной деятельности, при этом внутриличностные процессы не получают должного внимания.

Нами продолжается цикл авторских работ по применению информационного подхода к изучению жизненного пути человека [6]. Основу такого подхода образует положение об информационной природе сущностных характеристик человека, который рассматривается в статусе субъекта своей индивидуальной жизни. Целевая установка данной статьи – выявить влияние нестабильности и неопределенности в точке жизненной бифуркации на развитие жизненного пути человека.

Детерминистические установки не позволяют отражать многие процессы и явления, которые определяют сложность и противоречивость изучения специфики человеческого способа существования. В отечественной науке детерминистические установки утверждаются в период строительства социализма. В современной отечественной гуманитарной мысли они доминируют в педагогике.

Перспективным направлением изучения индивидуальной жизни человека является синергетическая парадигма. Самоорганизация, нестабильность и непредсказуемость тенденций развития жизненного пути в настоящем и будущем сопровождают человека на протяжении всей жизни.

Жизненный путь человека определяется как процесс сложного, противоречивого, подвижного единства его индивидуальной сущности и индивидуального существования, обусловленный воздействием, с одной стороны, ноуменально-нравственного и природного мира, с другой – динамикой внутриличностной системы индивида, и является пространственно-временной областью реализации сущностных сил индивида, возникающей в результате существования индивида [6, с. 114].

В соответствии с поставленной целью, рассмотрим динамику нестабильности и неопределенности в точке жизненной бифуркации.

Нестабильность и неопределенность тенденций развития жизненного пути человека могут обуславливаться как внешними, так и внутренними факторами. Внешние факторы – революции, войны, эпидемии и пандемии, экономические кризисы, криминал, природные катаклизмы – могут оказать решающее влияние на кардинальные изменения жизни человека. Их негативное влияние

изучается достаточно активно. Внутренние факторы тоже могут сыграть решающую роль в кардинальных изменениях жизни человека.

Информационный подход позволяет рассматривать внешние и внутренние факторы в виде информационных потоков, которые обуславливают изменения в жизни человека. Использование синергетического аппарата в анализе динамики внутриличностных информационных потоков создает благоприятные условия для изучения и объяснения явлений самоорганизации в развитии жизни человека.

Специфически жизнь человека характеризуется динамикой информационных потоков. Информация лежит в основе мышления, членораздельной речи и его деятельности. Информационный характер природы человека определяет его место во Вселенной, воплощающую в своем бытии информацию и существующую в бытии информацию. Неразрывная связь человека и Вселенной раскрывается в информации [7].

Жизненный путь человека разворачивается под влиянием противоречивого взаимодействия информационных потоков внешней среды и внутриличностных. Их динамика проявляется в изменении содержания, мощности потока, интенсивности и этической направленности.

Человек в процессе своей жизни формирует свое личностное информационное пространство, определяющее уникальность и неповторимость его самого и его жизненного пути, который разворачивается сообразно личностной внутренней информационной организации. Влияние внешних информационных потоков на жизнь человека связано с внутриличностной информационной самоорганизацией и мерой нестабильности.

В зависимости от уровня внутриличностной информационной самоорганизации и способности человека критически оценивать внешние информационные потоки выделяются три типа людей: человек копирующий, самосозидающий, экстериоризирующий [6].

Жизнь человека копирующего подчинена влиянию внешних информационных потоков. Он не выработал способность критически оценивать их внешнее воздействие, поэтому ограничивается процессом их копирования. В его жизни не возникают точки жизненной бифуркации, состояния нестабильности и неопределенности. Человек самосозидающий овладел искусством внутренней критической оценки воспринимаемой из внешней среды информации. Его

жизненный путь разворачивается под влиянием противоречивого взаимодействия внешних информационных потоков и его внутриличностного свободного выбора.

Экстериоризирующий человек способен производить новые информационные потоки. Жизненный путь разворачивается под влиянием личностного процесса экстериоризации новой информации во внешнюю среду, что рассматривается как высшая духовная потребность.

Состояния нестабильности и неопределенности в развитии жизненного пути характерны для самосозидающего и экстериоризирующего человека. Максимальные значения нестабильности и неопределенности свидетельствуют о неизбежном возникновении точки жизненной бифуркации в процессе внутриличностной информационной самоорганизации, иными словами точка жизненной бифуркации является необходимым элементом в механизме развития человека. Она выделяется в интересах описания событий в жизни человека, когда нестабильность и неопределенность стремятся к максимальным значениям. Возникновение жизненной бифуркации обуславливается внутриличностными процессами информационной самоорганизации человека. Критическая оценка и переоценка своих ценностей, противоречивость внешних информационных потоков мировоззрению человека, кардинальные изменения в информационном пространстве внешней среды могут оказать влияние на возникновение в жизни человека состояния бифуркации.

События, разворачивающиеся в условиях жизненной бифуркации, свидетельствуют об особом периоде жизни. Нестабильность и неопределенность максимальны, существование человека уязвимо для любых негативных информационных потоков. Точка жизненной бифуркации – это высокорисковая сфера жизненного пространства человека, в которой подвергаются личностной переоценке все его жизненные основания.

Нестабильность проявляется в том, что человек не может вернуться к прежнему образу жизни и мучительно ищет новый способ существования. Разочарование и личностное осуждение своего прежнего способа жизни, от которых невозможно скрыться, не позволяют ему жить как прежде. Высокая динамика поисковой ситуации поглощает существование человека, он живет в условиях личностной нестабильности.

Неопределенность является неизбежным спутником личностной нестабильности. Человек попадает в особую жизненную ситуацию, в которой его существование подчинено поиску нового способа жизни, он пытается, но не может его найти. Неопределенность в точке жизненной бифуркации сопровождается внутриличностной борьбой противоречивых оценок и категорической критикой самого себя за свое прошлое.

Напряженная поисковая ситуация, характеризующая разворачивающиеся в точке жизненной бифуркации события, поглощает существование человека. Отсутствие четкого понимания своего настоящего и невозможность знания своего будущего обуславливают мучительный выбор нового способа существования из множества альтернатив. Количество альтернативных вариантов дальнейшего развития жизненного пути зависит от личностных особенностей конкретного индивида и специфики исторической ситуации, в которой он существует.

В точке жизненной бифуркации состояние нестабильности и неопределенности порождает экзистенциальный страх человека за свое будущее. Сложно назвать того, кого не волнует его будущее. Также в этой ситуации существование человека в значительной мере зависит от внешней информационной среды. Любой, в том числе случайный поток информации может оказать решающее влияние на доминирование конкретной тенденции дальнейшего развития жизненного пути человека. Возникает множество возможных вариантов, но доминирование конкретного варианта предсказать невозможно. В данном случае не действуют детерминистические зависимости. Поведение человека в точке жизненной бифуркации обуславливается внутриличностной нестабильностью и неопределенностью, которые порождают высокие риски и уязвимость его существования. Человек может совершать поступки, противоречащие нормам морали, требованиям нормативно-правовых актов и культурных традиций.

Человек в условиях нестабильности и неопределенности, поглощенный поисковой ситуацией, пытается найти ответы в информационном пространстве внешней среды. Судьбоносную роль могут сыграть и противоречивые информационные потоки внешней среды, порождаемые в условиях информационного хаоса, в том числе криминальными и террористическими организациями.

В точке жизненной бифуркации влияние спланированного и рационально обоснованного по содержанию информационного потока может стать судьбоносным.

Таким образом, смысл информационного подхода в том, что сущность человека и его жизненного пути имеет информационную природу. Динамика информационных потоков определяет динамику развития человека и его жизненного пути. Нестабильность и неопределенность в точках жизненной бифуркации являются необходимыми состояниями в развитии человека. В точке жизненной бифуркации нестабильность и неопределенность в развитии жизненного пути стремятся к максимальным значениям. Существование человека в такой ситуации характеризуется бескомпромиссной критической оценкой себя самого и своего способа жизни, переоценкой внутренних ценностей, напряженным поиском нового способа жизни. Нестабильность и неопределенность в точке жизненной бифуркации обуславливают высокую уязвимость существования человека от влияния внешних информационных потоков. Результаты исследования развивают социально-философские представления о влиянии нестабильности и неопределенности на развитие жизни человека в точках жизненной бифуркации.

Литература

1. Адлер А. Наука жить. Киев : Port-Royal, 1997. 286 с.
2. Грибакин А.В. Жизненный путь индивида как социально-историческое утверждение человека. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 199 с.

3. Грибакин А.В. Жизненный путь индивида: гуманистический аспект // Социалистический гуманизм: личность и общество : в 2 ч. Свердловск, 1990. Ч. 2. 275 с.
4. Карпинский К.В. Психология жизненного пути личности : учеб. пособие. Гродно : ГрГУ, 2002. 167 с.
5. Коган Л.Н. Человек и его судьба. М. : Мысль, 1988. 283 с.
6. Рукин А.В. Жизненный путь человека: информационный подход. Тверь : ВА ВКО, 2016. 208 с.
7. Рукин А.В. Информационный человек // Вестн. Тверского гос. ун-та. Философия. 2008. № 24 (84), вып. 6. С. 26–37.

References

1. Adler A. (1997). *Science to live*. Kiev: Port-Royal Publ., 286 p. (in Russian).
2. Gribakin A.V. (1985). *Life path of an individual as a socio-historical statement of a person*. Irkutsk, Irkutsk University Press, 199 p. (in Russian).
3. Gribakin A.V. (1990). The life path of an individual: the humanistic aspect. *Socialist humanism: personality and society*: in 2 ch. Sverdlovsk, chapter 2, 275 p. (in Russian).
4. Karpinsky K.V. (2002). *Psychology of the life path of a person*. Textbook. Grodno, Grodno State University Press, 167 p. (in Russian).
5. Kogan L.N. (1988). *Man and his fate*. Moscow, Mysl' Publ., 283 p. (in Russian).
6. Rukin A.V. (2016). *The life path of a person: information approach*. Tver, Military Academy of Aerospace Defense Press, 208 p. (in Russian).
7. Rukin A.V. (2008). Information man. *Vestn. Tverskogo gos. un-ta. Filosofiya*, No. 24 (84), vol. 6, pp. 26-37. (in Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 94 (47-57) 1917/1991

DOI 10.18522/2687-0770-2020-2-13-21

ПОЛИТИКА УКРАИНИЗАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ: НЕКОТОРЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

© 2020 г. А.В. Аверьянов^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

POLICY OF UKRAINIZATION IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 1920s - EARLY 1930s: SOME COMPARATIVE ASPECTS

A. V. Averyanov^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Аверьянов Антон Викторович –
кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: avaveryanov@sfnu.ru

Anton V. Averyanov -
Candidate of History, Associate Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: avaveryanov@sfnu.ru

Анализируются основные направления политики украинизации на Юге России в 1920–1930-е гг. Ключевое внимание уделяется специфике украинизации в субрегиональном разрезе. Выявлены общие и отличительные черты политики украинизации на Дону, Кубани, Ставрополье и Терек. Выделены факторы, оказавшие влияние на особенности её проведения, в том числе этносоциальная и культурная структура восточнославянского населения, уровень мотивации партийных и советских работников, наличие квалифицированных кадров и развитие профессионального образования на украинском языке. Подчёркивается, что политика украинизации на Юге России носила асинхронный и неравномерный характер.

Центром украинизации была Кубань, прежде всего Кубанский округ, где украинизация протекала наиболее динамично и успешно. Это было обусловлено комплексом факторов, близостью населения Кубани к украинской культурной и языковой норме. Немаловажным аспектом выступила культурно-языковая синхрония кубанского казачьего и крестьянского населения. Напротив, на Дону кроме социальных противоречий сохранялись этнокультурные различия между казаками и крестьянами, значительная часть которых имела малороссийское происхождение. Наименьших результатов политика украинизации достигла на Ставрополье и Терек, где малороссийское население практически ассимилировалось с русскими крестьянами и казаками. Отмечается, что политика украинизации была составной частью национального строительства в восточнославянской среде. Но несмотря на сохранявшуюся субрегиональную этнокультурную специфику на Юге России и разную динамику украинизации, подавляющая часть украинизируемого населения имела «плавающую» русско-украинскую идентичность.

Ключевые слова: Юг России, Северо-Кавказский край, Дон, Кубань, Ставрополье, украинизация, коренизация, украинцы, малороссы.

The main directions of Ukrainization policy in the South of Russia in the 1920s and 1930s are analyzed. Key attention is paid to the specifics of Ukrainization in the sub-regional context. Common and distinctive features of the policy of Ukrainization in the Don, Kuban, Stavropol, Terek and Black sea regions are revealed. The factors that influenced the specifics of its implementation are highlighted, in particular, the ethnosocial and cultural structure of the East Slavic population, the level of motivation of party and Soviet employees, the availability of qualified personnel and the develop-

ment of professional education in the Ukrainian language. It is emphasized that the policy of Ukrainization in the South of Russia was asynchronous and uneven. It is shown that the center of Ukrainization was Kuban, first of all the Kuban district, where Ukrainization proceeded most dynamically and successfully. It was possible due to a complex of factors, primarily the proximity of the Kuban population to the Ukrainian cultural and language norm. The cultural and linguistic synchronicity of the Kuban Cossack and peasant population was an important aspect. On the contrary, on the Don, in addition to social contradictions, ethnic and cultural differences between Cossacks and peasants persisted, a significant part of which had little Russian origin. It is noted that the least results of the policy of Ukrainization reached in Stavropol and Terek, where the little Russian population was almost assimilated with Russian peasants and Cossacks. Attention is drawn to the fact that the policy of Ukrainization was an integral part of national construction in the East Slavic environment. It is emphasized that despite the sub-regional ethnic and cultural specifics in the South of Russia and the different dynamics of Ukrainization, the vast majority of the population under Ukrainization had a "floating" Russian-Ukrainian identity.

Keywords: *South of Russia, North Caucasus region, Don, Kuban, Stavropol, Ukrainization, korenization, Ukrainians, Malorossians.*

В рамках изучения советской национальной политики в 1920–1930-е гг. в современной историографии значительное место отводится политике украинизации прежде всего на Юге России, где проживало большинство украинского населения РСФСР. Этой тематике посвящен целый комплекс работ современных историков. В них анализируются причины, основные направления и механизмы политики украинизации, в том числе в региональном разрезе, главным образом на Кубани, где украинизация носила наиболее динамичный характер. Среди прочих следует выделить работы В.З. Акопяна [1], А.В. Баранова [2], И.Ю. Васильева [3], И.Г. Иванцова [4], В.А. Матвеева [5], А.П. Скорика и В.А. Бондарева [6], Т.П. Хлыниной [7]. В то же время отдельные стороны политики украинизации на Юге России остаются не исследованными. Целью настоящей статьи является проведение сравнительного анализа некоторых аспектов украинизации, в том числе в сфере образования, на территории Дона, Кубани, Ставрополя с учётом их этносоциальной и культурной специфики.

Необходимость украинизации на Юге России, по мнению современных исследователей, обуславливалась целым комплексом причин. Важную роль играл международный фактор. Украина в контексте концепции мировой революции рассматривалась большевиками как основной коридор для выхода в Европу, прежде всего в Германию [8, с. 73]. После провала революции в Германии в 1923 г. основной вектор украинского вопроса в международном контексте переместился в Польшу, где проживало значительное количество украинцев и белорусов. В данной связи украинизация на территории Советского Союза, в том числе на юге РСФСР, должна была продемонстрировать успешность его решения в рамках советской системы [8, с. 132]. Ряд исследователей полагает, что украин-

низация, бывшая составной частью политики коренизации, «выступала действенным средством укрепления позиций большевистского режима в национальных регионах Советской России» [6, с. 62]. Ещё одной причиной украинизации считается стремление большевиков «покончить с казачьей сословностью», учитывая малороссийские корни большей части кубанских казаков [9].

Помимо прочего, на наш взгляд, украинизация представляла собой один из этапов длительного и сложного процесса складывания наций на Юге России, который не успел завершиться к началу XX в. [10]. Несмотря на то что восточнославянский сегмент составлял большинство населения региона, внутри него продолжали сохраняться социальные (сословные), культурные и субэтнические различия. В данной связи украинизация была частью политики советского нацистроительства, нацеленной на окончательный слом сословных перегородок, расценивавшихся большевиками как пережиток феодализма, и формирование общества индустриального типа, в котором национальное самосознание должно было прийти на смену сословной идентичности.

Политика украинизации включала в себя перевод на украинский язык сферы образования, печати, делопроизводства, а также работы советского, партийного и хозяйственного аппарата в украинизируемых районах. Несмотря на то что полномасштабная украинизация на Юге России пришлось на 1920-е гг., некоторые её элементы обозначились ещё в добольшевистский период в 1917 г. [11]. Пик первой волны украинизации пришёлся на 1925 г. В Постановлении Бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) от 22 июня 1925 г. отмечалась необходимость «Окркомам усилить работу среди украинцев как среди национального меньшинства, считая эту работу

существенно важной». После наделения украинцев статусом нацменьшинства предполагалось, что процессы коренизации среди украинского населения выйдут на новый уровень. В числе приоритетных направлений украинизации объявлялась сфера образования. Признавалось необходимым «работу среди украинцев развернуть главным образом по линии народного образования, принимая все меры к удовлетворению нужд населения в украинской школе... к новому учебному году провести перевод на украинский язык школ в тех населенных пунк-

тах, где при свободном опросе соответствующее количество населения выскажется за украинскую школу» [12, л. 7].

Как отмечают современные исследователи, главным критерием «украинскости» в 1920-е гг. был родной язык [5, с. 255]. Все существовавшие наречия и диалекты, имевшие малороссийское происхождение, были отнесены к украинскому языку, что формально обеспечило значительное представительство украинского населения в этнической структуре Северо-Кавказского края (табл. 1).

Таблица 1

Численность и доля украинцев по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Северо-Кавказскому краю [13] / The number and proportion of Ukrainians according to the results of the All-Union Population Census of 1926 in the North Caucasus region

Округ	Численность украинцев, тыс.	Доля украинцев, %
Кубанский	915,4	62,2
Донецкий	206,5	55,1
Донской	498,3	44,2
Сальский	207,2	43,9
Армавирский	305,1	33,1
Ставропольский	245,7	33,8
Таганрогский	191,8	71,7
Терский	194,1	30,3
Черноморский	103,9	37,5
Майкопский	94,3	29,0
Шахтинско-Донецкий	70,7	13,1
Сунженский казачий	2,5	7,2
Всего	3035,5	37,4

Однако подобный – механический (языковой) – подход не отражал реальной картины этнической структуры края, в том числе её украинского сегмента. В результате уже с самого начала политика украинизации стала испытывать сложности. Они проявлялись в нехватке компетентных специалистов, владевших украинским языком, учебной литературы на украинском языке, а также в неоднозначном отношении к политике украинизации самого украинизируемого населения. Это стало неожиданностью для партийных и советских чиновников, учитывая, что в ходе переписи населения 1926 г. свыше 3 млн жителей Северо-Кавказского края были записаны украинцами.

Динамика украинизации в значительной степени обуславливалась этносоциальной структурой и культурными особенностями того или иного региона. Так, в отчётах, присылаемых районным руководством, отмечался чрезвычай-

но низкий уровень владения населением украинским языком в Донском округе. Констатировалось, что в быту использовался не украинский литературный, а смешанный язык. Например, Батайский райисполком сообщал, что в Батайском районе Донского округа «населённых пунктов, где употребляется исключительно украинский разговорный язык, нет, а есть смешанный» [14, л. 30]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других округах на Дону, в том числе в ходе второй волны украинизации на рубеже 1920–1930-х гг. Так, в ходе прений по докладу об украинизации аппарата Северо-Кавказского края в 1929 г. на III краевом съезде Советов представитель Сальского округа, где доля украинцев, согласно итогам переписи, составляла 44 % населения, отмечал, что «в Сальском округе вы едва найдете три украинца, которые знают литературный язык. Хотя мы говорим, что украинцы у нас со времён Екатерины,

но все-таки они не забыли родной язык, мешают русский и украинский» [14, л. 56].

На Ставрополье уровень владения населением украинским языком был ещё ниже. Обследование украинских сел в Ставропольском округе 1924 г. выявило: «1) что украинское население не выражает желание иметь просвещение на украинском языке, так как украинский язык ему в большинстве случаев ещё более чужд, чем русский; 2) что более или менее чистого украинского населения в “украинских” селах Ставропольского округа весьма мало и большинство населения является этнографической помесью с преобладанием великорусских элементов, выходцев из Поволжских губерний» [15, л. 217].

Медвеженский РИК Ставропольского округа накануне старта политики украинизации в мае 1924 г. в отчёте ГубОНО отмечал, что «всё население Медвеженского района состоит из великороссов и малороссов. Есть села сплошь населённые великороссами и малороссами. Есть и такие села, где население смешанное, состоящее из малороссов и великороссов. Как в первом, так и во втором случае малороссы-украинцы по наречию далеко ушли от украинцев, а потому их называют по местному “перевертнями”» [15, л. 47]. Вплоть до прямых распоряжений краевых властей районные и окружные органы власти не считали украинцев национальным меньшинством и признавали украинизацию «едва ли целесообразной». В отчёте Медвеженского РИК отмечалось также, что «нацмен в районе нет, есть малороссы. Но они настолько руссифицированы, что в данное время их считать нацменами не приходится. Проведение “недели нацмен” вследствие этого РИК считает невозможным» [15, л. 31].

Значительно больше предпосылок для украинизации было на Кубани, особенно в Кубан-

ском округе, который стал центром украинизации на всем Юге России. Большая часть населения, прежде всего в сельской местности, в быту использовала говор, схожий с украинским литературным языком. На Кубани в отличие от Дона не существовало жесткого разделения населения по этническому и языковому признаку (казаки – крестьяне). Кубанские казаки и крестьяне разговаривали на общем наречии (кубанская балачка). Это давало основание краевым властям утверждать, что большая часть населения на Кубани является украинцами, а следовательно, украинизация должна стать главным средством удовлетворения их культурных и политических нужд.

Некоторые окружные печатные органы преобразовывались в краевые. В частности, было решено «признать необходимым, при отсутствии возражений со стороны Кубокркома превратить приложение “Советский станичник” к газете “Красное Знамя” – в украинскую газету с использованием её для обслуживания всех районов края с украинским населением». Агитпропу поручалось разработать вопрос о сохранении в Краснодаре специального отделения Совпартшколы для подготовки работников-украинцев [12, л. 7].

На начальном этапе украинизации, после того как население убедилось в серьёзности намерений властей, часть жителей Кубани отнеслись к украинизации с определённой долей симпатии. Встречалось множество свидетельств с мест со стороны простых жителей кубанских станиц о поддержке украинизации в том виде, в каком её понимали сами станичники и селяне. Многие считали, что учить детей в школах на украинском языке будет гораздо легче, чем на русском [16, л. 5, 20] (табл. 2).

Таблица 2

**Сеть украинских школ в Северо-Кавказском крае в 1924/1925 учебном году [17, л. 93] /
 The network of Ukrainian schools in the North Caucasus region in the 1924/1925 academic year**

Округ	Школа I ступ.	Школа рабоч.	Учаш.	Школа-7-летка	Школа рабоч.	Учаш.	Школа-9-летка	Школа рабоч.	Учаш.
Кубанский	152	320	15 тыс.	1	6	221	1	18	150
Донской	11	29	1507						
Армавирский	2	5	232						
Итого	165	354	16 739	1	6	221	1	18	150

Из имевшихся в 1924/1925 учебном году в Северо-Кавказском крае 165 украинских школ I ступ-

пени 152 располагались в Кубанском округе. Из 16,7 тыс. учащихся 15 тыс. обучались в школах

округа. Постепенный перевод школ на украинский язык на Кубани начался раньше, чем в других округах – с 1921 г. [18, л. 20] (табл. 3).

Таблица 3

Статистика по профобру и политпросвету среди украинского населения Кубанского округа Северо-Кавказского края [17, л. 93] / Statistics on professional education and political education the Ukrainian population of the Kuban district of the North Caucasus region

Объекты профобразования и политпросвета	Количество
Педтехникум	1
– преподавателей	16
– учащихся	239
Ликпункты	7
Избы-читальни	15

Большое значение придавалось развитию педагогического образования и подготовке квалифицированных педагогических кадров на украинском языке. В 1924/1925 учебном году в крае функционировал педагогический техникум в станице Полтавской, в котором работали 16 человек и проходили обучение 239 учащихся. Полтавский педтехникум являлся почти единственным в РСФСР учебным заведением, подготавливающим школьных работников для низовой сети украинских школ. Он имел 4 курса и подготовительное отделение с тремя параллельными группами. В Краснодарском педагогическом техникуме в состав преподаваемых дисциплин входило украиноведение, а на словесном отделении Кубанского педагогического института – история украинской литературы [17, л. 95].

Немалое значение придавалось украинизации за рамками Кубанского округа. На заседании бюро Украинской окружной секции при Агитпропе Армавирского окружного комитета в октябре 1925 г. было принято постановление «...б) организовать ликпункты в украинских населённых пунктах на родном языке, в) снабдить ликпункты и избы-читальни украинской литературой, г) организовать в украинских населённых пунктах при библиотеках украинские уголки, а где нужно украинские библиотеки» [19, л. 29]. Аналогичные мероприятия планировались в других округах с компактным про-

живанием украинского населения, в том числе в Ставропольском, Майкопском, Таганрогском, Черноморском, Терском, Шахтинском округах [17, л. 96].

В Ставропольском и Терском округах украинизация школы проходила крайне медленными темпами, в том числе из-за финансовых затруднений. По итогам 1926/1927 учебного года в Ставропольском округе отмечалось, что «школы и политпросветучреждений в районах с украинским населением не открывалось, а созданы 15 групп при школах, в которых преподают на украинском языке» [20, л. 18 об.], «в штате ОкрОНО не имеется ни одного инспектора по нацмену, так как глубоко дефицитный бюджет нашего округа этого не позволит» [20, л. 18].

Однако и на Кубани темпы украинизации, в том числе вовлечения детей в украинские школы и расширения школьной сети, признавались недостаточными. Отмечалось, что «в связи со слабостью сети украинских просветительских учреждений, большинство украинского детского населения С.К.К. обучается в русских школах. По одному Кубанскому округу таких детей насчитывается около 40 000 чел. Преобладающим типом украинской школы является 4-летка... В школах ощущается недостаток в педагогической, методической и детской литературе на украинском языке» [17, л. 94].

На отношение населения к украинизации в значительной степени повлияли итоги дискуссии о литературной норме украинского языка. Некоторыми кубанскими «филологами-украинофилами» кубанский говор был признан «ещё более украинским, чем говоры на территории Украины». Однако признать украинской литературной нормой «периферийный кубанский говор» было невозможно, поскольку центром украинизации и национальным очагом украинцев была УССР. Как отмечается в работе И.Ю. Васильева, кубанский говор было предложено «усиленно подгонять ... под стандарты украинского литературного языка» [3, с. 47]. Это вызвало большое разочарование не только среди населения Кубани, но и среди региональных властей. В скором времени стало ясно, что литературный украинский язык, изучаемый в школах, значительно отличался от местного говора. Как отмечал представитель Кубанского округа на краевом совещании по казачеству тов. Голубенко, в станице Старошербиновской казаки говорили: «...Вот мы черноморцы, не украинцы, не русские... детей учат в школах укра-

инских потому только, что там книжки дают бесплатно, а в других школах бесплатно не дают. А как идет хлопец в школу и начинает узнавать, что такое “спилка” за слово, тут, он говорит, и учитель не знает, как начали читать такой язык ломанный. Я не возражаю, он нужен язык, но где прививается. Нам легче говорить по-русски, но нас хотят перековеркать, но нам не ладно это» [21, л. 30].

Со временем стало расти осознание, что после окончания украинской школы практически невозможно поступить в семилетку [16, л. 5]. В письме зав.КубОкрОНО т. Потапова в Кубанский окружком ВКП(б) 19 августа 1926 г. отмечалось, что главной проблемой украинизации являлся её однобокий характер, ограничивавшийся «только областью школы 1-й ступени». Это «вселяло недоверие у хлеборобов к прочности и серьёзности целей... На этой почве в отдельных случаях происходило разочарование населения в украинской школе, и школа, просуществовавшая один или два года, по настоянию родителей опять переходила к преподаванию на русском языке (ст-ца Дядьковская)» [16, л. 19].

В 1928–1929 гг. начался второй виток украинизации. Всего подлежало украинизации 37 районов Северо-Кавказского края [22, л. 51]. 5 октября 1928 г. фракцией ВКП(б) Президиума Северо-Кавказского краевого исполкома было принято следующее постановление: «а) признать необходимым введение коренизации в районах с преобладающим украинским населением, понимая под этим введение делопроизводства в сельских и станичных советах и сношения до района включительно на местном наречии...

д) открывать и проводить в школах 1-й ступени занятия на местном наречии, лишь при условии согласия родителей;

е) иметь соответствующее числу школ 1-й ступени количество украинизированных школ 2-й ступени, где обучение оставить по типу ныне существующему, то есть русская школа с обязательным преподаванием украинского языка и украиноведения на украинском языке» [22, л. 67].

План украинизации Северо-Кавказского края, принятый в 1929 г., был рассчитан на три года. Однако, несмотря на серьёзность намерений краевого руководства, уже в 1930 г. оно констатировало, что в ряде крупнейших округов, в том числе Кубанском, Донском, Черно-

морском, сроки украинизации были фактически сорваны [23, л. 115]. В 1929 г. в Таганрогском округе, который был передан РСФСР из состава УССР в 1924 г. и где, согласно переписи 1926 г., преобладало украинское население, не было «ни одной школы, ни одной избы-читальни на украинском языке» [14, л. 54]. Многие учителя, приглашённые в украинизируемые школы из УССР, уезжали обратно, поскольку не видели карьерных и финансовых перспектив. Отмечалось, что в Терском округе, «приглашённое из УССР учительство под всякими предложениями старается уехать обратно, ввиду невыполнения предложенных им условий бюджетной комиссии...» [24, л. 71 об.].

Как и в середине 1920-х гг., в рамках новой волны украинизации Северо-Кавказского края его центром оставался Кубанский округ. Однако уже в июне 1929 г. окружной комитет партии признавал недостаточные темпы по развертыванию украинизации в 12 намеченных районах округа. Отмечалось, что «вопрос украинизации не продвигается», работа в этом направлении признавалась неудовлетворительной, а «меры, принятые Бюро ОК (окружкома. – А.А.), в основном не выполнены» [25, л. 13]. В феврале 1932 г. Краевая комиссия по украинизации, несмотря на «определённые положительные результаты» в Брюховецком, Старо-Минском, Кущёвском, Азовском районах, отмечала «особо неудовлетворительную работу по проведению украинизации в Ейском, Миллеровском, Тимашевском и Славянском районах» [26, л. 106]. В феврале 1932 г. вышеуказанная комиссия постановила украинизировать Азовский, Краснодарский, Матвеево-Курганенский, Леоно-Калитвенский, Кореновский, Абинский, Каневской, Приморо-Ахтарский, Павловский, Темрюкский, Ейский, Миллеровский, Тимашевский, Славянский, Кашарский районы [26, л. 106]. В числе ключевых направлений украинизации выделялась «перестройка аппаратов профсоюзов для обслуживания украинского населения на его родном языке», организация курсов на украинском языке, обеспечение типографии украинским шрифтом, подготовка специальных полиграфических кадров [26, л. 106–107].

Однако вскоре ЦК ВКП(б) и СНК СССР инициировали сворачивание украинизации в Северо-Кавказском крае. На основании телеграммы ЦК ВКП(б) 20 декабря 1932 г. на заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) было принято решение о приостановле-

нии дальнейшей украинизации. Основанием послужило то, что «украинизация ряда районов Северного Кавказа не вытекает из культурных интересов населения и служит легальной формой классовому врагу для организации сопротивления мероприятиям Советской власти и создания под этим прикрытием своих контрреволюционных организаций» [27, л. 10 об.]. В трёхдневный срок предлагалось перевести все украинизированные газеты на русский язык. Листовки, стенгазеты и многотиражки начать издавать на русском языке. К 1 января 1933 г. все делопроизводство также переводилось на русский язык. Радиовещание на украинском языке прекращалось. На русский язык также переводилось преподавание всех работавших в район краткосрочных учительских курсов [27, л. 10 об. –11].

Таким образом, политика украинизации на Юге России носила асинхронный и неравномерный характер. В числе основных факторов следует отметить особенности этнокультурного состава населения того или иного региона; уровень мотивации партийных и советских работников; наличие квалифицированных кадров, владевших украинским языком, в том числе учителей, а также системы профессионального образования на украинском языке. С учётом указанных факторов более динамично и успешно политика украинизации протекала на Кубани, прежде всего в Кубанском округе; менее интенсивно – на Ставрополье и Тереке. Это зависело не только от этнического состава населения, но и от его социальных и культурных характеристик. Тесное взаимодействие казачьего, близкого к русской культурной традиции, и малороссийского этносоциального компонента на Дону и Тереке сдерживало процессы украинизации. На Кубани казачество и крестьянство, несмотря на сохранявшиеся социальные барьеры, находились в рамках общей культурно-языковой традиции, близкой к украинской культурной норме. Близость к Украине, тесные контакты между украинской и кубанской партийными организациями, наличие многочисленной и влиятельной прослойки «украинофильской» интеллигенции обеспечивали наибольший эффект политики украинизации на Кубани. Однако и здесь со временем стало нарастать разочарование в проводившейся украинизации. В то же время практически всему украинизируемому населению был присущ феномен «плавающей» русско-украинской идентичности, что пред-

определило её быструю и безболезненную смену после сворачивания политики украинизации.

Литература

1. *Акопян В.З.* Политика украинизации на Ставрополье в 1920–1930-е годы. Замыслы, осуществление, итоги // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 48–56.
2. *Баранов А.В.* Украинская этничность в социальном и политическом развитии юга России в 1917–1932 гг.: дискуссионные аспекты // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития : материалы Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–4 окт. 2013 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 81–85.
3. *Васильев И.Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани. 1917–1932 годы. Краснодар : Кубанькино, 2010. 164 с.
4. *Иванцов И.Г.* Некоторые вопросы истории Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б), 1920-е – начало 1930-х гг. XX века. Краснодар : Альфа Принт, 2012. 172 с.
5. *Матвеев В.А.* Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и ее проявление в новейшую эпоху). Ростов н/Д. : Омега-Принт, 2015. 320 с.
6. *Скорик А.П., Бондарев В.А.* Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – нач. 1930-х гг.) // История в подробностях. 2013. № 10. С. 62–71.
7. *Хлынина Т.П.* Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар; Киев : ЕДВІ, 2006. Вып. 1. 207 с.
8. *Борисёнок Е.Ю.* Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М. : Алгоритм, 2017. 304 с.
9. *Акопян В.З.* Украинизация как способ преодоления казачьей сословности на Кубани в 20–30-е годы XX века // Вестн. Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2013. № 1. С. 271–275.
10. *Аверьянов А.В.* К вопросу о формировании общерусской идентичности на Дону и Кубани // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 5. С. 84–89.

11. Сивков С.М. К вопросу об украинизации на Кубани в период с 1917 по 1922 г. // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития : материалы Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–4 окт. 2013 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 246–251.

12. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 127.

13. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 12.04.2020).

14. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.Р-1798. Оп. 1. Д. 691.

15. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р-300. Оп. 1. Д. 139.

16. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685.

17. ГАРО. Ф.Р-64. Оп. 1. Д. 234.

18. ГАРО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 227.

19. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 56.

20. ГАСК. Ф.Р-299. Оп. 1. Д. 563.

21. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215.

22. ЦДНИРО. Ф.7. Оп. 1. Д. 938.

23. ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 630.

24. ГАСК. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 956.

25. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1037.

26. ГАРО. Ф.Р-2287. Оп. 1. Д. 3729.

27. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1249.

References

1. Akopyan V.Z. (2015). Policy of Ukrainization in Stavropol in the 1920s-1930s. Plans, implementation, results. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, vol. 15, No. 2, pp. 48-56. (in Russian).

2. Baranov A.V. (2013). Ukrainian ethnicity in the social and political development of the South of Russia in 1917-1932: debatable aspects. *Ukrainians of the South of Russia: problems of history, culture, socio-economic development*. Proceedings of the International Scientific Conference. G.G. Matishov (Ed.). Rostov-on-Don, Southern Scientific Center Press, RAS, pp. 81-85. (in Russian).

3. Vasiliev I.Yu. (2010). *Ukrainian national movement and Ukrainization in Kuban. 1917-1932*. Krasnodar, Kuban'kino Publ., 164 p. (in Russian).

4. Ivantsov I.G. (2012). *Some questions of the history of Kuban in the documents of the commissions of internal*

party control of the CPSU (b), 1920 - early 1930s, 20th century. Krasnodar, Alfa Print Publ., 172 p. (in Russian).

5. Matveev V.A. (2015). *The Ukrainian crisis of 2014: a retrospective dimension (features of historical codification in the East Slavic ethnic environment in the South of the Russian Empire and its manifestation in the modern era)*. Rostov-on-Don, Omega-Print Publ., 320 p. (in Russian).

6. Skorik A. P., Bondarev V. A. (2013). Ukrainization in the South of Russia as a national-political campaign: implementation and liquidation (1920s - early 1930s). *Istoriya v podrobnostyakh*, No. 10, pp. 62-71. (in Russian).

7. Khlynina T. P. (2006). Ukrainization of the North Caucasus region: ideas and implementation. *Kuban-Ukraine. Questions of historical and cultural interaction*. Krasnodar, Kiev, EDVI Publ., iss. 1, 207 p. (in Russian).

8. Borysenok E.Yu. (2017). *Non-Soviet Ukrainization: the authorities of Poland, Czechoslovakia and Romania and the "Ukrainian question" in the interwar period*. Moscow, Algorithm Publ., 304 p. (in Russian).

9. Akopyan V.Z. (2013). Ukrainization as a way to overcome the Cossack class in Kuban in the 20-30s of the 20th century. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, No. 1, pp. 271-275. (in Russian).

10. Averyanov A.V. (2017). On the question of forming an all-Russian identity on the Don and Kuban. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki*, No. 5, pp. 84-89. (in Russian).

11. Sivkov S.M. (2013). On the question of Ukrainization in the Kuban in the period from 1917 to 1922. *Ukrainians of the South of Russia: problems of history, culture, socio-economic development*. Proceedings of the International Scientific Conference. G.G. Matishov (Ed.). Rostov-on-Don, Southern Scientific Center Press, RAS, pp. 246-251. (in Russian).

12. *Center of Documentation of Modern History of Rostov Region (CDMHRR)*. Fund 7. In. 1. File 127. (in Russian).

13. Calculated by: *All-Union Census of 1926. The national composition of the population by region of the RSFSR. North Caucasus region*. Available at: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (accessed April 12, 2020). (in Russian).

14. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 1798. In. 1. File 691. (in Russian).

15. *State Archive of the Stavropol Region (SASR)*. Fund 300. In. 1. File 139. (in Russian).

16. *CDMHRR*. Fund 7. In. 1. File 685. (in Russian).

17. *SARR*. Fund 64. In. 1. File 234. (in Russian).

18. *SARR*. Fund 64. In. 1. File 227. (in Russian).

19. *Center of Documentation of Modern History of Krasnodar Region (CDMHKR)*. Fund 12. In. 1. File 56. (in Russian).

20. *SASR*. Fund 299. In. 1. File 563. (in Russian).

21. CDMHRR. Fund 7. In. 1. File 215. (in Russian).	25. CDMHRR. Fund 7. In. 1. File 1037. (in Russian).
22. CDMHRR. Fund 7. In. 1. File 938. (in Russian).	26. SARR. Fund 2287. In. 1. File 3729. (in Russian).
23. SARR. Fund 1485. In. 1. File 630. (in Russian).	27. CDMHRR. Fund 7. In. 1. File 1259. (in Russian).
24. SASR. Fund 1171. In. 1. File 956. (in Russian).	

Поступила в редакцию / Received

25 апреля 2020 г. / April 25, 2020

ДЕБАТЫ В КОНГРЕССЕ США ПО ВОПРОСУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ИММИГРАЦИИ (1906–1917 гг.)

© 2020 г. В.Ю. Апрыщенко ^а, С.А. Гречишкина ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE DEBATE IN THE US CONGRESS ON LEGISLATIVE RESTRICTIONS ON IMMIGRATION (1906-1917)

V.Yu. Apryshchenko ^а, S.A. Grechishkina ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Апрыщенко Виктор Юрьевич –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
директор Института истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: victorapr@sfedu.ru

Victor Yu. Apryshchenko -
Doctor of History, Professor,
Department of Foreign History
and International Relations,
Director, Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: victorapr@sfedu.ru

Гречишкина София Андреевна –
магистрант, кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: sgr@sfedu.ru

Sophia A. Grechishkina -
Master's Degree Student, Department
of Foreign History and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: sgr@sfedu.ru

Рассматривается проблема законодательного ограничения иммиграции в США при помощи теста на уровень грамотности. Выявляются участники событий, их мотивации в голосовании по законопроектам. Проанализировано мнение президентов США относительно возможности ограничения иммиграционного потока. На основе анализа стенограмм заседаний Конгресса, отчетов иммиграционной комиссии и личных писем установлены причины длительных дебатов по проблеме введения иммиграционного законодательства. Отмечено, что определенные убеждения участников дискуссий, а также политические условия препятствовали принятию законопроекта по ограничению иммиграции. Однако активная работа общественных организаций, поощряющих ограничительное законодательство, и их твердое убеждение в необходимости уменьшения иммиграционного потока в итоге привели к утверждению законопроекта, несмотря на вето президента США.

Ключевые слова: Конгресс США, иммиграционное законодательство, рестрикционизм, иммиграционная проблема, тест на грамотность.

The article is concerned with the problem of legal restrictions on immigration to the United States using a literacy test. Attention to identifying participants of events and their motivation in voting on draft laws is paid. The opinion of US presidents on the possibility of restricting the immigration flow is analyzed. Based on an analysis of congressional transcripts, immigration Commission reports, and personal letters, the reasons for the lengthy debate on the issue of immigration law enforcement are identified. It was noted that certain beliefs of the participants in the discussions, as well as political conditions, prevented the adoption of the bill to restrict immigration. However, the active work of public organizations that encourage restrictive legislation, and their firm belief in the need to reduce the immigration flow, eventually led to the approval of the bill despite the veto of the US President.

Keywords: US Congress, immigration law, restrictionism, immigration problem, literacy test.

О необходимости законодательного ограничения иммиграции в США заговорили в конце XIX в. Причиной послужило резкое и устойчивое увеличение иммиграционного потока. Обеспокоенные сложившимся положением интеллектуалы северо-западных штатов предложили ряд мер, которые, по их мнению, смогут изменить ситуацию в стране. Тем не менее идеи не были восприняты сразу. Попытка проведения через Конгресс ограничительного иммиграционного законодательства в 1897 г. завершилась провалом. Однако спустя восемь лет в повестке заседания 59-го Конгресса вновь появился пункт с обсуждением теста на грамотность в разделе вопросов об иммиграции.

Стоит сказать, что в истории США уже были периоды ограничения или, напротив, поддержки иммиграционных потоков. Смена рестрикционистской политики антирестрикционистской является естественной сменой политических настроений и весьма показательной, чем пользуются многие российские и зарубежные ученые для построения периодизации. Однако, выделяя этапы внутривнутриполитических настроений, исследователи вскользь затрагивают сам ход подобных изменений. Так, С. Мартин определяет 1882 г. как начальный период рестрикционизма и отмечает, что «даже прогрессисты, отрицавшие расовую неполноценность новых иммигрантов, считали, что понимание языка облегчает понимание лежащих в его основе реальностей» [1, с. 138], поэтому «неудивительно, что те, кто хотел ограничить иммиграцию, вскоре занялись языком в качестве основного фокуса своей лоббистской деятельности» [1, с. 138]. В то же время Р. Даниелз называет в конце XIX – начале XX в. три фазы антииммиграционных настроений, последняя из которых завершается установлением ограничительного иммиграционного законодательства. Р. Даниелз справедливо отмечает позицию сторонников иммиграции, заключающуюся в том, что «многие штаты, особенно новые западные, давали иммигрантам право голосовать и занимать государственные должности еще до того, как они становились гражданами» [2, с. 265–266], и достаточно четко выделяет позицию нативистского элемента среди граждан США. Однако его исследование исчерпывается общим описанием националистических, антииммиграционных общественных настроений.

Российские аналитики несколько иначе подошли к изучению меняющегося отношения к

иммиграции в американском обществе. Так, С.В. Филиппов предлагает брать за основу 1875 г., когда иммиграционные вопросы становятся под непосредственную юрисдикцию Конгресса США [3, с.10]. В.А. Тен называет 1862–1916 гг. периодом «регулирования». Безусловно признавая заслуги в освещении иммиграционной проблемы этими историками, отметим, что некоторые аспекты остались не исследованы в достаточной мере [4, с. 17]. В частности, нам кажется необходимым выяснение отношения Конгресса США к иммиграционной проблеме конца XIX – начала XX в. И в этой связи вопрос о том, почему с одной стороны заурядная поправка с тестом на грамотность вызвала длительные дебаты, выглядит вполне естественным.

Как уже было сказано, рестрикционистские настроения в течение долгого времени не принимались частью конгрессменов, сенаторов и непосредственно президентами США. Попытки провести поправку в законодательство США с мерами по ограничению иммиграции трижды терпели неудачу: в 1897 г. законопроект был ветирован Г. Кливлендом, в 1913 г. – У.Г. Тафтом и в 1915 г. – В. Вильсоном. Президенты по-разному аргументировали свою позицию «против», но они единодушно сходились в том, что проверка грамотности иммигрантов не приведет к качественным изменениям уровня иммиграции и лишь покажет, что США отходят от ценностей, которые были приняты отцами-основателями.

Тем не менее 5 февраля 1917 г. рестрикционисты одержали победу. Помимо теста на грамотность принятый закон содержал ряд других положений, но именно ограничительные меры по критерию образованности вызывали большие дискуссии в Конгрессе до принятия поправки с тестом на грамотность.

Законопроект по иммиграционному вопросу был вынесен на обсуждение в Палате Представителей 3 мая 1906 г. Он во многом повторял меры, предлагаемые в законопроекте от 1895 г. В новой сессии конгрессмены поддерживали проект с тестом на грамотность, но среди них были и противники поправки. «Те, кто предвкушал долгожданный триумф, недооценили изобретательность спикера Палаты Представителей Джозефа Гурни Кэннона. То, что последовало дальше, граничило с хаосом» [5, с. 173].

С твердой антирестрикционистской позицией выступили представители штатов Среднего Запада, которые в конце XIX в. переживали

промышленный и сельскохозяйственный подъем, кроме того, определенная доля населения этих штатов состояла из иммигрантов прошлых лет. Когда в Палате Представителей заканчивались дебаты по иммиграционному вопросу, сторонник республиканца Дж. Г. Кэннона (Иллинойс) республиканец Чарльз Г. Гросвенор (Огайо) вынес на рассмотрение предложение о создании иммиграционной комиссии для детального исследования ситуации с иммиграцией в США. Гросвенор следовал представлению Кэннона о том, что человека нужно судить по его характеру и что «каждый человек в любом положении имеет право зарабатывать свой хлеб насущный в поте лица своего, и ни одному человеку или группе людей не должно быть отказано в этом праве» [6, с. 50].

Дж. Г. Кэннон полагал, что если закон работает, то нет причин для его изменения, но если все же необходимы поправки, то тщательное исследование всех причин и возможных последствий перед принятием законопроекта являлось обязательным. Фактически это и предлагал сделать конгрессмен Гросвенор, вынося на обсуждение Палаты вопрос о создании иммиграционной следственной комиссии. Сторонники теста на грамотность пытались доказать, что вопрос с иммиграционной комиссией не относится к обсуждаемой поправке, но им этого не удалось. Вопрос был вынесен на голосование, которое по требованию республиканца из Нью-Йорка Уильяма Стайлза Беннета производилось в поименном порядке. Именно тут и проявилась решительность Кэннона, который буквально вытряхивал голоса из конгрессменов. В записях Конгресса сохранилось упоминание о том, как разворачивались события в тот день, как «в двух случаях спикер Кэннон хватал членов за воротники пальто и рывком поднимал их со своих мест, пытаясь заставить их голосовать против образовательного теста, и в случаях, когда члены отказывались подчиняться его приказу, спикер злобно тряс кулаком перед их лицами. Когда некоторые поддались этому запугиванию, поправка Гросвенора [о создании иммиграционной следственной комиссии. – В.А., С.Г.] была принята...» [цит. по: 5, с. 173–174].

Безусловно, рестрикционисты выступали против создания комиссии, которая растягивала сроки утверждения иммиграционного законодательства, но, несмотря на то, что им не удалось избежать неуютного голосования в Конгрессе, они смогли обернуть ситуацию в свою пользу и

даже упрочить позиции. Когда в 1907 г. была создана иммиграционная комиссия, на пост председателя был выбран сенатор Уильям Пол Дилингом, республиканец из штата Вермонт. Дилингом был удачным кандидатом на эту должность, он имел опыт работы с иммиграционной проблемой, будучи председателем иммиграционного комитета с 1903 г., но самое главное, он был тем республиканцем, который всегда поддерживал решения партии и имел огромное влияние в родном штате Вермонт, так как продвигал представителей своего штата в Вашингтоне. Комиссия состояла из членов Конгресса: республиканцев Генри К. Лоджа (Массачусетс), Бенджамин Ф. Хауэлла (Нью-Джерси) и Уильяма С. Беннета (Нью-Йорк), демократов Джона Л. Бернетта (Алабама), Эсбери Латимера (Южная Каролина) и ЛеРой Перси (Миссисипи). Также членами комиссии были Чарльз П. Нил, комиссар Департамента труда, Джеремиа В. Дженкс, профессор Корнельского университета и Уильям Р. Уилер, комиссар по иммиграции в Калифорнии. Стоит сказать, что состав комиссии подбирался так, что в нем оказались сторонники образовательного теста. Сам председатель находил, что «если количество приезжающих в страну будет разумно сокращено, это даст лучшую возможность тем [иммигрантам. – В.А., С.Г.], кто здесь находится ... что если мы примем образовательную программу, то это существенно уменьшит объем этого потока [из Восточной и Южной Европы. – В.А., С.Г.] на 30 процентов...» [цит. по: 7, с. 28].

В 1911 г. иммиграционная комиссия прекратила свою работу. Опубликовав 41 том докладов, она затронула массу ситуаций, с которыми так или иначе соприкасались иммигранты. «Работа комиссии заключалась в сборе и подготовке новых материалов, в основном статистических по своему характеру, которые могли бы послужить основой для разработки законодательства» [8, с. 23]. Публикации всех отчетов тщательно проверялись для того, чтобы соответствовать определенному шаблону. Комиссия предлагала использовать тест на грамотность, установить процентные квоты для представителей каждой расы, ограничить въезд неквалифицированным рабочим без семьи, существенно увеличить налоги на въезд и на прибыль таким образом, чтобы стало явным предпочтение в иммигрантах с семьями. Однако в заключении комиссии выделялось, что ее члены «выступают за проведение теста на чтение и письмо как

наиболее приемлемого и единственного метода ограничения нежелательной иммиграции» [8, с. 48]. Вывод комиссии, обремененный научными обоснованиями, «экономическими, моральными и социальными соображениями», утверждал необходимость ограничения иммиграции [9]. Предложенные меры были направлены против иммигрантов из Восточной и Южной Европы, представители которой прибывали «в таких больших количествах, что вызвали широко распространенное чувство опасения...» [8, с. 24]. Против решительного ограничения иммиграции выступал лишь один член комиссии – Уильям С. Беннет.

Изучив отчеты комиссии Дилингема, Палата Представителей 14 декабря 1912 г. открыла очередные слушания по иммиграционному вопросу. Законопроект по ограничению иммиграции, заслушанный на сессии 62-го Конгресса, состоял из нескольких разделов: налог на въезд в страну, перечень лиц, которым может быть отказано в допуске в страну по физическим и моральным показателям, а также образовательный тест. Тест на грамотность по структуре не отличался от ранее предложенного. Иммигранты должны были показать умение читать 30–40 общеупотребимых слов на английском, любом другом языке или диалекте. Кроме того, законопроект запрещал какое-либо поощрение иммиграции, а также описывал причины и процедуру депортации иммигрантов. Если проект иммиграционного законодательства сохранял предложенную ранее идею ограничения иммиграционного потока, то состав участников дебатов по данному вопросу к 1912 г. изменился. Теперь автором законопроекта в Палате Представителей был член демократической партии, конгрессмен из Алабамы Джон Л. Бернетт.

Представители демократов в целом изменили свое отношение к иммиграционному вопросу. В Конгрессе все чаще стали звучать голоса «за» законопроект по ограничению иммиграции от членов этой партии. Республиканцы остались сторонниками ограничительного законодательства, но среди них появилось больше отдающих голоса «против» законопроекта. Кроме того, изменился сам характер дебатов. Помимо ожидаемых фраз о засилье иммигрантами страны и громких обращений в защиту американских граждан появились критические отзывы о характере голосования конгрессменов. Слышались обвинения в лицемерии представителей Конгресса в том, что они «жонглируют картами»

для расширения электората. Особым нападкам подверглась демократическая партия, представитель которой выдвинул на обсуждение законопроект по ограничению иммиграции. Наиболее ясно свою позицию в отношении демократической партии в Палате Представителей высказал Бенджамин Курц Фохт, республиканец из Пенсильвании: «Иммиграционный комитет республиканского сената усердно рассматривал законопроект, в то время как комитет джентльменов [демократов. – В.А., С.Г.] столь же усердно откладывал в долгий ящик тот же самый законопроект иммиграционной комиссии, который я сам внес и передал комитету джентльменов семь месяцев назад, как я уже сказал...» [10, с. 614–617].

Конгрессмен был сторонником рестрикционистской политики, но его возмущало то, что демократ Бернетт стал автором законопроекта по ограничению иммиграции. Более того, Фохт не верил в искреннее желание членов демократической партии исправить иммиграционную проблему еще и по той причине, что слушания по данному вопросу начались в последние месяцы работы 62-й сессии Конгресса США. Близящиеся выборы требовали активизации законодательной деятельности конгрессменов, что и проиллюстрировала ситуация с обсуждением и голосованием по иммиграционному вопросу.

Дебаты продолжались до февраля 1913 г., после чего законопроект, получивший название «Закон о регулировании иммиграции иностранцев в Соединенные Штаты и проживания иностранцев в Соединенных Штатах», был передан на рассмотрение президенту-республиканцу Уильяму Тафту. Ознакомившись с законопроектом, тот вернул его в Палату Представителей, отметив что в проекте есть «...много ценных поправок к действующему иммиграционному законодательству, которые обеспечат большую определенность в исключении нежелательных иммигрантов ... Но я не могу решиться подписать законопроект, который в своем основном положении нарушает принцип, который, по моему мнению, должен сохраняться в отношении нашей иммиграции. Я имею в виду тест на грамотность» [11].

Решение президента Тафта наложить вето сопровождалось кратким письмом, но в дополнение он приложил более подробный и структурированный анализ законопроекта, сделанный его секретарем Чарльзом Нагелем. Впоследствии Тафт заявлял, что наложил вето на эту

меру, поскольку не считал ее хорошей проверкой [12, с. 447–460]. Законопроект прошел голосование в Сенате после вето президента: 72 сенатора проголосовали «за», 18 – «против». В Палате Представителей не хватило всего нескольких голосов для преодоления президентского вето. Только 213 конгрессменов высказались в поддержку законопроекта, в то время как 114 проголосовали «против». Решение У. Тафта, как и решение Г. Кливленда, наложить вето на законопроект было одним из последних решений в его президентской карьере. И он также не захотел поступаться основными принципами, заложенными еще во время Войны за независимость. Таким образом, в очередной раз вопрос иммиграции не был разрешен.

Однако на следующей 63-й сессии Конгресса с преобладанием демократов вопрос по иммиграционному законодательству был вновь поднят. Демократы повторили попытку провести через Конгресс законопроект по ограничению иммиграции, отклоненный ранее президентом У. Тафтом. В Палате Представителей вновь выступил демократ из Алабамы Джон Л. Бернетт с предложением иммиграционного законодательства. Проведя ряд обсуждений законопроекта, конгрессмены проанализировали его с точки зрения пользы для организаций рабочих. Джеймс Б. Асвелл, демократ из Луизианы, представил в Палате Представителей письма от Ассоциации фермеров и Американской Федерации труда. С такой же позицией по защите американских рабочих выступал и конгрессмен от Южной Каролины Уайт Эйкен.

Член республиканской партии из Небраски Сайлас Р. Бартон считал, что предложенное иммиграционное законодательство поможет отделить ту часть иммигрантов, которые хотят интегрироваться в американскую культуру, от той части, которая приезжает лишь для того, чтобы заработать и вернуться обратно. Противниками ограничения иммиграции оставалась немногочисленная часть Палаты. Конгрессмены из Вашингтона и Нью-Йорка видели в иммигрантах тех, кто поможет увеличить население США и освоить отдаленные штаты, такие как Аляска. Кроме того, они отмечали, что и в «нежелательных» иммигрантах из Южной и Восточной Европы есть выдающиеся личности. Также протест вызывал тот раздел законопроекта, который был посвящен тесту на грамотность: «неспособность читать не является преступлением ... тест на грамотность не является тем, что определяет

характер» [13, с. 115], говорил демократ из штата Огайо Клемент Л. Брамбо. В общем, основным аргументом сторонников поощрения иммиграции оставалась апелляция к гуманности американских законов и американцев, а основным аргументом сторонников ограничения то, что этого требуют американские граждане.

Голосование по законопроекту H.R.6060 в Сенате продемонстрировало победу его сторонников с перевесом в 55 голосов. В Палате Представителей законопроект получил поддержку 241 конгрессмена. После голосований документ был передан президенту США Вудро Вильсону, который решил провести публичные слушания в Белом доме [12, с. 447–460], так как сомневался относительно целесообразности законопроекта. В публичных слушаниях приняли участие профсоюзные лидеры, представители фермерских организаций, патриотических обществ и члены иммиграционной службы. Сторонники ограничительных мер обвиняли противников теста на грамотность в том, что последние «хотят русифицировать трудовой мир» в США. А еврейская община и лидеры католических общин давали ясно понять, что действия президента в отношении законодательства будут проверкой его доброй воли [14, с. 274–275]. Вудро Вильсон колебался, и это отмечено в его письмах сенатору-демократу Джону Шарпу Уильямсу (Миссисипи). Президент писал, что ему сложно идти против своих соратников, однако он не может не оправдать ожидания иммигрантов, которым «открыты двери» в Америку [15].

В итоге президент Вильсон, как и его предшественники, вернул 28 января 1915 г. в Конгресс документ без подписи. В своем послании В. Вильсон отмечал, что законопроект представляется ему отходом от гуманной политики страны, что он закрывает двери иммигрантам по политическим причинам и ограничивает иммиграцию по критерию не качества, а способностей [16].

Президент высказывал сомнения относительно того, что законопроект исходит от жителей США, и в связи с этим просил, чтобы этот вопрос был воплощен в партийных платформах и вынесен на голосование, поскольку он «слишком важный, чтобы решать его иначе» [17]. Голосование по преодолению президентского вето в Палате Представителей не было успешным. Рестрикционистам вновь не хватило пары голосов чтобы одержать победу. И снова два года ушло на то, чтобы законопроект с мерами по

ограничению иммиграции был вынесен на обсуждение в Конгрессе США.

В январе 1917 г. законопроект H.R.10384, включающий тест на грамотность, снова оказался на столе В. Вильсона. Ожидалось, что президент вновь наложит вето на предложенный Конгрессом проект. Так и случилось 29 января 1917 г., когда Вильсон вернул данный законопроект в Палату Представителей. Сообщение президента было кратким и более безразличным по тону, чем предыдущее. На этот раз ничего не было сказано о желаниях народа. Была только отмечена неправильная позиция по отношению к американским традициям [18]. Действия Конгресса были быстрыми и решительными. 1 февраля Палата Представителей преодолела вето 287 голосами против 106, а 5 февраля Сенат проголосовал 62 голосами против 19.

Длительная история принятия иммиграционного законодательства, которое обсуждалось на пяти сессиях Конгресса США с 1897 по 1917 г., подтверждает, что наличие одного спорного предложения в законопроекте может существенно отсрочить его принятие. Поправка, которая, с одной стороны, должна была устраивать всех и не вызывать активного противодействия на деле встретила серьезное сопротивление. Авторы законопроекта пытались заручиться поддержкой каждой из противоборствующих групп, поэтому и направляли им призывы принять законопроект с различной аргументацией. Антирестрикционистов убеждали в том, что тест на грамотность является в первую очередь селективной мерой и что его ограничительный эффект связан со стремлением не допускать «нежелательных» иммигрантов. Рестрикционистов уверяли, что неграмотный иммигрант является угрозой американскому обществу, и в связи с тем, что доля неграмотных иммигрантов велика, то их недопущение в страну значительно уменьшило бы общий объем иммиграции.

Однако не были учтены факты, что многие конгрессмены действуют исходя из особенностей социальной структуры своих штатов и их интересов, требующих рабочей силы. Также авторы законопроекта не придали значения тому, что голосование «против» может быть исключительно корыстно и политически ангажировано. Кроме того, не было учтено, что президенты США будут старательно поддерживать имидж свободной страны и что преодоление конгрессом вето президента было редким случаем в конце XIX – начале XX в. Авторитет главы государства до-

влел над позицией конгрессменов, которые зачастую старались прислушиваться к мнению президента и лишь в исключительных случаях голосовать, не поддерживая его позицию. Политические условия, в которых проходило обсуждение законопроекта, не способствовали скорому принятию решений. Однако создатели теста на грамотность были убеждены в позитивном влиянии законопроекта на ситуацию с иммиграцией, а то, что было организовано широкое изучение особенностей проблемы и обеспечивалась поддержка законопроекта, в конце концов привело к появлению Закона, включающего положение о тесте на грамотность для иммигрантов.

Литература

1. *Martin S.F.* A Nation of Immigrants. New York: Cambridge University Press, 2011. 346 p. URL: https://books.google.ru/books?id=qBmnUlvVOiIC&hl=ru&source=gbs_book_other_versions (дата обращения: 20.08.2019).
2. *Daniels R.* Coming to America: A History of Immigration and Ethnicity in American Life. New York: Harper Perennial, 2002. 576 p. URL: <https://archive.org/details/comingtoamericah00dani> (дата обращения: 10.09.2019).
3. *Филиппов С.В.* США: иммиграция и гражданство (политика и законодательство). М.: Наука, 1973. 203 с.
4. *Тен В.А.* Иммиграционная политика США в XVII – XX вв. М.: Диалог, 1998. 136 с.
5. *Zeidel R.F.* Hayseed Immigration Policy: ‘Uncle Joe’ Cannon and the Immigration Question // *Illinois Historical Journal*. 1995. Vol. 88, № 3. P. 173. URL: www.jstor.org/stable/40192956 (дата обращения: 27.09.2019).
6. *Busbey L.W.* Uncle Joe Cannon: The Story of a Pioneer American. New York : Henry Holt, 1927. 362 p. URL: <https://archive.org/details/unclejoecannonth009147mbp/page/n9> (дата обращения: 12.10.2019).
7. *Schlup L.* William Paul Dillingham: A Vermont Republican in National Politics // *Vermont History*. 1986. Vol. 54, № 1. The proceedings of the Vermont Historical Society. URL: <https://vermonthistory.org/journal/misc/WilliamDillingham.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
8. Reports of the Immigration Commission: Abstracts of reports of the Immigration commission with conclusions and recommendations and views of the minority: in 2 vol. Washington: Govt. Print. Off., 1911. 921 p. URL: <https://archive.org/details/abstractsreport00benngoog/page/n5> (дата обращения: 10.11.2019).

9. Lund J. M. Boundaries of Restriction: The Dillingham Commission // University of Vermont: History Review. 1994. Vol. 6. URL: <https://www.uvm.edu/~hag/histreview/vol6/lund.html> (дата обращения: 01.10.2019).

10. Congressional Record (Bound Edition). Vol. 48, part 12 (December 4, 1911 to August 26, 1912). Appendix 62nd Congress, 2nd Session. P. 614-617. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/GPO-CRECB-1912-pt12-v48/> (дата обращения: 27.09.2019).

11. Regulation of the immigration of aliens: message from the president of the United States, transmitting, without approval, the bill (S. 3175) entitled "An act to regulate the immigration of aliens to and the residence of aliens in the United States". United States. President (1909-1913: Taft). Washington: G.P.O. / (Senate document (United States. Congress. Senate); 62nd Congress, № 1087. 1913. URL: <https://curiosity.lib.harvard.edu/immigration-to-the-united-states-1789-1930/catalog/39-990100137260203941> (дата обращения: 10.10.2019).

12. Fairchild H. P. The Literacy Test and Its Making // The Quarterly Journal of Economics. 1917. Vol. 31, № 3. P. 447-460. URL: www.jstor.org/stable/1883384 (дата обращения: 27.09.2019).

13. Congressional Record (Bound Edition). Vol. 51, part 17 (December 1, 1913 to October 24, 1914). Appendix 63rd Congress, 2nd Session. P. 115. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/GPO-CRECB-1914-pt1-v51/> (дата обращения: 27.09.2019).

14. Link A. S. Woodrow Wilson and The Progressive Era 1910-1917. New York: Harper & Brothers, 1954. 379 p. URL: <https://archive.org/details/woodrowwilsonand007665mbp/page/n7> (дата обращения: 14.09.2019).

15. The Papers of Woodrow Wilson Digital Edition. Woodrow Wilson to John Sharp Williams, January 7, 1915. Vol. 32. January 1 - April 16, 1915. Charlottesville: University of Virginia Press, Rotunda, 2017. URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/WILS-01-32-02-0024> (дата обращения: 24.10.2019).

16. Congressional Record (Bound Edition). Vol. 52, part 3 (January 24, 1915 to February 6, 1915). 63rd Congress, 3rd Session; The veto message H.R. Doc. № 1527. (52 Cong. Rec. 2481, 2482). URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/GPO-CRECB-1915-pt3-v52/> (дата обращения: 27.09.2019).

17. The Papers of Woodrow Wilson Digital Edition. Message from the President of the United States Vetoing H.R. 6060 ... (Washington, 1915). Charlottesville: University of Virginia Press, Rotunda, 2017. Vol. 32. January 1 - April 16, 1915. URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/WILS-01-32-02-0120> (дата обращения: 24.10.2019).

18. The Papers of Woodrow Wilson Digital Edition. Message from the President of the United States ...

(Washington, 1917). Charlottesville: University of Virginia Press, Rotunda, 2017. Vol. 41, January 24 - April 6, 1917. URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/WILS-01-41-02-0063> (дата обращения: 24.10.2019).

References

1. Martin S.F. (2011). *A Nation of Immigrants*. New York, Cambridge University Press, 346 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=qBmnUlvVOiIC&hl=ru&source=gbs_book_other_versions (accessed August 20, 2019).

2. Daniels R. (2002). *Coming to America: A History of Immigration and Ethnicity in American Life*. New York, Harper Perennial Publ., 576 p. Available at: <https://archive.org/details/comingtoamericah00dani> (accessed September 10, 2019).

3. Filippov S.V. (1973). *USA: immigration and citizenship (politics and law)*. Moscow, Nauka Publ., 203 p. (in Russian).

4. Ten V.A. (1998). *US immigration policy in the 17th-20th centuries*. Moscow, Dialog Publ., 136 p. (in Russian).

5. Zeidel R.F. (1995). Hayseed Immigration Policy: 'Uncle Joe' Cannon and the Immigration Question. *Illinois Historical Journal*, vol. 88, No. 3, p. 173. Available at: www.jstor.org/stable/40192956 (accessed September 27, 2019).

6. Busbey L.W. (1927). *Uncle Joe Cannon: The Story of a Pioneer American*. New York, Henry Holt Publ., 362 p. Available at: <https://archive.org/details/unclejoecannonth009147mbp/page/n9> (accessed October 12, 2019).

7. Schlup L. (1986). William Paul Dillingham: A Vermont Republican in National Politics. *Vermont History*, vol. 54, No. 1. The proceedings of the Vermont Historical Society. Available at: <https://vermonthistory.org/journal/misc/WilliamDillingham.pdf> (accessed September 10, 2019).

8. *Reports of the Immigration Commission* (1911). Abstracts of reports of the Immigration commission with conclusions and recommendations and views of the minority: in 2 vol. Washington, Govt. Print. Off., 921 p. Available at: <https://archive.org/details/abstractsreport00benngoog/page/n5> (accessed November 10, 2019).

9. Lund J.M. (1994). Boundaries of Restriction: The Dillingham Commission. *University of Vermont: History Review*, vol. 6. Available at: <https://www.uvm.edu/~hag/histreview/vol6/lund.html> (accessed October 1, 2019).

10. *Congressional Record* (Bound Edition), vol. 48, part 12 (December 4, 1911 to August 26, 1912). Appendix 62nd Congress, 2nd Session, pp. 614-617. Available at: <https://www.govinfo.gov/app/details/GPO-CRECB-1912-pt12-v48/> (accessed September 27, 2019).

11. Regulation of the immigration of aliens: message from the president of the United States, transmitting, without

approval, the bill (p. 3175) entitled “An act to regulate the immigration of aliens to and the residence of aliens in the United States”. United States. President (1909-1913: Taft). Washington: G.P.O. / (Senate document (United States. Congress. Senate); 62nd Congress, No. 1087. 1913. Available at: <https://curiosity.lib.harvard.edu/immigration-to-the-united-states-1789-1930/catalog/39-990100137260203941> (accessed October 10, 2019).

12. Fairchild H.P. (1917). The Literacy Test and Its Making. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 31, No. 3, pp. 447-460. Available at: www.jstor.org/stable/1883384 (accessed September 27, 2019).

13. *Congressional Record* (Bound Edition), vol. 51, part 17 (December 1, 1913 to October 24, 1914). Appendix 63rd Congress, 2nd Session. 115 p. Available at: <https://www.govinfo.gov/app/details/GPO-CRECB-1914-pt1-v51/> (accessed September 27, 2019).

14. Link A.S. (1954). *Woodrow Wilson and The Progressive Era 1910-1917*. New York, Harper & Brothers Publ., 379 p. Available at: <https://archive.org/details/woodrowwilsonand007665mbp/page/n7> (accessed September 14, 2019).

15. *The Papers of Woodrow Wilson Digital Edition*. Woodrow Wilson to John Sharp Williams, January 7, 1915.

Vol. 32. January 1 - April 16, 1915. Charlottesville, University of Virginia Press, Rotunda, 2017. Available at: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/WILS-01-32-02-0024> (accessed October 24, 2019).

16. *Congressional Record* (Bound Edition), vol. 52, part 3 (January 24, 1915 to February 6, 1915). 63rd Congress, 3rd Session; The veto message H.R. Doc. No. 1527. (52 Cong. Rec. 2481, 2482). Available at: <https://www.govinfo.gov/app/details/GPO-CRECB-1915-pt3-v52/> (accessed September 27, 2019).

17. *The Papers of Woodrow Wilson Digital Edition*. Message from the President of the United States Vetoing H.R. 6060 ... (Washington, 1915). Charlottesville, University of Virginia Press, Rotunda, 2017, vol. 32. January 1 - April 16, 1915. Available at: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/WILS-01-32-02-0120> (accessed October 24, 2019).

18. *The Papers of Woodrow Wilson Digital Edition*. Message from the President of the United States ... (Washington, 1917). Charlottesville, University of Virginia Press, Rotunda, 2017, vol. 41, January 24 - April 6, 1917. Available at: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/WILS-01-41-02-0063> (accessed October 24, 2019).

Поступила в редакцию / Received

13 апреля 2020 г. / April 13, 2020

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РОЯЛИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В АНГЛИИ В 1649–1650 ГОДАХ

© 2020 г. К.С. Бачериков^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE EMERGENCE OF THE ROYALIST CONSPIRACY IN ENGLAND IN 1649-1650

K.S. Bacherikov^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Бачериков Кирилл Станиславович –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: bacherikov@sfedu.ru

Kirill S. Bacherikov -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya, 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: bacherikov@sfedu.ru

Рассматриваются процессы, происходившие в среде английских роялистов после их поражения в гражданской войне и казни короля Карла I Стюарта, отмечается зарождение их подпольного движения за восстановление монархии в Англии, а именно такой организации, как «Западная ассоциация роялистов». Изучаются факторы, способствующие неудачам организаций роялистов в начальный период деятельности против режима Индепендентской республики, – пассивность сторонников короля Карла II, их нерешительность, отсутствие единого центра управления, что повлекло за собой низкий уровень координации действий участников движения, а также отсутствие разведывательной сети, отказ Франции и Нидерландов от поддержки роялистов, активное противодействие со стороны властей Английской республики. Выделяется роль руководителя разведки Индепендентской республики Томаса Скотта, создавшего разведывательную сеть, которая осуществляла свою деятельность против роялистов не только на территории Англии, но и в роялистских кругах, находившихся в изгнании – в королевстве Франция и Нидерландах.

Ключевые слова: гражданская война в Англии, Карл II Стюарт, Английская республика, Оливер Кромвель, роялисты, король, заговоры, бунты, оружие, организации, тайные общества, центры, переписка.

This article investigates the processes that took place among the English royalists after their defeat in the Civil War and the execution of King Charles I Stuart, as well as the emergence of their conspiracy movement for the restoration of the monarchy in England, namely, it examines the activities of such organizations of supporters of the monarchical form of government in England, as the “Western Association of Royalists”. In addition, the article studies the factors contributing to the failures of royalist organizations at the beginning of their activity against the regime of the Independent Republic, such as: passivity of supporters of King Charles II, their indecision, lack of a single control center, which entailed a low level of the participants’ actions coordination in the movement, lack of intelligence network, the refusal of France and the Netherlands to support the royalists, as well as the active opposition to their activities by the authorities of the Commonwealth of England. The role of the head of intelligence of the Independent Republic - Thomas Scott, who created the intelligence network, which carried out its activities against royalists not only in England, but also in royalist circles in exile in the kingdom of France, as well as in the Netherlands, stands out separately.

Keywords: Civil War in England, Charles II Stuart, Commonwealth of England, Oliver Cromwell, royalists, king, conspiracies, riots, weapons, organizations, secret societies, centers, correspondence.

Несмотря на то что к середине XVII в. активные боевые действия в гражданской войне в Англии были завершены, а король Карл I Стюарт был казнён 30 января 1649 г., тем не менее далеко не все сторонники партии короля смирились с таким положением дел.

Так, уже 27 августа того же Государственный совет докладывал лорду-генералу Оливеру Кромвелю, что в окрестностях Твикенгема произошёл «большой бунт», участники которого с оружием в руках «провозглашали Карла Стюарта», и для подавления данного выступления сил

местных мировых судей Джона Брауна и Морриса не хватило. В связи с этим Государственный совет просил у лорда Кромвеля помощи в подавлении протеста [1, р. 292–293].

Однако о возможности восстания сторонников короля Государственный совет Английской республики предупреждал судей округов в Кенте ещё в своём письме от 28 июня 1649 г. Окружным судьям предписывалось информировать о недовольных людях в своих округах, взамен Государственный совет обещал направить в распоряжение судей отряды кавалеристов, чтобы с их помощью пресечь деятельность роялистских активистов [1, р. 180].

Далее опасность роялистского реванша лишь усиливалась. Зачастую массовые собрания людей на скачках, состязаниях и ярмарках приводили к восстанию против новой власти. В письме Государственного совета шерифу Дербишира от 10 октября 1649 г. выражалось недовольство совета в отношении неспособности шерифа пресекать массовые собрания, потому как под видом скачек собирались по 5–6 тыс. человек с оружием, из которых около 3 тыс. всадников. По мнению Государственного совета, данные собрания проводились с целью «начать новые смуты». Из-за этого шерифу Дербишира выносилось недоверие, так как он не только не предотвратил или не разогнал массовые скопления, но даже не уведомил центральную власть об их существовании [1, р. 180].

Схожие инструкции Государственный совет отправил полковнику Сандерсу 11 октября 1649 г., в которых ему предписывалось немедленно и решительно разоружать и разгонять участников собраний противников нового режима, конфискуя их оружие и лошадей «в пользу государства» [1, р. 337].

Также довольно показательным является документ, который представляет из себя инструкцию, написанную 20 октября 1649 г. сыном казнённого короля Карла I, самопровозглашённым королём Карлом II, для ряда полковников. Кроме того, адресатом письма выступал сэр Джон Полет, который, по словам Карла II, использовался в Гемпшире для «увеличения сил». То есть, как можно предположить из данной формулировки, роялистская партия начала вести активную подпольную борьбу почти сразу же после своего поражения в полевых сражениях периода гражданской войны [1, р. 354].

Итак, в данном письме-инструкции Карл II Стюарт предписывает адресатам своего посла-

ния соблюдать «всевозможную тайну» при осуществлении вербовки и сбора своих сторонников, а также при заготовке запасов оружия, необходимых для активных действий против режима лорда Кромвеля [1, р. 355].

Однако вместе с тем король Карл II, который в это время находился в изгнании на территории Голландии, предостерегает своих сторонников от преждевременных действий, дабы предотвратить разгром роялистских сил до тех пор, пока они не будут готовы эффективно противостоять силам Английской республики. Самостоятельные действия также крайне нежелательны – любое действие должно предприниматься только в случае согласия с ним большинства лидеров роялистского движения. Таковы были основные предписания, которые Карл II направил своим сторонникам [1, р. 355].

Но без чёткой структуры командования роялистской партией внутри самой Англии деятельность такой организации была обречена на провал. Руководить действиями роялистов должен был человек, пребывающий непосредственно на территории Англии, а король в тот момент находился в изгнании. Кроме того, такой человек должен был обладать достаточным авторитетом среди своих сторонников, чтобы ему беспрекословно подчинялись. В частности, Гилберт Тэлбот, бывший посол Карла I в Венеции, предлагал на роль командующего силами роялистов в Англии одного из трёх самых влиятельных английских пэров – Ричмонда, Херфорда или Саутгемптона. Но никто из них не взял на себя такую ответственность, потому что они не хотели рисковать своими поместьями, имуществом и жизнью, несмотря на то что в прошлом все они были искренними сподвижниками Карла I [2, р. 154].

Тем не менее власти Английской республики довольно отчётливо представляли себе угрозу роялистского реванша. Так, 1 июля 1649 г. на должность начальника разведки республики был назначен Томас Скотт, который развил бурную деятельность по насаждению агентурной сети как внутри Англии, так и в эмигрантских кругах за границей. За пределами Англии роялисты были менее бдительными, потому как чувствовали себя в безопасности, и зачастую выдавали важную разведывательную информацию агентам-провокаторам по неосторожности [3, р. 116].

Т. Скоттом был создан криптографический отдел, возглавляемый Джоном Уоллесом, окс-

фордским профессором геометрии. Отдел занимался расшифровкой тайной переписки роялистов, а также практиковал перехват переписки и подмену оригинальных писем подделками высокого качества, содержащими дезинформацию [3, p. 118].

Итак, в самом начале формирования роялистской партии в подполье из-за отсутствия единого командования внутри Англии, из-за крайне пристального внимания к роялистам со стороны властей Английской республики для роялистского движения была характерна неорганизованность действий и отсутствие собственной разведывательной сети. Кроме того, проблемой стал недостаток свободных финансовых средств, которые сторонники короля могли выделить для борьбы за восстановление монархии.

Однако уже в 1650 г. в Англии начали проявляться следующие признаки растущего недовольства новой властью. Так, согласно документам Государственного совета, в конце марта 1650 г. в Честере прошла волна арестов, а 13 апреля Государственный совет санкционировал проведения расследования из-за «подозрительных» встреч и разговоров в таверне городка Грейсенд. Там действительно часто останавливались роялистские агенты по пути из Европы в Англию. В ходе следствия власти вышли на полковника Филиппа Фрауда, 12 мая на арест которого был выдан ордер [1, p. 532].

Кроме того, еще в начале 1650 г. в Плимуте также происходили тайные собрания роялистов, завершившиеся арестом полковника Уолтера Слингсби.

Сами по себе данные случаи были отнюдь не выдающимися, однако они показали властям Республики, что партия роялистов окончательно не уничтожена.

В июле 1650 г. на островах Веймут и Портленд произошло первое выступление, инициированное роялистами. Эти два острова на юго-западе Англии представляли собой весьма удобные плацдармы, которые были бы крайне полезны при высадке крупной армии. При захвате этих островов основным фактором успеха должна была стать позиция гарнизона Веймута, лояльного королю Карлу II. Захват островов был поручен капитану Уильяму Гардинеру, но он был арестован и повешен властями Английской республики незадолго до того, как план захвата островов был реализован [4, p. 251–253].

Ещё одним эпизодом, характеризовавшим подготовку роялистов к дальнейшей борьбе за

власть, является тайная встреча в Солсбери летом 1650 г. членов «Западной ассоциации роялистов» – организации, объединившей наиболее видных деятелей роялистского движения юго-западных регионов Англии, как и старых приверженцев короля, воевавших за него на полях сражений гражданской войны, так и новых участников движения [5, p. 1841].

Данное собрание проходило под прикрытием проводившихся скачек (таким образом, опасения властей Республики относительно массовых собраний были оправданы), и на нём присутствовали по два делегата от каждого из шести графств юго-запада Англии [6, p. 85].

Не все имена из них дошли до нашего времени, но некоторые тем не менее возможно установить. Так, от Хэмпшира на собрание прибыли сэры Уильям Кортни и сэры Хамфри Беннет (яркий представитель «старых» роялистов – он командовал кавалерийским отрядом во время гражданской войны и отличился во время второй битвы при Ньюберри), от Дорсета – сэры Стренджвейс (богатый землевладелец), от Корнуолла – сэры Джон Аранделл и сэры Чичестер Рей (подозревавшийся единомышленниками в двойной игре, однако Рей сумел отстоять свою честь на дуэли), от Девона – сэры Генри Кэри [5, p. 1842].

Все участники собрания являлись довольно обеспеченными в материальном плане людьми и были типичными представителями сторонников монархического правления среди провинциальных джентри. Но особо выделялся сын маркиза Харфорда лорд Генри Бошан, имевший непрекаемый авторитет и престиж на юго-западе Англии и наиболее богатый среди остальных участников Западной ассоциации. Собственно, благодаря этим двум факторам он единогласно был избран председателем Западной ассоциации роялистов, его кандидатуру также одобрил Карл II [6, p. 88].

Собрание длилось около недели, и в ходе него участники пришли к выводу, что на юго-западе Англии сложились благоприятные возможности для поднятия роялистского восстания. Но для выполнения этого были необходимы некоторые важные условия. Так, силы Республики должны быть оттянуты на север для подавления выступления шотландцев. Кроме того, желательно было получить поддержку в виде нескольких тысяч солдат, высаженных в Девоншире или в Дорсете. Третьим условием успеха было названо отсутствие повальных аре-

стов местных дворян в данном регионе. Несмотря на то, что большинство местных джентри поддерживали короля, они не решались на самостоятельное выступление без высадки сил вторжения [7, р. 94–95].

Первое условие было достигнуто путём заключения союза с шотландцами, однако два других условия оказались невыполнимыми. Так, требование к королю о предоставлении местным дворянам поддержки в виде высадки сил вторжения натолкнулось на противодействие прошотландской партии при дворе Карла II. Кроме того, в распоряжении короля таких войск на тот момент в принципе не было. Баронет Роберт Лонг (придворный Карла II) в своём письме к Джеймсу Батлеру, герцогу Ормонду (бывшему командующему роялистскими войсками в Ирландии, находящимся вместе с Карлом II в Европе в изгнании), признавался, что у роялистов нет ни войск (как своих, так и иностранных), ни денег для их найма и содержания, но если бы они и были, то у роялистов нет флота для их перевозки в Англию, а широкие массы английского населения вряд ли бы приветствовали иностранную армию в своей стране [8, р. 196].

Третье условие – отсутствие массовых арестов местных джентри властями Республики – также не было выполнено, причём как раз из-за угрозы войны с Шотландией республиканцы стали более подозрительными. Так, во время собрания в Солсбери власти Республики провели массовые облавы в Корнуолле и Дорсете, и, хотя большинство арестованных были отпущены под залог, тем не менее данный факт настроил лорда Бошана, лидера Западной ассоциации [7, р. 96].

В течение 1650 г. стало ясно, что Карл II согласился с позицией шотландской партии при своём дворе, и вторжения в Англию ожидать уже не приходилось. Данный факт вынудил лорда Бошана обратиться к Вильгельму II Оранскому, штатгальтеру Нидерландов и шурина Карла II, за помощью. После поражения шотландцев в войне с силами Английской республики Карл II и сам был склонен к тому, что необходимо искать помощи у Вильгельма Оранского, однако в связи со смертью штатгальтера 6 ноября 1650 г. Карлу II и лорду Бошану необходимо было искать новых союзников [9, р. 546].

Но каких-либо активных действий против режима Английской республики Западной ассоциация роялистов не предпринимала. По боль-

шому счёту она является показателем общей низкой организации роялистского движения в 1649–1650 гг.

В других частях Англии население и в частности местные джентри были настроены ещё более аполитично и безразлично к роялистскому движению. Так, помимо Западной существовали и иные ассоциации – Восточная, Северная, Северо-Западная, а также Пресвитерианская в Линкольншире, хотя о деятельности данных объединений сведений нет, и, судя по всему, они существовали лишь формально, а не фактически. Это свидетельствует о пассивности и низком уровне готовности к борьбе местных роялистов [2, р. 180].

Следует отметить, что для роялистских организаций характерно принципиальное нежелание вступать в союз с пресвитерианами, несмотря на то что те также были недовольны новыми властями [7, р. 98].

Ещё одной знаковой проблемой для роялистских организаций периода 1649–1650 гг. явилось отсутствие централизованного руководства их действиями и полномасштабной поддержки из-за рубежа после смерти штатгальтера Нидерландов Вильгельма II Оранского и скептически настроенного по отношению к роялистской партии двора французского короля.

Кроме того, как раз в данный период власти Английской республики разворачивают широкомасштабную репрессивную кампанию по противодействию роялистскому подполью. По Лондону прокатилась волна арестов, многих арестовывали за нахождение в городе без разрешения, других же могли арестовать по подозрению в участии в роялистских заговорах. Был принят и вступил в силу закон о милиции, в пользу государства изымались лошади, в портах была введена особая бдительность. Такие меры дали свои плоды — 18 июля 1650 г. после суда за распространение роялистских материалов в Корнхилле был повешен капитан Роберт Левинц [8, р. 267].

Подводя итоги, отметим, что на своём начальном этапе развития у роялистского подпольного движения в Англии была масса проблем: низкий уровень организации и координации действий роялистов, их пассивность, отсутствие решимости для достижения своих целей. Кроме того, в данный период роялисты в Англии не получали никакой поддержки из-за рубежа. Карл II своими силами такую поддержку обеспечить был не в состоянии, а двор коро-

ля Франции и штатгальтера Нидерландов не был заинтересован в поддержке английских монархистов.

В это же время власти Английской республики развернули кампанию по противодействию роялистскому подполью. Так, усилиями Т. Скотта была создана и развёрнута разветвлённая и крайне эффективная разведывательная сеть, которая действовала как на территории Англии, так и на континенте в роялистских эмигрантских кругах – во Франции и особенно в Нидерландах.

Среди ряда организаций роялистов больше всего выразила себя Западная ассоциация благодаря активности их лидера, который мог позволить себе обеспечивать ее деятельность за счет своих финансовых средств. Остальные же организации ассоциации роялистов никак себя не проявили.

Литература

1. Calendar of State Papers, Domestic Series, 1649–1660.
2. The Nicholas Papers: Correspondence of Sir Edward Nicholas, Secretary of State. London, 1920. 402 p.
3. Thomas Scot's Account of His Actions as Intelligencer during the Commonwealth. C. H. Firth, The English Historical Review. Vol. 12, No. 45. P. 116-126.
4. Cornwall in the great Civil War and Interregnum, 1642–1660. Mary Coate, Oxford: Clarendon Press. 2nd ed. 1963. 414 p.
5. Calendar of the Proceedings of the Committee for Compounding 1643–1660. M.A. Green (Ed.). London, 1889. 2861 p.

6. Calendar of the Clarendon State Papers. Oxford, 1932. 648 p.
7. Charles II: King of England, Scotland, and Ireland. Ronald Hutton. Oxford: Clarendon Press. 1989. 568 p.
8. History of the Commonwealth and Protectorate, 1649-1656. Samuel Rawson Gardiner. Nabu Press, 2011. 418 p.
9. State Papers Collected by Edward, Earl of Clarendon. Oxford, 1974. 852 p.

References

1. *Calendar of State Papers, Domestic Series, 1649-1660.*
2. *The Nicholas Papers: Correspondence of Sir Edward Nicholas, Secretary of State.* (1920). London, 402 p.
3. Thomas Scot's Account of His Actions as Intelligencer during the Commonwealth. C. H. Firth, *The English Historical Review*, vol. 12, No. 45, pp. 116-126.
4. *Cornwall in the great Civil War and Interregnum, 1642-1660.* (1963). Mary Coate, Oxford, Clarendon Press, 2nd ed., 414 p.
5. *Calendar of the Proceedings of the Committee for Compounding 1643-1660.* (1889). M.A. Green (Ed.). London, 2861 p.
6. *Calendar of the Clarendon State Papers.* (1932). Oxford, 648 p.
7. *Charles II: King of England, Scotland, and Ireland.* Ronald Hutton. (1989). Oxford, Clarendon Press, 568 p.
8. *History of the Commonwealth and Protectorate, 1649-1656.* (2011). Samuel Rawson Gardiner. Nabu Press, 418 p.
9. *State Papers Collected by Edward, Earl of Clarendon.* (1974). Oxford, 852 p.

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И «МАЙ 1968»

© 2020 г. Н.В. Булавинцев ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

YOUTH POLICY OF THE EUROPEAN UNION AND “MAY 1968”

N.V. Bulavintsev ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Булавинцев Никита Валерьевич –
аспирант, специалист
по учебно-методической работе,
кафедра зарубежной истории,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: bulavanvm@gmail.com

Nikita V. Bulavintsev -
Postgraduate, Specialist in Educational
and Methodological Work,
Department of Foreign History,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya, 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: bulavanvm@gmail.com

Исследуется проблемная точка истории Европейского Союза: какую дату можно считать началом отсчета молодежной политики. По мнению историков, отправной точкой может быть 1968 г., когда по всей Европе прокатилась волна студенческих протестов. Анализируются причины упоминания таких протестов в мае 1968 г. в обзорах истории молодежной политики. Одновременно рассматривается фактическая сторона вопроса и символическая. Используется концепция «мест памяти» Пьера Нора. Изучается феномен символа протеста 1968 г. применительно к истории молодежной политики Европейского Союза. Интерпретируя этот год как «место памяти» для европейской политики, автор приходит к выводу, что у молодежной политики Европейского Союза можно выделить две точки отсчета: формальную, связанную непосредственно с институциональным закреплением социальной группы «молодежи» как прямого объекта политики Европейского Союза, и символическую, которая связана с признанием молодежи как политического субъекта.

Ключевые слова: Европейские Сообщества, Европейский Союз, «Май 1968», молодежная политика, Пьер Нора, «места памяти», молодежь, студенческие протесты.

The article considers the problem in the history of the European Union: what date can be considered the beginning of a youth policy? In reviews of the history of youth policy in the European Union one can frequently find the date “1968”, when a wave of student protests swept across Europe, as a starting point. The article explores the reasons for this role of the May 1968 events. The article gives both a formal and symbolic answer to the question set in the study. Analyzing other studies of the European Union history and documents of the European Communities, the factual and symbolic side of the issue is considered. Using the concept of “places of memory”, coined by Pierre Nora, the author analyzes the symbol of 1968 protests in relation to the history of youth policy of the European Union. Interpreting “1968” as a “place of memory” for European politics, the author comes to the conclusion that the European Union’s youth policy has two starting points: the formal one, which is directly related to the institutionalization of the “youth” social group as a direct object of the European Union’s policy, and the symbolic, which is associated with the recognition of youth as a political entity.

Keywords: European Communities, European Union, “May 1968”, youth policy, Pierre Nora, “places of memory”, youth, student protests.

В последние десятилетия молодежная политика стала одним из основных направлений деятельности Европейского Союза и Совета Европы не только в форме реализации политических молодежных стратегий, но и в других сферах, как, например, здравоохранение. Важность молодежной политики не раз отмечалась в офици-

альных документах ЕС. Впрочем, прошло немало времени, прежде чем молодежная политика заняла одно из центральных мест в Европейской повестке. В связи с актуальностью вопроса участия молодежи в политике, непрекращающимся интересом к проблеме влияния майских событий 1968 г., когда протестующие студенты За-

падной Европы «перенесли политику на улицу», встает закономерный вопрос, можно ли считать эту дату точкой отчета молодежной политики объединенной Европы?

По сравнению с другими областями социальной политики, молодежная политика начала развиваться в ЕС относительно недавно. Ее стартовой точкой формально считается дата подписания Маастрихтского договора (1992 г.) [1]. 126-я статья вводила в европейский документ подобного уровня понятие «молодежь», хотя и ограничивалась по большому счету лишь проблемами образования и поощрения кооперации стран-членов в данной сфере. Статья не наделяла институты ЕС законодательской компетенцией по вопросу молодежной политики, фактически лишь признавая исключительную роль государств-членов в проведении молодежной политики. Впрочем, нельзя недооценивать тот факт, что Маастрихтский договор впервые вводил на подобном уровне понятие «молодежь», что позволяет считать эту дату формальным началом молодежной политики ЕС. Более конкретные шаги в направлении создания целостной программы молодежной политики были сделаны в 2001 г. В ноябре Европейская комиссия опубликовала Белую книгу под названием «Новый импульс для европейской молодежи», которую можно рассматривать как первую попытку определить политику в отношении молодежи на уровне ЕС, выходящую за рамки поощрения обмена [2]. Таким образом, 1992 г. – формальная точка отчета молодежной политики в ЕС. Кроме того, создание программы «Youth for Europe» в 1988 г. также традиционно признают важным этапом, которая предвосхитила институционально оформление молодежной политики в 1992 г.

Но в современных обзорах истории европейской молодежной политики все чаще начинает встречаться другая дата – 1968 г. К примеру, в Европейском журнале о детской и молодежной политике, выпускаемом при содействии Европейского Союза и Совета Европы, краткое описание истории молодежной политики ЕС начинается с 1968 г., которому придается символическое значение. Особый упор делается на том, что именно в этом году молодежная повестка проникает в Европейский Парламент и тем самым впервые становится в центре внимания Европейских Сообществ на подобном уровне [3]. Также в 2009 г. департамент культуры и образования Европейского Парламента опубликовал документ «Молодежная политика и участие мо-

лодежи в ЕС» [4], где события 1968 г. указываются как «триггер» и символическое начало осознания важности интеграции молодежи в новое общество со стороны европейских чиновников.

По мере удаления от памятного 1968 г. и вместе с постепенным угасанием личных воспоминаний, непосредственно связанных с событием, молодежные протесты постепенно редуцируются до амальгамы символов, «места памяти» [5] в терминологии П. Нора, которое уже практически полностью оторвано от живых воспоминаний. Смешивая действительную, «реальную», память и ее симулякры, которые не обозначают прошлое, а лишь представляют собой символ-высказывание о себе, они становятся «гибридными местами, мутантами в некотором смысле, которые вмещают жизнь и смерть, временное и вечное» [6]. Май 1968 г. стал подобным репозиторием из идей символов и концептов, которые уже не столько связаны с реальным событием, сколько дают бездонный источник для подпитывания символов настоящего.

Однако, рассматривая исторический аспект, следует признать, что проблемы молодежи и молодежная политика действительно не находились в центре внимания Европейских Сообществ до 60-х гг. Молодежное направление политики практически не появлялось на повестке дня и в Совете Европы. Многие исследователи отмечают, что хоть в Европе функционировали различные программы, которые в той или иной мере затрагивали молодежь, говорить о целостной стратегии или даже молодёжной политике как таковой на этом этапе развития Европейских Сообществ не приходится. Так, в Римском договоре 1957 г. среди прочего в ст. 50 утверждалось, что в рамках совместных программ государства-члены должны поощрять обмен молодых работников. Но данная формулировка скорее относится к поддержке работников, чем к поддержке молодежи как отдельной социальной группы. Ни в каком ином контексте молодежь в договоре не упоминалась. Также в Европе с 1964 г. функционировала программа обмена, которая сосредотачивалась на обменных программах для молодых работников. Но только лишь в 1983 г. в резолюции Европейского Парламента ознаменуется качественно новый виток в развитии программы. В документе подчеркивалась роль именно молодежного обмена, а также была прописана важность развития взаимопонимания и дружеских отношений между молодыми людьми стран-членов Европейского Сообщества.

После 1968 г. можно обнаружить значительные изменения. Уровень обсуждения молодежной проблематики прослеживается по основополагающим документам и договорам, которые принимались на высшем уровне между членами Европейских Сообществ. Если учесть охват тем и проблематик, которые нашли свое отражение в заключительных актах и резолюциях на протяжении 60-х гг., а также обсуждения и комментарии вокруг тех или иных решений, то можно выявить любопытную тенденцию.

В заключительном акте саммита глав Европейской шестерки в Бонне (1961) среди принятых решений молодежь отсутствует как объект прямой политики Европейских Сообществ [7]. В части документа, посвященной культурной кооперации между шестью участниками Европейских Сообществ, содержатся лишь пункты об усилении интеграции сообществ через обменные университетские программы как составляющая европейской интеграции, без контекста прямой интенции Европейских государств воздействовать на молодежь. Так, к примеру, слово «молодежь» в документе не фигурирует вовсе. В коммюнике, которое подводит черту под саммитом в Риме (1967), молодежь также отсутствует как объект прямого воздействия политики Европейских Сообществ [8]. В документе содержится цель увеличить участие людей в деятельности Европейских Сообществ, но лишь в контексте усиления ее политической интеграции – через усиление роли европейского парламента. Таким образом, в документах, которые предшествуют событиям 1968 г., повестка дня формируется вокруг интеграции в различных сферах общества, что закономерно относительно того этапа, на котором Европейские государства были, и решения по большинству социальных вопросов формулировались через данную логику усиления интеграции. «Молодежь» не выделяется как отдельный субъект политики. Даже если какие-то пункты непосредственно затрагивают молодежь, она не обособляется как объект политики, а непосредственное решение воспринимается как составная часть процесса интеграции.

Значительные изменения можно заметить в резолюции, принятой на саммите в Гааге после Парижских событий в 1969 г. Отдельным 16 пунктом финального заявления глав стран значилось следующее: «Все созидательные действия и решения, способствующие европейскому росту, принятые здесь, станут залогом лучшего будущего, если молодое поколение будет

тесно связано с ними» [9]. Это стало одним из наиболее ранних признаний особой роли молодежи на таком высоком уровне и начало восприятия ее как прямого объекта политики объединения. Более того, именно на саммите в Гааге подчеркивается важность создания Европейской молодежной организации. В одном из комментариев к заключительному акту, сделанному премьер-министром Италии Мариано Румор, даже есть прямая апелляция к событиям 1968 г., что лишний раз подтверждает тесную связь этих решений с протестами – по его словам, шаги к углубленной интеграции должны стать ответом «справедливому и бдительному нетерпению молодежи, которая сегодня думает и действует с европейским умом». Молодежные протесты в этом контексте воспринимаются как «справедливое» и «неусыпное» нетерпение молодежи, которая стремится сама творить свое будущее.

Признание субъектности молодежи как социальной группы можно заметить также в регулярной документации Европейских Сообществ. Один из наиболее красноречивых примеров – заявление Европейской Комиссии к Европейскому Парламенту от 1 июля 1968 г., сделанное сразу же после студенческих восстаний 1968 г. [10]. Так, отдельным фрагментом заявления Европейская Комиссия признает социальные и технологические изменения, происходящие в обществе и те проблемы, которые они несут для поколений. Комиссия также преподносит весьма символический жест в виде поручения Экономическому и Социальному Комитету оценить в целом ситуацию в Сообществе и созыва трех симпозиумов: первый – с представителями рабочих, второй – с представителями работников сельскохозяйственной сферы и третий – с представителями от молодежных организаций. Тем самым Комиссия признала возникновение нового фактора в Европейской политике, с которым приходится считаться, – молодежи, нового поколения «европейцев», на которое европейские политики возлагали традиционно весьма большие надежды.

Кроме того, события 1968 г. обнажили понятие «поколения» – термина столь широко распространенного и общепотребительного, но в то же время туманного. Как писал П. Нора, «долго рассматриваемая, по крайней мере историками, со скептическим равнодушием, неуловимая идея поколения внезапно стала центром бесчисленных исследований, все так или иначе преследуемых призраком 68-го» [6]. Выявляя в

противостояниях, бушевавших в этот период, «поколенческую» природу, приравнивая студенческие бунты к «конфликту поколения», исследователи, журналисты и свидетели событий создавали тем самым образ «поколения '68», которое резко отличалось от предыдущего. Символическая гибкость «Мая 1968» и его способность служить не столько конкретным событием, подлежащим изучению, сколько зеркалом для тех, кто его исследует, позволила выделить новое молодое поколение с редкостным символическим содержанием, позволила занять «поколению '68» свое уникальное место в истории.

Образно говоря, у европейской молодежной политики действительно можно выделить две даты рождения – формальную, связанную с институциональным закреплением молодежи как объекта политики Европейского Союза, и символическую, связанную с неформальным признанием молодежи как политического субъекта. Майские события 1968 г., став «местом памяти» для европейской политики, подпитывают данную символическую трактовку, из-за чего дата «1968» вновь и вновь находит место в исторических обзорах.

Подводя итог, следует сказать, что 1968 г. не может значиться как начало молодежной политики Европейских Сообществ и Европейского Союза. Хотя этот год несет особую, в первую очередь символическую нагрузку, связанную с признанием субъектности молодежи, которая произрастает из своеобразного, во многом мифологизированного статуса майских событий.

Литература

1. Haar B., Copeland P. EU Youth Policy: A Waterfall of Softness. *Proceedings of the Twelfth Biennial EUSA conference*. Boston, 2011.
2. Impact of Youth Work in Europe: A Study of Five European Countries. J. Ord (ed.). Helsinki: Juvenes Print, 2018. 242 p.
3. Building democratic, cohesive and inclusive societies – the policy of the Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe in promoting the participation of young people (2011). URL: <https://rm.coe.int/090000168071ab99> (дата обращения: 08.05.2020).
4. Youth Policy and Participation in the EU (2009). URL: [https:// www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/)

[note/join/2009/408968/IPOL-CULT_NT\(2009\)408968_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2009/408968/IPOL-CULT_NT(2009)408968_EN.pdf) (дата обращения: 08.05.2020).

5. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // *Representations*. 1989. № 26. P. 7-24.
6. Nora P. *Realms of Memory*. New York: Columbia University Press, 1996. 651 p.
7. Statement issued by the heads of State of Government. Meeting in Bonn on 18 July 1961 // *Bulletin of the European Economic Community*. 1961. № 7/8.
8. The Rome summit conference // *Bulletin of the European Economic Community*. 1967. № 7.
9. The Hague. Meeting of the Heads of State or Government on 1-2 December 1969 // *Bulletin of the European Community*. 1970. № 1.
10. Statement of the Commission of the European Communities to the European Parliament on July 1, 1968 // *European Community*. 1968. № 114. P. 4.

References

1. Haar B., Copeland P. (2011). EU Youth Policy: A Waterfall of Softness. *Proceedings of the Twelfth Biennial EUSA conference*. Boston.
2. *Impact of Youth Work in Europe: A Study of Five European Countries* (2018). J. Ord (Ed.). Helsinki, Juvenes Print, 242 p.
3. *Building democratic, cohesive and inclusive societies - the policy of the Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe in promoting the participation of young people* (2011). Available at: <https://rm.coe.int/090000168071ab99> (accessed May 8, 2020).
4. *Youth Policy and Participation in the EU* (2009). Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2009/408968/IPOL-CULT_NT\(2009\)408968_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2009/408968/IPOL-CULT_NT(2009)408968_EN.pdf) (accessed May 8, 2020).
5. Nora P. (1989). Between Memory and History: Les Lieux de Memoire. *Representations*, No. 26, pp. 7-24.
6. Nora P. (1996). *Realms of Memory*. New York, Columbia University Press, 651 p.
7. Statement issued by the heads of State of Government. Meeting in Bonn on 18 July 1961. (1961). *Bulletin of the European Economic Community*, No. 7/8.
8. The Rome summit conference (1967). *Bulletin of the European Economic Community*, No. 7.
9. The Hague. Meeting of the Heads of State or Government on 1-2 December 1969. (1970). *Bulletin of the European Community*, No. 1.
10. Statement of the Commission of the European Communities to the European Parliament on July 1, 1968 (1968). *European Community*, No. 114, p. 4.

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ. СИТУАЦИЯ В МИРОВОМ ОКЕАНО

© 2020 г. Р.А. Денисов^а, Р.С. Айриян^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

PRIVATE MILITARY COMPANIES. SITUATION IN THE WORLD OCEAN

R.A. Denisov^а, R.S. Ayriyan^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Денисов Руслан Александрович –
магистр,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: rdenisov@sfedu.ru

Ruslan A. Denisov -
Master,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya, 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: rdenisov@sfedu.ru

Айриян Радмила Сергеевна –
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: rsayriyan@sfedu.ru

Radmila S. Ayriyan -
Candidate of History, Associate Professor,
Head of Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya, 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: rsayriyan@sfedu.ru

Анализируется политика частных военных компаний, а именно их возможности и действия в мировом океане. Особое внимание уделяется соответствию деятельности компаний международному морскому праву. Определены основные направления деятельности ЧВК в мировом океане, их наиболее востребованный функционал. Предпринята попытка раскрыть основные проблемы компаний в данной сфере, препятствующие их свободной деятельности. В заключение выявлены наиболее конфликтогенные зоны, а также выделены сферы, где функционал компаний будет полезен.

Ключевые слова: частные военные компании (ЧВК), мировой океан, гибридные войны, международные конфликты, международное морское право.

The article analyzes the policy of private military companies, their capabilities and actions in the oceans. Emphasis is given to the compliance of companies with international law of the sea. The article indicates main directions of PMC activities in the oceans and their most popular functionality. An attempt to reveal the main problems of companies in this area, which impede their free activity was made. In conclusion, the most conflictogenic zones were identified and, as well as the areas where functional companies would be useful, were identified.

Keywords: private military company (PMC), World Ocean, hybrid wars, international conflicts, international maritime law.

Гибридные войны и пограничные конфликты, в которые Россия вовлекается все сильнее, пытаясь в новой геополитической ситуации активно защищать свои национальные интересы, требуют заимствования новых военных практик, показавших свою эффективность в других странах. Одним из таких механизмов в начале XXI в. стали private military companies – частные

военные компании (ЧВК) – коммерческие предприятия, предлагающие услуги, связанные с охраной, защитой различных объектов, сбором разведывательной информации, консультированием, нередко используемые в рамках вооружённых конфликтов, но без участия в боевых действиях. Заказчиками юридически являются крупные негосударственные коммерческие ор-

ганизации или частные лица, деятельность которых неподконтрольна самому государству. При этом данные компании почти в 100 % случаев действуют в интересах правительства с целью упрочнения, увеличения геополитического влияния и, как показывает опыт, принимают непосредственное участие в боевых действиях. В российской прессе ЧВК всегда имели негативный окрас, который усилился в последние два года. Причиной тому стали инциденты в Сирии с участием российских ЧВК «Вагнер» и «Щит» [1].

В нашей стране деятельность ЧВК не закреплена юридически, хотя вопрос в Правительстве обсуждается с 2012 г. В то же время ведущие мировые державы и даже организации давно прибегают к их услугам.

Многие компании привлекаются к миротворческим операциям как прямым, так и непрямым путём. В первом случае – путём заключения контракта между отделением ООН и непосредственно ЧВК для обеспечения безопасности и ряда других функций. Непрямое взаимодействие подразумевает отсутствие контракта между ООН и ЧВК, принимающей участие в миротворческой операции. Такое возможно в случае если контракт с ЧВК заключает страна, поставляющая миротворцев в ряды ООН, например США, которые по национальному законодательству не имеют права применять полицейских за пределами своей страны, поэтому заключается контракт с ЧВК. Похожая практика наблюдается в Великобритании (где впервые была официально зарегистрирована ЧВК) и ЮАР. В Китае ЧВК – инструмент государства при ведении внешней политики. Служащие ЧВК не принадлежат армии Китая, а являются сотрудниками частной организации. Китайские компании пытаются избегать боя, им запрещено носить оружие. Их основные функции – логистика, сбор информации и гуманитарная помощь.

Главной проблемой урегулирования данного вопроса в нашей стране является поле деятельности ЧВК. Оно слишком широкое и неопределенное. Во-первых, каким образом данный институт войдет в структуру вооруженных сил РФ, и должен ли он вообще входить в данную структуру или будет оставаться автономным, как это сложилось на Западе? Во-вторых, компании действуют и на суше, и на море, что требует разработки большого количества нормативной базы, а также жесткой регламентации

контроля их деятельности. И если с деятельностью компаний на суше всё более или менее ясно, то о «морском» опыте известно очень немного. В то же время спорных вопросов здесь ничуть не меньше. Не секрет, что большая часть нелегального бизнеса ЧВК идет по морю, а политика компаний с трудом инкорпорирована с морским международным правом.

Вопрос «частников» в мировом океане уже поднимался в научном сообществе. В 2011 г. Ансель Дж. Холлибертон опубликовал статью «Пираты против наемников: исключительно частное транснациональное насилие на полях международного права» [2], в которой им исследуется проблема нелегальных поставок различного рода ресурсов по морским путям. За год до этого вышла статья Е. Конторовича, посвященная преследованию пиратов на море [3]. Однако большая часть опубликованных статей посвящена сомалийским пиратам и пиратам Юго-Восточной Азии. Цель же данной работы заключается в анализе эффективности использования ЧВК в мировом океане.

Объектом исследования выступают частные военные компании, специализирующиеся на деятельности в морях и океанах, предметом исследования – политический аспект проблемы применения ЧВК в мировом океане в качестве скрытого силового ресурса.

С конца 1990-х гг. наблюдается постепенный рост численности ЧВК, что можно объяснить появлением как новых «горячих точек» на карте мира, так и ростом профессиональной востребованности военных специалистов. В это же время возникают и первые запросы на деятельность частных компаний в «море». Точную дату назвать сложно, поскольку нет официального подтверждения, но считается, что начало выполнения данных функций происходит одновременно с пиком деятельности африканской компании «Executive Outcomes», а именно с операциями в Средиземном море.

Компаний, специализирующихся исключительно на деятельности в морях и океанах, нет, так как заказов для проведения операций на суше гораздо больше, чем на воде. Частные военные компании, которые давно уже находятся на рынке, в меньшей степени задействованы в морских операциях, нежели те, которые появились относительно недавно. Это объясняется тем, что у них есть приоритетные ведущие направления, а значит, адаптироваться и аккомодироваться под возникающие новые тенденции им нет

необходимости. Они имеют уже определенную узнаваемость и пользуются доверием компаний-заказчиков, работавших с ними ранее.

Тем не менее можно вывести следующую типологию частных военных компаний, действующих в мировом океане: 1) специализирующиеся только на морской деятельности: защита судов, сопровождение танкеров, подводные работы (мелкие американские ЧВК, незарегистрированные китайские и вьетнамские); 2) со стандартным перечнем услуг, которые принимаются в том числе и за сопровождение морских судов, гуманитарную помощь пострадавшим на море и т.д. (большая часть ЧВК); 3) со стандартным перечнем услуг, но которые активно борются с морскими пиратами («DunCoop» и некоторые другие американские ведущие компании).

Существуют три категории частных военных подрядчиков (ЧВК):

- «поставщики» – их действия сугубо оборонительные, они обеспечивают подготовку кадров и частные охранные услуги в зоне конфликтов;
- «консалтинговые» фирмы – предоставляют консультации отставных старших офицеров, обладающих административными способностями;
- компании материально-технической поддержки – обеспечивают снабжение, тыловые функции и логистику с помощью нанятых гражданских строителей и инженеров с опытом работы в зоне боевых действий.

В связи с развитием пиратства в Аденском заливе для ЧВК появилось новое направление деятельности, морское – борьба с пиратством, сопровождение кораблей, ведение переговоров по передаче выкупов и захваченных судов, экипажей.

В начале XXI в. ситуация обострилась в Аденском заливе из-за начавшейся борьбы за территорию и потенциальные полезные ископаемые. В заливе расположены порты трех стран: Йемена (2 порта), Сомали и Джибути. Кроме того, на экономические ресурсы претендуют и другие страны. Так, в марте 2008 г. Китай совершил секретную операцию, в результате которой освободили панамский сухогруз, захваченный сомалийскими пиратами. Это не было операцией в рамках миротворческих миссий ООН или заказом для китайских ЧВК. Операция характеризуется исключительно геополитическими задачами КНР в регионе. Целью операции было поддержание концепции «жемчужного ожерелья» (контроль над сетью пунктов ло-

гистики и поддержки от китайского побережья и до Красного моря) [4]. Своё военное присутствие в регионе Китай оправдывает международной ответственностью и защитой своих экономических интересов: через залив проходит около 1500 китайских судов в год, и китайские военные корабли предоставляют сопровождение торговым судам других государств. Помимо этого, Китай очень удачно располагает свою военную базу в регионе – в Джибути, где уже находятся военные базы США, Японии, Италии и Франции.

В 2012 г. вышла статья Д. Гильфойла, где он отмечает, что Сомалийское пиратство – это адаптивная бизнес-деятельность [5]. Статья С. Перси и Э. Шортленда 2013 г. подтверждает данный тезис. В работе анализируются перспективы развития пиратства и говорится о том, что регулярные армии не справляются и необходимы новые методы борьбы с пиратством. Однако пока насильственные методы не так сильны, а жертвы малочисленны, то присутствие пиратов в данном регионе выгодно ключевым участникам международных отношений [6]. Действительно возникают сомнения, что крупнейшие мировые державы, имеющие мощнейший морской флот (США, Великобритания, Япония, Китай) и заявляющие о своих интересах в регионе, будут так долго терпеть нападения малочисленных, плохо оснащённых сомалийских пиратов.

На данный момент можно выделить несколько районов нападения пиратов: Юго-Восточная Азия и Южно-Китайское море (Малаккский пролив, Индонезия, Филиппины, Таиланд); Западная Африка (Нигерия, Сенегал, Ангола, Гана); Восточная Африка и Южная Азия (Индия, Шри-Ланка, Бангладеш, Сомали, Танзания); Южная Америка и Карибское море (Бразилия, Колумбия, Венесуэла, Эквадор, Никарагуа, Гайана).

С середины 2012 г. у побережья Сомали не зафиксировано ни одного пиратского нападения, тогда как на пике кризиса пиратства только в 2010 г. нападениям подверглись более 30 торговых судов. Еще 4 года силы НАТО активно наблюдали за территорией во избежание повторных атак. В 2016 г. НАТО официально завершили операцию «Океанский щит» [7]. Привлечение регулярных ВМС не оправдало себя: в операции, начатой в январе 2009 г., были задействованы десятки кораблей и самолетов, но по отношению к затраченным финансам и усилиям операция оказалась крайне неэффективна [8].

Ситуацию удалось переломить, только организовав усиленное наблюдение за зоной, а также активным привлечением ЧВК (Puntland Maritime Police Force, Secorex и др.). Они содержали в конечных точках маршрута плавучие базы, с которых бойцов принимали на борт и высаживали, миновав опасный район. Стоимость услуг команды из 3-4 охранников колебалась от 28 000 до 38 000 долларов, что было на порядок меньше минимального выкупа. Пираты предоставляют возможность использовать «частников», их наличие дает возможность оказывать влияние на мировую торговлю на море.

Однако существуют сомнения, когда поднимается вопрос о включении частных военных компаний в юрисдикцию морского права: некоторые ЧВК могут занимать позицию посредников в переговорах с пиратами. Возможно, так пираты получают информацию о маршрутах судов и их численности. Поэтому для инкорпорирования компаний в систему морского права существуют некоторые препятствия: разработка унифицированного документа осложнена тем, что важнейшие документы по морскому праву ратифицируются большинством стран мира, однако не во всех этих странах ЧВК действуют на легальных основаниях.

Также в большинстве основных нормативных документов, регулирующих международное морское право [9–13], отсутствуют какие-либо упоминания о ЧВК.

Кроме того, у большинства компаний всё еще неоднозначная репутация. В их деятельности превалирует использование незаконного оружия, отсутствие страховки, несоблюдение морских прав и норм. Основная задача – получение прибыли без затрат. Такие компании востребованы, потому что они дешевле. Проблемы же, к решению которых теоретически могут быть привлечены ЧВК, порождают немало локальных конфликтов и споров. Решение вопросов о спорных территориях и освоение открытого моря с его ресурсами не могут входить в юрисдикцию ЧВК, поскольку это в первую очередь дела государственного сектора, а не частного.

Единственным документом, который регламентирует и контролирует деятельность ЧВК, остается документ Монтре от 2008 г. Но, как уже было обозначено, за последнее десятилетие данный род деятельности в своём развитии значительно опережает его существующее нормативно-правовое регулирование [14].

При нынешней ситуации ЧВК можно доверить контроль за исключительной экономической зоной (ИЭЗ), т. е. за той частью моря, в которой прибрежное государство осуществляет определённые международным правом суверенные права. В данном случае не помешает контроль ЧВК, так как очень много спорных ситуаций возникают из-за ИЭЗ. Например, возведение островов. Одни страны считают, что они имеют права это делать, исходя из сути вышенаписанного. Другие считают, что они делают это не в открытом море, а на спорных территориях, что запрещено.

Облегчить ситуацию ЧВК могут и с вопросом Арктики, – контроль территории, которая является ценностью для всего мирового сообщества.

По этому поводу высказался главный редактор журнала «Национальная оборона» И. Коротченко: *«Собственные ЧВК нужны нашей стране за рубежом как для охраны российских экономических интересов, так и для выполнения функций безопасности. Они также могут найти применение в арктической зоне. Работа ЧВК в Арктике должна быть связана с процессом безопасности нефте- и газодобычи. Они там нужны для пресечения провокаций, а также тех выходов, которые уже были со стороны различного рода агрессивных экологических организаций»* [15].

Всё действительно так, но есть один нюанс. Похожие взгляды на ситуацию в Арктике у всех членов Арктического союза, что наверняка вызовет разногласия и конфликты между ЧВК, которые будут присутствовать в регионе, а следовательно, может усугубить международные отношения между странами, членами Арктического союза.

Проблем, мешающих дальнейшему развитию ЧВК, много, и, видимо, еще не один год политику частных военных компаний будет определять и контролировать отдельно взятое государство, под чьей юрисдикцией данная организация будет значиться. При этом разобщенность мирового сообщества по ряду вопросов доказывает, что необходим институт, который сможет взять на себя функции медиатора в особых ситуациях наподобие сомалийского пиратства, и в то же время быть абсолютно независим от государств финансово. Частные компании становятся не просто скрытым ресурсом внешней политики того или иного государства, но и значимым агентом международных организаций.

Литература и примечания

1. Речь в данном случае идёт об уничтожении группы «Вагнер» в феврале 2018 г. американскими военными и о гибели трех сотрудников частной компании «Щит» летом 2019 г.

2. Halliburton A. *Pirates Versus Mercenaries: Purely Private Transnational Violence at the Margins of International Law* – 2010. URL: [https:// papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1755214](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1755214) (дата обращения: 26.04.2020).

3. Kontorovich E. *A Guantánamo on the Sea: The Difficulty of Prosecuting Pirates and Terrorists* // *California Law Review*. 2010. URL: [https:// papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1371122](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1371122) (дата обращения: 24.04.2020).

4. Концепция «жемчужного ожерелья», или String of Pearls, – это не полноценная концепция КНР. Данное название было изобретено в США для понимания и пояснения логистической цепочки КНР к ближневосточной нефти. Термин был введен в оборот американцами в начале 2000-х гг.

5. Guilfoyle D. *Somali Pirates as Agents of Change in International Law-making and Organisation* // *Cambridge J. Int'l & Comp. L.*, 2012. URL: [https:// papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2253273](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2253273) (дата обращения: 20.04.2020).

6. Percy S., Shortland A. *The business of piracy in Somalia* // *J. of Strategic Studies*. 2013. URL: [https:// papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1641064](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1641064) (дата обращения: 24.04.2020).

7. Океанский щит // Флот. URL: [https:// flot.com/2016/%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%BE108/](https://flot.com/2016/%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%BE108/) (дата обращения: 20.04.2020).

8. Сайт НАТО. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/index.htm> (дата обращения: 20.04.2020).

9. Конвенция МППСС-72. URL: [http:// www.conventions.ru/view_base.php?id=1109](http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1109) (дата обращения: 20.04.2020).

10. Конвенция МАРПОЛ-73/78. URL: [http:// www.sur.ru/upload/legislation/MARPOL_file_1_37_3567.pdf](http://www.sur.ru/upload/legislation/MARPOL_file_1_37_3567.pdf) (дата обращения: 20.04.2020).

11. Конвенция ПДМНВ-78. URL: [http:// docs.cntd.ru/document/901985669](http://docs.cntd.ru/document/901985669) (дата обращения: 20.04.2020).

12. Международный кодекс по охране судов и портовых средств. URL: [http:// docs.cntd.ru/document/902019001](http://docs.cntd.ru/document/902019001) (дата обращения: 20.04.2020).

13. Руководство ИМО по безопасности на море. URL: <https://studfile.net/preview/8073683/page:8/> (дата обращения: 20.04.2020).

14. Документ Монтре «О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых

практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженных кампаний» от 17.09.2008.

15. URL: <https://politrussia.com/vooruzhennyye-sily/chastnye-voennyye-effektivnyye-293/> (дата обращения: 20.04.2020).

References

1. The case of the destruction of the Wagner group in February 2018 by the US military and the deaths of three employees of the private shield company in the summer of 2019 is considered.

2. Halliburton A. (2010). *Pirates Versus Mercenaries: Purely Private Transnational Violence at the Margins of International Law*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1755214 (accessed April 26, 2020).

3. Kontorovich E. (2010). *A Guantánamo on the Sea: The Difficulty of Prosecuting Pirates and Terrorists*. *California Law Review*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1371122 (accessed April 24, 2020).

4. The concept of a “pearl necklace” or String of Pearls is not a complete concept of the PRC. This name was invented in the United States to understand and explain the PRC supply chain to Middle Eastern oil. The term was coined by the Americans in the early 2000s.

5. Guilfoyle D. (2012). *Somali Pirates as Agents of Change in International Law-making and Organization*. *Cambridge J. Int'l & Comp.* London. Available at: [https:// papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2253273](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2253273) (accessed April 20, 2020).

6. Percy S., Shortland A. (2013). *The business of piracy in Somalia*. *J. of Strategic Studies*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1641064 (accessed April 24, 2020).

7. Ocean Shield. *Fleet*. Available at: [https:// flot.com/2016/%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%BE108/](https://flot.com/2016/%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%BE108/) (accessed April 20, 2020). (in Russian).

8. NATO website. Available at: [https:// www.nato.int/cps/en/natohq/index.htm](https://www.nato.int/cps/en/natohq/index.htm) (accessed 20.04.2020).

9. *Convention MPPSS-72*. Available at: [http:// www.conventions.ru/view_base.php?id=1109](http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1109) (accessed April 20, 2020). (in Russian).

10. *MARPOL Convention 73/78*. Available at: http://www.sur.ru/upload/legislation/MARPOL_file_1_37_3567.pdf (accessed April 20, 2020). (in Russian).

11. *Convention PDMNV-78*. Available at: [http:// docs.cntd.ru/document/901985669](http://docs.cntd.ru/document/901985669) (accessed April 20, 2020). (in Russian).

12. *International Code for the Protection of Ships and Port Facilities*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902019001> (accessed April 20, 2020). (in Russian).

13. *IMO Maritime Safety Guidelines*. Available at: <https://studfile.net/preview/8073683/page:8/> (accessed 20.04.2020). (in Russian).

14. Montreux document “On the relevant international legal obligations and best practices of states regarding the functioning of private military and security companies during the period of armed companies” dated September 17, 2008.

15. Available at: <https://politrussia.com/vooruzhennye-sily/chastnye-voennye-effektivnye-293/> (accessed April 20, 2020).

Поступила в редакцию / Received

29 апреля 2020 г. / April 29, 2020

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАЯТОВ В КАЙТАГСКОМ ВЛАДЕНИИ ДАГЕСТАНА В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

© 2020 г. Т. Ч. Джабаева ^а

^а Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

FEATURES OF THE SOCIAL STATUS OF THE RAYATS IN THE KAITAG DOMAIN OF DAGESTAN IN THE MIDDLE OF THE 19th CENTURY

T.Ch. Dzhabaeva ^а

^а Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Джабаева Тахмина Чарагановна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,
Дагестанский государственный университет,
ул. Гаджиева, 43а, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: tahmina.dj@mail.ru

Tahmina Ch. Dzhabaeva -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Russian History,
Dagestan State University,
Gadzhieva St., 43a, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: tahmina.dj@mail.ru

Рассматриваются зависимые социальные категории населения, которые имелись в горных владениях Среднего и Южного Дагестана в середине XIX в., но занимали неодинаковое имущественное и правовое положение в системе производительных сил. Это являлось следствием их различного происхождения и особенностей природно-географических условий. Даже внутри отдельных феодальных владений раяты разных сел отбывали различные повинности. Круг и объем повинностей раятов своим феодалам был довольно обширным и объемным. Особенно это проявлялось в Кайтагском владении Дагестана, где их положение по степени эксплуатации приближалось к крепостным крестьянам России. Однако при всем объеме выполняемых повинностей раятов по отношению к бекам, крепостными их назвать было нельзя.

Исследуются категории зависимого сословия раятов в Нижнем Кайтаге, источники их формирования, различный уровень феодальной зависимости. На основе архивного материала анализируются все виды повинностей раятов Нижнего Кайтага, однако, несмотря на их тяжесть, отмечаются признаки отсутствия полного закрепощения данной социальной категории.

Ключевые слова: Дагестан, раяты, беки, землевладение, повинности, закрепощение, терекемейцы, Нижний Кайтаг.

The article considers the dependent social categories of the population that existed in the mountainous possessions of Middle and Southern Dagestan in the middle of the 19th century, but occupied an unequal property and legal position in the system of productive forces. This was a consequence of their different origins and features of natural and geographical conditions. Even within individual feudal domains, the rayats of different villages served different duties. The range and volume of duties of the rayats to their feudal lords was quite extensive and voluminous. This was especially evident in the Kaitag domain of Dagestan, where their position in terms of exploitation brought them closer to the serfs of Russia. However, with all the duties performed by the rayats in relation to the becks, they could not be called serfs.

The article examines the categories of the dependent class of rayats in the Lower Kaitag, the sources of their formation, and various levels of feudal dependence. On the basis of archival material, all types of duties of the Lower Kaitag rayats are analyzed, however, despite their severity, there are signs of a lack of complete enslavement of this social category.

Keywords: Dagestan, rayats, becks, land ownership, trespass, enslavement, terekemen, Lower Kaitag.

На территории Северного Кавказа в 1860 г. были сформированы новые административные единицы, в которых стали действовать как военные, так и гражданские органы управления. Это потребовало пересмотра устоявшихся методов управления и местных вопросов гражданского права. Но прежде всего необходимо было преоб-

разовать социальные отношения у жителей горных районов.

С этой целью в 1866 г. в Тифлисе начал работу Особый комитет по освобождению зависимых сословий у северокавказских горских народов, председателем которого наместник назначил своего помощника генерал-адъютанта А.П. Карцова [1, с. 12].

Комитет, имея общие сведения о различных видах социальной зависимости в Дагестане, счел их недостаточными и для полного решения вопроса поручил Кавказскому горскому управлению собрать достоверную информацию по уровню феодальной зависимости сословий различных обществ Дагестана от главных начальников отделов края. Необходим был перечень лиц, владеющих зависимыми сословиями, их количество, виды повинностей. При различных уровнях зависимости в отдельных обществах или в одном селе – выявить категории повинностей, а при разнообразии их – наибольшую и наименьшую повинность [2, л. 12].

При предоставлении этих сведений необходимо было дать соображения относительно способов освобождения зависимых сословий, дальнейшего обеспечения их быта и вознаграждения их владельцев [2, л. 14].

При выявлении видов феодальной зависимости в Кайтагском владении Дагестана члены уполномоченной группы столкнулись с их разнообразием, противоречием и своеобразием.

Кайтагское уцмийство являлось одним из наиболее крупных и влиятельных феодальных владений в Дагестане. Начиналось оно с приморской низменности и охватывало предгорный и горный Дагестан. В связи с этим территория делилась на Верхний Кайтаг и Нижний Кайтаг, называемый еще Терекеме. Площади пахотной земли в Нижнем Кайтаге были значительно больше, чем в Верхнем, который был обеспечен пастбищами. По этой причине важные отрасли хозяйственной жизни, земледелие и скотоводство были разделены соответственно.

Исследуя особенности социально-экономического развития Кайтага, мы отметили, с одной стороны, отсутствие тесного экономического контакта между его отдельными частями и с другой – различный уровень развития феодальных отношений. Население Верхнего Кайтага составляли уздени – свободные общинники, пользовавшиеся самоуправлением, население Нижнего Кайтага – зависимые социальные категории.

Если сравнивать Верхний Кайтаг с Нижним, то последний был просто крепостным Кайтагом. Несмотря на то, что вся территория Кайтага составляла в прошлом единое владение уцмий Кайтагского, разница была глубокая.

Зависимое население Нижнего Кайтага именовалось раятами. Данная социальная категория существовала во всех регионах Дагестана, однако раяты занимали неодинаковое положение в си-

стеме производительных сил, что являлось следствием их различного происхождения и зависело от особенностей природно-географических условий, наложивших отпечаток на характер феодальной земельной собственности [3, с. 15].

В территориальных рамках Нижнего Кайтага были разные категории раятов с различным уровнем феодальной зависимости. Прежде всего это местные жители, в силу различных обстоятельств лишившиеся своих земель. Они получали земли под посевы, покосы и пастьбу скота, за которые платили продуктами и отбывали натуральную повинность владельцу земли [2, л. 10]. Раятское сословие формировалось в результате закабаления, когда бедный уздень попадал под покровительство бека, как говорили в Кайтаге, делался его ольса-калса. Покровитель обязан был защищать его, по смерти которого становился наследником его земли и господином семьи [4, с. 20]. Еще один источник именно данной категории раятов Нижнего Кайтага – это бывшие рабы, отпущенные на волю и прикрепленные как к земле, так и к ее владельцу.

Следующей категорией раятов в Нижнем Кайтаге являлось некоренное население – переселенцы, заселенные в терекемейскую часть Нижнего Кайтага на земли феодалов кайтагскими уцмиями еще в XVI в. [5, с. 220], по другим данным, – еще раньше [6, с. 235]. Точный отрезок времени и при каких обстоятельствах, на каких условиях они переселялись или были переселены в Терекеме, – это самостоятельный вопрос, требующий специального изучения [7, с. 135]. Поэтому здесь мы ограничимся только констатацией образования этой категории раятов в результате переселения.

Пути формирования сословия раятов в Нижнем Кайтаге определяет уровень их феодальной зависимости, он был тесно связан с землепользованием. Земля в Нижнем Кайтаге подразделялась на общественные владения и частные мюльки. Натуральные приношения беки имели как с раятских селений Терекеме, так и с других жителей-раятов Нижнего Кайтага.

В Нижнем Кайтаге существовала поземельная община, но в отличие от Верхнего Кайтага вся земля, которую она занимала, принадлежала беку. Пахотные и покосные земли феодалов в Терекеме постоянно использовались самими сельскими обществами, которые с разрешения феодала каждый год делили землю между собою в зависимости от количества плугов. Четыре пары буйволов были прикреплены к плугу [6, с. 209].

Такого количества буйволов терекемеец не имел, поэтому в каждом плуге участвовало несколько дворов. Вспашка, посев, уборка урожая и обмолот производились силами и средствами всех участников плуга. Урожай был разделен между участвующими сторонами пропорционально количеству работающего скота. Не имеющим рабочего скота терекемейцам выделяли отдельный участок земли в меньшем размере.

Раздел покосных земель производился таким же путем пропорционально числу рабочего скота. Следует отметить, что владельцы крупного рогатого скота и плуга иногда получали большие участки земли и могли разбогатеть [8, с. 100].

Мюльки, составлявшие отдельную собственность терекемейцев, могли перепродаваться, но не отчуждаться в другие деревни. Из этого следует, что раяты-переселенцы не имели права собственности на обрабатываемую ими землю, однако свои мюльки, хоть и с ограничениями, могли продавать. Чтобы переехать в другую деревню, раяты, независимо от согласия общины, должны были получить согласие бека, без которого переселение было невозможно. С переселением раята все его имущество переходило беку [2, л. 17]. Несмотря на препятствующие факторы в передвижениях, очевидно, что у данной категории раятов в Нижнем Кайтаге несколько больше прав и более благоприятные условия жизни, чем у раятов – местных жителей, находящихся в прямой зависимости от беков.

Остановившаяся на многочисленных податях и повинностях раятов Нижнего Кайтага своим феодалам, опираясь на архивный материал, отметим некоторые из них. Прежде всего бек мог требовать от раятов все, что пожелает, и иногда требования были просто невыполнимые. Это вынуждало раятов проявлять формы протеста в виде бегства.

Феодалы Кайтага владели превосходным земельным фондом, свободных незаселенных земель, пригодных для хлебопашества. В связи с этим с терекемейских раят феодалы получали прежде всего хлебную подать чихиш [3, с. 83]. Р.М. Магомедов писал, что раяты от каждой пары рабочей скотины платили беку 20 саб пшеницы и 10 саб ячменя [6, с. 215]. Не имеющие скотину раяты с каждого дыма платили от одной до шести саб пшеницы.

В фонде Центрального государственного архива РД отмечен широкий перечень податей раятов своим бекам. Раяты, имеющие в хозяй-

стве баранов, должны были беку двух баранов в год; выращивающие орехи – от 1 до 3 саб орехов; добывающие соль – от 1 до 5 капанов соли; имеющих фруктовые сады – от 1 до 8 саб фруктов, с виноградных садов раяты должны были платить соответственно урожаю; раяты, выращивающие и впоследствии занимающиеся продажей марены, обязаны были платить беку от 40 до 50 копеек с пуда. Кроме того, в любое время бек мог потребовать у своих раят кур и яйца, арбу сена или саману [2, л. 18].

Кроме того, раяты отбывали своим бекам натуральные отработочные повинности. Им необходимо было жать хлеб от одного до трех дней, косить и собирать сено – два дня, при необходимости возить дрова, по очереди перемалывать пшеницу на мельнице, при наличии сада у бека привозить хворост и бурьян для его ограждения, в течение дня очищать канаву. Если раят не поставлял сена и саману, то обязан был сам содержать одну бекскую скотину. Во время полевых работ раяты сеяли полученную от беков определенную пропорцию семян. В некоторых селах раяты должны были выходить со своим скотом и в течение одного дня пахать землю для бека [2, л. 19].

Помимо указанных податей широкое развитие получила аробная повинность. Раяты по требованию бека выставляли лошадей для посылки их по его надобностям – для доставки, например, дров, травы, хлеба, сена и прочего в дом бека; для постройки беку казмы и забора вокруг дворов и садов бекских, для перевозки бека с его семьей, если он куда-либо ехал, и т.д.

Таким образом, в Нижнем Кайтаге зависимость раят от беков была очень высокая, подати и повинности – весьма тяжелыми и не всегда физически выполнимыми. Бек не имел права выгонять раята из своего селения по своему желанию, но он мог его притеснять до того, что раят вынужден был бежать. Однако раят мог уходить из селения только тайно [6, с. 229]. По своему желанию открыто уйти от одного бека к другому он не имел права.

Эти факты позволяют заключить, что хотя формально-юридического акта прикрепления раятов к земле не было, однако беки старались прикрепить их к земле и обставить выселение такими тяжелыми условиями, что свободное выселение становилось невозможным, и одно лишь бегство избавляло раятов от притеснения беков.

Полковник Ахмед-хан в поданном им в Комиссию по окончании сословно-поземельных

дел объяснении перечисляет и другие виды повинностей, которые должны отбывать раяты-терекемейцы. К примеру, если зимой нельзя было пасти скот, то скот был разделен между раятами, которые кормили его в течение всей зимы. Когда бек посылал своих лошадей на пастьбу, то определял с ними 20 или 30 нукеров, которых раяты должны были содержать. Если бек отправлялся на горячие воды и его сопровождали нукеры, то раяты также должны были содержать их до тех пор, пока они будут с ним. С людей, занимающихся торговлей в деревнях Терекме, за право вести эту деятельность бек получал от 100 до 600 руб. в зависимости от торгового капитала [6, с. 216]. Кроме того, как мы отмечали, у некоторых раятов была возможность нажить определенное материальное состояние. Бек имел право взять у состоятельного раята 5–6 буйволиц и коров к себе в дом и доить их на протяжении 9 месяцев.

Адатное право в Кайтаге также свидетельствовало о том, что раяты занимали низкую ступень социальной лестницы кайтагского общества. За различные виды правонарушений раятов были установлены относительно высокие штрафы. За совершение убийства – штраф по адату – один буйвол. Что удивительно, такой же штраф был предусмотрен за совершение прелюбодеяния, за ранение, воровство и за похищение девицы – один бык [2, л. 20].

Так как юридического акта прикрепления раятов к земле не было, закрепощенными они не являлись и теоретически имели право переселяться в другие места. Беки, как видно из вышеизложенного, не имели права продавать, покупать или убивать раята, но они всячески пытались закрепить их на земле и препятствовать их выселению так, что свободное переселение раята было невозможным. Таким образом, по существу большая часть раятов в течение жизни платили подати, отбывали повинности владельцам земли, фактически не имели возможности переселяться, хотя юридически не были прикреплены к земле, и соответственно испытывали такую же участь, что и основная масса крепостных крестьян России.

Литература

1. Кузьминов П.А. Земельные и социальные преобразования на Северном Кавказе в контексте рос-

сийских реформ 60-х гг. XIX в. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2003. № 4. С. 10–16.

2. Сведения о видах крепостной зависимости, существующих в Дагестане // ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11-б.

3. Гаджиева А.И. Особенности земельных и социальных отношений в Кайтаге (XVIII – первая половина XIX в.) // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 5 ноября 2016 г.) : в 3 ч. Уфа : АЭТЕРНА, 2016. Ч. 3. 273 с.

4. Алиев Б.Г. Лично зависимые (крепостные) крестьяне Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. // Вестн. Ин-та ИАЭ. 2008. № 4. С. 3–23.

5. Муртазаев А.О. Кайтаг в VIII – первой половине XIX в. (исследование политической истории и роли в системе политических структур Северо-Восточного Кавказа). Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. 489 с.

6. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.

7. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М. : Наука, 1990. 216 с.

8. Умаханов М.-С.К. Социальная сущность термина «раят» в Дагестане // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. 151 с.

References

1. Kuzminov P.A. (2003). Land and social transformations in the North Caucasus in the context of Russian reforms of the 60s of the 19th century. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki (Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science)*, No. 4, pp. 10-16. (in Russian).

2. Information about the types of serfdom existing in Dagestan. *Central State Archive of the Republic of Dagestan*. Fund 126. In. 1. File 11-b. (in Russian).

3. Gadzhieva A.I. (2016). Features of land and social relations in Kaitag (XVIII - first half of the 19th century). *Interaction of science and society: problems and prospects*. Collection of articles of the International scientific and practical conference (Volgograd, November 5, 2016): in 3 ch. Ufa: AETERNA Publ., ch. 3, 273 p. (in Russian).

4. Aliev B.G. (2008). Personally dependent (serf) peasants of Dagestan in the 18th - first half of the 19th century. *Vestn. In-ta IAE*, No. 4, pp. 3-23. (in Russian).

5. Murtazaev A.O. (2015). *Kaitag in the 18th - first half of the 19th century (research of political history and*

role in the system of political structures of the North-Eastern Caucasus). Makhachkala, Institute of History, Archeology and Ethnography Press, Dagestan Scientific Center, RAS, 489 p. (in Russian).

6. Magomedov R.M. (1957). *Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th - early 19th century*. Makhachkala, Dagkniigoizdat, 408 p. (in Russian).

7. Gadzhieva S.Sh. (1990). *Dagestani terekemen. 19th - early 20th century. Historical and ethnographic research*. Moscow, Nauka Publ., 216 p. (in Russian).

8. Umakhanov M.-S.K. (1989). Social essence of the term "rayat" in Dagestan. *Social terminology in the languages of Dagestan*. Makhachkala, 151 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

19 мая 2020 г. / May 19, 2020

«ЛОВЫ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА: КНИЖНЫЕ КОНТЕКСТЫ ОДНОГО ЛЕТОПИСНОГО ФРАГМЕНТА

© 2020 г. А.С. Ищенко^а

^а Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт,
Донской государственной аграрный университет, Новочеркасск, Россия

VLADIMIR MONOMAKH'S "HUNTING": BOOK CONTEXTS OF ONE CHRONICLE

A.S. Ishchenko^а

^а Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute,
Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia

Ищенко Александр Сергеевич –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории, философии
и социальных технологий,
Новочеркасский инженерно-мелиоративный
институт,
Донской государственной аграрный университет,
ул. Пушкинская, 111, г. Новочеркасск, 346428, Россия.
E-mail: ischenko-2010@mail.ru

Aleksandr S. Ishchenko -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of History, Philosophy
and Social Technologies,
Novocherkassk Engineering
and Land Reclamation Institute,
Don State Agrarian University,
Pushkinskaya St., 111, Novocherkassk, 346428, Russia.
E-mail: ischenko-2010@mail.ru

Рассматривается фрагмент «Поучения» Владимира Мономаха, в котором князь повествует о своих охотничьих подвигах, относящихся ко времени его княжения в Чернигове. Данное описание признается достоверным, но в то же время испытывал литературное влияние целого ряда произведений, входивших в круг чтения князя. Среди таких произведений выделяются апокрифический «Завет Иуды», рассказ Первой книги Царств о борьбе Давида с дикими зверями, Второе послание к Коринфянам апостола Павла и летописная статья об искушении дьяволом киево-печерского затворника Исакия. Эти тексты использовались Владимиром в качестве литературных образцов в функциональном и отчасти содержательном отношении. Из них он заимствовал саму модель повествования и отдельные образы, придавая тем самым рассказу о себе не только поучительный характер, но и связанный с памятью контекстов своих источников сакральный смысл.

Ключевые слова: Владимир Мономах, Поучение, охота, Завет Иуды, апостол Павел, Повесть временных лет, «лютый зверь».

The fragment of the "Sermon" by Vladimir Monomakh in which the prince tells about his hunting feats dating back to the time of his reign in Chernigov is considered. This description is recognized as reliable, but at the same time affected a literary influence of a number of works included in the circle of reading of the prince. Among such works are the apocryphal "Covenant of Judah", the story of the First Book of Kings about David's struggle with wild beasts, the Second Epistle to the Corinthians of the Apostle Paul and a chronicle article about the devil's temptation of hermit Isaky from Kiev-Pechersk. These texts were used by Vladimir as literary samples in a functional and partly meaningful way. Therefrom, he borrowed the narrative model and individual images, thereby giving the story about himself not only an instructive character, but also a sacred meaning associated with the memory of the contexts of his sources.

Keywords: Vladimir Monomakh, Sermon, hunting, Judas Testament, apostle Paul, The Tale of Bygone Years, "fierce beast".

Пожалуй, один из наиболее ярких фрагментов «Поучения» Владимира Мономаха – рассказ князя о своих охотах, относящихся ко времени его княжения в Чернигове (1078–1094), емко охарактеризованный Б.А. Романовым в качестве «специального охотничьего

жизнеописания, статистической сводки охотничьих подвигов» [1, с. 127]. Так, если верить Мономаху, то он «конь диких своими руками связал есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кроме того же по ровни езда ималь есмь своими руками ть же кони дикие. Тура мя 2 метала

на розех и с конемъ, – продолжал князь, – олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома боль, вебрь ми на бедре мечь оттялъ, медведь ми у колена подьклада укусилъ, лютый зверь скочилъ ко мне на бедра и конь со мною поверже. И Богъ неврежена мя съблюде» [2, с. 104]. Картина весьма впечатляющая. Однако ничего удивительного в ней нет.

Охота была в Древней Руси не только распространённым способом добывания пищи и проведения досуга, но и служила освоению азов военного искусства, была одной из обязанностей князя [3, с. 44; 4, с. 254–255]. Об этом свидетельствует уже само начало рассказа Мономаха о «путях и ловах»: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружалъ, пути дея и ловы с 13 летъ» [2, с. 102]. «Ловы» для Владимира Мономаха, как отмечал В.М. Рычка, «такая же идеальная норма княжеского поведения, как и отвага на поле брани, справедливый суд, присутствие на службе Божией в церкви» [5, с. 16].

Описание пережитых князем на охоте опасностей скорее всего достоверное. В то же время есть все основания полагать определенное литературное влияние на это описание. Можно сказать, что «весь текст Мономаха балансирует на грани предельного автобиографизма и обширной литературной цитации» [6, с. 88]. Еще в XIX в. (П.А. Лавровским, а затем И.Я. Порфирьевым) было подмечено, что рассказ князя о его охотничьих подвигах сильно напоминает изображение таких же подвигов патриарха Иуды в «Заветах 12 патриархов» [7, с. 119]. Так, в «Завете Иуды» читаем: «И дасть ми Господь благодать въ всех делех моих на поли ж и в дому. Ведя, яко спостигох ланию, емь ю створих обед отцю моему. Серны имах спостизая. И все, еже беаше на нали имах. Кобылу дивию спостизая и имь укроти. Лва убивая, изях козли из зуб ему. Мечку, емь за ногу, свергох с брега. И всяк зверь, иже ся обрати на мя, растергнях, аки пса. Дивияго вепря гнав и варив его, и текох, и разстих его. Рысь в Хевроне въскочи на пса, имь за опашь, вергох и. И разбися в приделе Газы вола дивьяго, ядуща ниву: имь за рога и обертев кругом и разразив, повергох и убих и» [8, с. 184].

Несмотря на отсутствие прямых текстуальных совпадений, сходство между описанием черниговской охоты Мономаха и охоты Иуды настолько разительно, что делает весьма веро-

ятным использование в «Поучении» «Завета Иуды» как литературного образца. По мнению И.Н. Данилевского, вновь указавшего на значение этого источника Мономаха, стремление Владимира приблизить по форме свой текст к «Завету Иуды» было связано с тем, что «Иуда, как и Владимир Всеволодович, не был самым старшим в своем роду (он был четвертым сыном Иакова от Лии), однако именно ему суждено было стать правителем до Пришествия, когда Мессия-Христос примирит всех грешников с Богом и воцарится над всем человеческим родом» [8, с. 184–185]. Эта параллель между древнерусским князем и ветхозаветным патриархом может иметь и продолжение. В другой своей работе И.Н. Данилевский обратил внимание на то, что «по апокрифическому преданию, именно из колена Иуды должна была произойти Богородица», в связи с чем «(само) отождествление Владимира Мономаха с Иудой давало основания для формирования представления, что именно в роду этого князя суждено родиться новой Богородице, которая даст земную жизнь Спасителю во время Его второго пришествия» [9, с. 295–296]. Если наблюдения исследователя верны, то, возможно, именно отсюда проистекает такая любовь владимиро-суздальской ветви потомков Владимира Мономаха к изображениям львов (ведь лев, как известно, был символом Иуды) и их стремление к закреплению и развитию культа Богородицы как покровительницы своего рода.

Интерпретация близости рассматриваемого фрагмента «Поучения» к «Завету Иуды», предложенная И.Н. Данилевским, достаточно убедительна и в отличие от некоторых других его построений никем не оспаривалась. В то же время к описанию «ловов» Владимира Мономаха можно привести и другие литературные параллели. Прежде всего следует заметить, что общая для обоих этих фрагментов параллель имеется в каноническом тексте Библии (1 Царств 17: 34–36), на что обращал внимание и сам историк: «И сказал Давид Саулу: раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним и нападал на него и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его; и льва и медведя убивал раб твой» [9, с. 296]. Эта параллель любопытна, с одной стороны, потому что в первой части «Поучения» Мономаха, судя по текстологическим совпадениям с Псал-

мами Давида, ассоциировал себя прежде всего с ним [10, с. 154; 11, с. 491–492], а с другой – «именно Давиду принадлежит пророчество об Иуде; к тому же пресвятая Дева Мария, согласно новозаветной традиции, происходила из царского рода Давидова через Нафана» [9, с. 296].

Другую любопытную параллель предложил Б.А. Успенский. Он обратил внимание на сходство рассказа Мономаха о своих охотничьих подвигах с фрагментом из Второго послания к Коринфянам апостола Павла, где тот описывал страдания, которые ему пришлось претерпеть (II Кор. XI: 23–27): «От Иудей пять краты и четыредесяте разве единая прияхъ. Три краты палицами бьень быхъ, единою каменьемъ побиша мя; три краты лодия испровърже ся съ мною, ношь и день въ глоубине сътворихъ. Поутьмъ шьмтвья множицею, беды в рекахъ, беды от разбойникъ, беды от рожения, беды от языкъ, беды в граде, беды въ поустьяни, беды в мори, беды в лъжибратии. Въ троуде и въ подвижении, въ забъдении множицею, въ алчи и жажи, въ пощениихъ множицею, въ зиме и наготе» [12, с. 44].

Сравнивая оба текста, Б.А. Успенский отмечал, что «в обоих случаях мы имеем перечисление событий – своего рода реестр – с точным указанием того, сколько раз случилось то или иное событие. Эта формальная характеристика, объединяющая данные тексты, не типична для автобиографического повествования, и мы вправе предположить, что Поучение Мономаха обнаруживает здесь влияние Послания к Коринфянам» [12, с. 44]. Добавим к этому, что и Мономах, и апостол Павел перечисляют не просто важные моменты жизни, а именно те случаи, когда смерть могла настичь их, но отступила. При этом, как подчеркивал Б.А. Успенский, «обращение к тексту апостольского послания ни в коей мере не означает в данном случае подражания Павлу<...> Послание Павла оказывается важным для Мономаха не в содержательном, а в функциональном (риторическом) отношении: оно воспринимается в данном случае не как модель поведения, а как образец повествования о себе самом» [12, с. 45]. Можно даже предположить, что именно под влиянием Послания к Коринфянам Владимир Мономах и отошел от схемы «Завета Иуды», несколько переделал ее на свой лад, в результате чего вместо удачных нападений на зверей в «Поучении» описываются случаи спасения от них. Так описание охот было

вписано князем в поучительный рассказ о том, как Бог сохранил его невредимым.

Владимир Мономах был первым древнерусским автором, предпринявшим попытку автобиографического описания, поэтому опора на образцы не просто возможна, а весьма ожидаема. Вполне естественно при этом, что в качестве образцов для него служили в первую очередь тексты Священного писания и произведений, приравненных к нему или дополняющих его. Именно тексты такого рода, как показал И.Н. Данилевский, «являлись для летописцев основным семантическим фондом, из которого они черпали образы, с помощью которых осмысливали и описывали действительность. Аналогии с библейскими событиями в первую очередь давали летописцу типологию существенного. Именно из Св. Писания он в основном отбирал “клише” для характеристики людей и событий» [8, с. 211]. Следует упомянуть также о заметной зависимости древнерусских летописей и других оригинальных произведений от зарубежных хроник и прежде всего греческих.

Отдельные образы, впрочем, могли быть заимствованы Мономахом и из литературы, возникшей на русской почве. Так, А.П. Толочко обратил внимание, что еще одна параллель описанию черниговских охот Мономаха находится совсем рядом с его «Поучением» – в летописной статье 1074 г., представляющей собой похвалу Феодосию Печерскому. В этой статье содержится, в частности, рассказ об одном из черноризцев Киево-Печерского монастыря Исакии, который был прельщен бесами, но сумел их победить. Повествуя об этом, летописец отмечает, что бесы его «страшахуть и въ образе медвежи; овогда же лютым зверемъ, ово вълось, ово змие полозяху к нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ. И не могоша ему ничто же створити, и реша ему: “Исакие! Победил еси нас”» [2, с. 84]. Фрагмент этот не был бы так примечателен, если бы, как заметил А.П. Толочко, в нем не перечислялось сразу «несколько животных, упомянутых также Мономахом (в Завете Иуды, например, упоминается только вепрь). Медведь и вол (у Мономаха – тур) были бы показательны. Но наиболее характерное совпадение – упомянутый “лютый зверь”» [13, с. 443]. Кто такой этот «лютый зверь», реальное это животное или мифическое, до конца не ясно. Чаще всего полагают, что под ним скрывается какой-то хищник из породы кошачьих (леопард, барс, рысь

или лев) [14, с. 486; 15, с. 48–50; 16, с. 130–132; 2, с. 529, 637]. Несколько реже пишут о том, что это медведь или волк [17, с. 67; 6, с. 103–104]. Но если Мономах опирался на описание охоты в «Завете Иуды», то медведь и волк явно отпадают, поскольку в его перечне диких животных «лютый зверь» занимает соответствующее место льва или барса у Иуды [18, с. 75]. При этом перед нами, согласимся с Ф.Б. Успенским, не просто эвфемистическое указание на конкретного хищника, но и «максимально обобщенное обозначение свирепого зверя, своего рода собирательный образ врага человека на охоте. Иными словами, Мономах обыгрывает многозначность этой конструкции; более того, благодаря своей многозначности она и попадает в текст» [6, с. 103].

Интересно, что во всей «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) «лютый зверь» встречается только в статье 1074 г. и «Поучении» Владимира Мономаха. Из других памятников древнерусской литературы данное выражение находим в «Слове о полку Игореве», где говорится о том, как Всеслав Полоцкий «скочи» ночью из Белгорода в Полоцк «лютымъ зверемъ» [19, с. 382]. Но это упоминание не столь интересно, поскольку в отличие от летописной статьи 1074 г., относится к более позднему времени, чем «Поучение», а значит послужить его источником никак не могло. Более того, как резонно заметила О.П. Лихачева, «функционально это словосочетание в “Слове” и в “Поучении” употреблено совершенно различно. В “Слове” оно играет образно-поэтическую роль, в “Поучении” – информационную» [16, с. 129]. В этом плане упоминание «лютого зверя» в летописи также оказывается значительно ближе к «Поучению» Владимира Мономаха, чем в «Слове о полку Игореве». Впрочем, в отличие от Послания апостола Павла или «Завета Иуды», первичность которых по отношению к «Поучению» бесспорна, в случае с летописной статьей 1074 г. вовсе неочевидно, какой из текстов мог послужить источником другого.

Дело в том, что оба произведения – ПВЛ и сохранившееся под 1096 г. в составе ее Лаврентьевского списка «Поучение» Владимира Мономаха практически современны. Если летопись была закончена в сентябре 1115 – августе 1116 г. [13, с. 444], то окончательное оформление «Поучения» А.А. Гиппиус отнес ко времени около 1117 г. [20, с. 91]. Впрочем, анализ композиции этого памятника и содержащихся в нем датирова-

ющих указаний привел исследователя к выводу о том, что сложение текста «Поучения» прошло три этапа. При этом «можно не сомневаться, что описание “ловов”, как и описание “путей”, читалось в ПВМ1 (т. е. исходном тексте. – А.И.) – ведь именно этот эпизод напрямую связывает “Поучение” с “Заветом Иуды” как его литературным образцом» [21, с. 144].

Этот исходный вариант «Поучения» А.А. Гиппиус датировал зимой 1099/1100 или 1100/1101 г. [20, с. 91–92]. В таком случае более ранним текстом оказывается «Поучение» и заимствование можно предполагать со стороны автора ПВЛ. Именно к такому решению склоняется А.П. Толочко. В качестве дополнительного аргумента в его пользу он ссылается на переключку между примыкающим к «Поучению» письмом Владимира к Олегу Святославичу и помещенным в летописи под тем же 1096 г., что и сочинения Мономаха, летописным текстом. На этом основании украинский историк заключает, что летописец был знаком с литературными трудами князя [13, с. 443–444]. Мнение это, однако, не бесспорно. А.П. Толочко исходит из того, что ПВЛ была «первым опытом создания русской истории», авторским произведением игумена близкого Мономаху киевского Выдубицкого монастыря Сильвестра, писавшего свой труд, опираясь на сохранившиеся в устной памяти предания, известия византийских хроник и какие-то записи исторического характера, существовавшие в форме отрывочных аналитических заметок [22, с. 17, 20].

А.П. Толочко, таким образом, пересматривает утвердившееся в науке со времен А.А. Шахматова представление о том, что ПВЛ предшествовали такие более ранние летописные произведения, как реконструируемые «Древнейший свод» (1037–1039), «Свод Никона» (1073) и «Начальный свод» (1096–1099), а сама она имела по меньшей мере две редакции [8, с. 124–131]. В последнее время подобный ревизионизм, впрочем, все чаще вызывает положительные отклики. Самый серьезный из них – текстологические разыскания Т.Л. Вилкул, опровергающие одно из центральных наблюдений А.А. Шахматова, согласно которому текст «Начального свода» сохранился в составе Новгородской I летописи [23, с. 228–231].

Однако, как заметил И.Н. Данилевский, это вовсе не снимает вопроса о том, что ПВЛ предшествовал некий «Начальный» свод, тем

более что другие аргументы А.А. Шахматова, которыми тот обосновывал его существование, остаются в силе [24, с. 36–37]. Едва ли ПВЛ была первым летописным произведением. В пользу этого могут, в частности, свидетельствовать явно вставные фрагменты, разрывающие прежде логичный и связный рассказ (договоры Руси с Греками, легенда о четвертой мести княгини Ольги древлянам, рассказ о выборе вер князем Владимиром, и др.), а также прямые противоречия и ссылки на отсутствующие сообщения. Рассказ об Исакии скорее всего читался уже в более раннем памятнике, чем ПВЛ, а значит, «лютый зверь» мог попасть в «Поучение» все же из летописи, а не наоборот. Поэтому даже если Сильвестр в летописной статье за 1096 г. и «цитировал письмо Мономаха», то это еще не значит, что «Поучение» первично по отношению к летописным статьям более раннего времени и в частности по отношению к статье 1074 г., содержащей упоминание загадочного «лютого зверя».

Таким образом, к числу текстов, входивших в круг чтения князя и повлиявших на описание его черниговских охот помимо апокрифического «Завета Иуды», библейского рассказа о борьбе Давида с дикими зверями и Второго послания апостола Павла к Коринфянам, может быть отнесена и повествующая об искушении киево-печерского затворника Исакия статья ПВЛ. Конечно, параллелей «ловам» Владимира Мономаха может быть и больше. Все древние рассказы об охотах или встречающихся в агиографии перечни зверей, в образе которых монахов искушал дьявол, в чем-то схожи. Однако в отличие от рассмотренных текстов у нас нет оснований заподозрить знакомство Мономаха, скажем, с Анабазисом Ксенофонта или Житием Варлаама и Иосифа. И тем не менее очевидно, что далеко не все источники «Поучения» установлены. Поиски литературных параллелей, запечатленным на его страницах, казалось бы, совершенно житейским сюжетам, должны быть продолжены.

Литература

1. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 242 с.
2. Повесть временных лет / подг. текста, перев., статьи и ком. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; подготовил М.Б. Свердлов. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2007. 668 с.

3. Писаренко Ю.Г. Князівські лови в традиційній свідомості давньоруського суспільства // Український історичний журнал. 1993. № 7–8. С. 44–52.
4. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
5. Ричка В.М. Князівські лови як соціальний феномен Київської Русі // Соціум: альманах соціальної історії. Київ: Інститут історії України НАН України, 2002. Вип. 1. С. 13–21.
6. Успенский Ф.Б. Лютый зверь на Руси и в Скандинавии // Славяноведение. 2004. № 2. С. 88–105.
7. Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 192 с.
8. Данилевский И.Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 448 с.
9. Данилевский И.Н. Поучение Владимира Мономаха и храмовая резьба Владимиро-Суздальской земли // Вестн. истории, литературы, искусства. 2008. Т. 5. С. 286–303.
10. Лихачев Д.С. Сочинения князя Владимира Мономаха // Лихачев Д.С. Великое наследие. М.: Современник, 1979. С. 141–162.
11. Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 752 с.
12. Успенский Б.А. Владимир Мономах и апостол Павел // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки русской культуры, 2006. С. 43–45.
13. Толочко О. Володимир Мономах і літопис // Akademia. Terra Historiae. Студії на пошану Валерія Смоля: Кн. 2: Простори історика / відпов. ред. Г. Боряк. Київ: Інститут історії України НАН України, 2020. С. 441–445.
14. Мавродин В.В. «Тур», «лютый зверь» и «пардус» древнерусских источников (К вопросу об охотничьей терминологии в Киевской Руси) // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвященных 75-летию проф. С.Н. Валка. М.; Л.: Наука, 1964. С. 483–487.
15. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М.: Просвещение, 1977. 224 с.
16. Лихачева О.П. Лев – лютый зверь // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 48. М.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 129–137.
17. Сумникова Т.А. О словосочетании лютый зверь в некоторых памятниках восточнославянской письменности // Балто-славянские исследования. 1984. М.: Наука, 1986. С. 59–77.

18. Иванов В.В. Типология автобиографического поучения царя как жанра // Славяноведение. 2004. № 2. С. 69–79.

19. Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М.: Художественная литература, 1980. С. 373–388.

20. Гиппиус А.А. Сочинения Владимира Мономаха. Опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научном освещении. 2003. № 3 (6). С. 60–99.

21. Гиппиус А.А. Сочинения Владимира Мономаха. Опыт текстологической реконструкции. II // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 144–169.

22. Толочко А.П. Очерки начальной руси. Киев; СПб.: Лаурис, 2015. 336 с.

23. Вилкул Т.Л. Летопись и хронограф: текстология домонгольского киевского летописания. М.: Квадрига, 2019. 464 с.

24. Данилевский И.Н. О пользе сомнений: взгляд «изнутри» // Российская история. 2019. № 4. С. 33–41.

References

1. Romanov B.A. (1966). *People and morals of ancient Russia. Historical and everyday sketches of 11th-18th centuries*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 242 p. (in Russian).

2. *Tale of Bygone Years*. (2007). Transl., art., com. by D.S. Lihachev. V.P. Adrianova-Peretc (Ed.). 3rd. ed. Saint Petersburg, Nauka Publ., 668 p. (in Russian).

3. Pisarenko Yu.G. (1993). Princes hunting in the traditional consciousness of ancient society. *Ukrains'kii istorich-nii zhurnal*, No. 7-8, pp. 44-52. (in Ukrainian).

4. Dolgov V.V. (2017). *Life and customs of ancient Russia. Worlds of everyday life 16th - 18th century*. Saint Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 592 p. (in Russian).

5. Richka V.M. (2002). Princes hunting as a social phenomenon of Kievan Rus. *Socium. Al'manah social'noi istorii*. Kiev, Institute of History of Ukraine Press, NAS of Ukraine, iss. 1, pp. 13-21. (in Ukrainian).

6. Uspenskii F.B. (2004). A fierce beast in Russia and in Scandinavia. *Slavyanovedenie*, No. 2, pp. 88-105. (in Russian).

7. Orlov A.S. (1946). *Vladimir Monomakh*. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 192 p. (in Russian).

8. Danilevskii I.N. (2019). *Hermeneutical bases of chronicle texts studying. Tale of Bygone Years*. 2nd ed. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 448 p. (in Russian).

9. Danilevskii I.N. (2008). The teachings of Vladimir Monomakh and the temple carving of the Vladimir-Suzdal land. *Vestn. istorii, literatury, iskusstva*, vol. 5, pp. 286-303. (in Russian).

10. Likhachev D.S. (1979). Works of Prince Vladimir Monomakh. *Great heritage*. Moscow, Sovremennik Publ., pp. 141-162. (in Russian).

11. Puzanov V.V. (2017). *From the Slavs to Russia: the formation of the ancient Russian state (factors and images of political genesis)*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 752 p. (in Russian).

12. Uspenskii B.A. (2006). Vladimir Monomakh and the Apostle Paul. *A string of letters. To the 60th anniversary of V.M. Zhivov*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 43-45. (in Russian).

13. Tolochko O. (2020). Vladimir Monomakh and the Chronicle. *Akademia. Terra Historiae. Studies in honor of Valery Smolii. Book 2: Spaces of the historian*. G. Boryak (Ed.). Kiev, Institute of History of Ukraine Press, NAS of Ukraine, pp. 441-445. (in Ukrainian).

14. Mavrodin V.V. (1964). "Tour", "a fierce beast" and "pardus" of ancient Russian sources (On the issue of hunting terminology in Kievan Rus). *Research on domestic source studies*. Col. art. to the 75th anniversary of prof. S.N. Valk. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., pp. 483-487. (in Russian).

15. Larin B.A. (1977). *History of the Russian language and general linguistics (selected works)*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 224 p. (in Russian).

16. Lihacheva O.P. (1993). Lion - a fierce beast. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow, Dmitrii Bulanin Publ., vol. 48, pp. 129-137. (in Russian).

17. Sumnikova T.A. (1986). On the phrase "fierce beast" in some monuments of East Slavic writing. *Balto-Slavic studies*. 1984. Moscow, Nauka Publ., pp. 59-77. (in Russian).

18. Ivanov V.V. (2004). Typology of the autobiographical teaching of the king as a genre. *Slavyanovedenie*, No. 2, pp. 69-79. (in Russian).

19. A word about Igor's regiment. *Monuments of literature of Ancient Russia: 17th century*. (1980). Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., pp. 373-388. (in Russian).

20. Gippius A.A. (2003). Works of Vladimir Monomakh. The experience of textual reconstruction. I. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, No. 3 (6), pp. 60-99. (in Russian).

21. Gippius A.A. (2004). Works of Vladimir Monomakh. The experience of textual reconstruction. II. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, No. 2 (8), pp. 144-169. (in Russian).

22. Tolochko A.P. (2015). *Essays on initial Russ*. Kiev; Saint Petersburg, Laurus Publ, 336 p. (in Russian).

23. Vilkul T.L. (2019). *Chronicle and chronograph: Textology of the Pre-Mongol Kiev Chronicle*. Moscow, Kvadriga Publ., 464 p. (in Russian).

24. Danilevskii I.N. (2019). On the benefits of doubt: an "inside" look. *Rossiiskaya istoriya*, No. 4, pp. 33-41. (in Russian).

ПРИЧИНЫ ЭМИГРАЦИИ КОРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В 60-70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

© 2020 г. А.А. Комарова^а, В.П. Подольников^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE REASONS FOR THE EMIGRATION OF THE KOREAN POPULATION TO THE FAR EAST IN THE 60-70s 19th CENTURY

A.A. Komarova^а, V.P. Podolnikov^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Комарова Анастасия Александровна –
магистр, кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: nastya01996@mail.ru

Anastasia A. Komarova -
Master`s Degree, Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya, 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: nastya01996@mail.ru

Подольников Владимир Павлович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: podolnikov@list.ru

Vladimir P. Podolnikov -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya, 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: podolnikov@list.ru

Рассматриваются причины эмиграции корейского населения на Дальний Восток во второй половине XIX в. С одной стороны, переселению корейцев способствовали внутренние проблемы Корейского полуострова, которые заключались как в тяжелом социально-экономическом положении корейских крестьян, так и в череде природных катаклизмов, заставивших голодать большинство населения. С другой стороны, миграционное законодательство Российской империи, направленное на скорейшее заселение вновь приобретенных территорий на Дальнем Востоке, подталкивало эмигрантов выбрать нашу страну своими многообещающими льготами и пустынными плодородными почвами.

Запрашиваются дипломатические отношения трех стран (России, Кореи и Китая), которые явились предпосылками первых корейских миграционных потоков на территории, принадлежавшие Российской империи. Подчеркиваются особые отношения Китая и Кореи, а также отмечаются основные приоритеты внешней политики Кореи того периода, выражающиеся в так называемой «закрытости» страны.

Анализируются причины экономических и последующих социальных проблем Кореи. Исследуются основные этапы присоединения к России территорий Дальнего Востока, а также отмечается отношение русских властей к корейским переселенцам. Делается вывод о большом количестве не связанных друг с другом факторов, которые привели к последующей миграции корейцев на Дальний Восток.

Ключевые слова: Дальний Восток, переселение, корейцы, договоры, Корейский полуостров, миграционное законодательство, мигранты, Китай.

The article considers two groups of reasons that contributed to the emigration of the Korean population to the Far East in the second half of the 19th century. On the one hand, the resettlement of Koreans was facilitated by the internal problems of the Korean Peninsula, which included both the difficult socio-economic situation of the Korean peasants and a series of natural disasters that caused the majority of the population starvation. On the other hand, the migration legislation of the Russian Empire, aimed at the quickest settlement of newly acquired territories in the Far East, encouraged emigrants to choose our country with the promising benefits and desert fertile soils. The work also touches on the diplomatic relations of three countries (Russia, Korea and China), which were the prerequisites for the first Korean migration

flows to territories belonging to the Russian Empire. The special relations of China and Korea are emphasized, as well as the main priorities of the foreign policy of Korea of that period, expressed in the so-called "closeness" of the country. The causes of economic and subsequent social problems of Korea are analyzed. The main stages of the annexation of the territories of the Far East to Russia are studied, and the attitude of the Russian authorities towards Korean immigrants is noted. It is concluded that there are a large number of unrelated factors that led to the subsequent migration of Koreans to the Far East.

Keywords: *Far East, resettlement, Koreans, treaties, Korean peninsula, migration legislation, migrants, China.*

Вопрос о миграции населения и ее последствиях для принимающих государств весьма актуален в современном мире. Россия, являясь многонациональной страной, на протяжении долгого периода времени оставалась открытой для иностранных граждан по ряду причин. Однако что именно заставляло абсолютно отличных по культуре, религии, традициям и менталитету жителей Корейского полуострова переселяться на территорию нашей страны, до сих пор недостаточно изучено.

Эмиграция корейцев на Дальний Восток привлекла внимание еще дореволюционных историков и путешественников фактически с момента возникновения этого феномена. Одной из первых стала работа Н. Пржевальского [1]. Несмотря на то что корейцам в ней посвящена только одна глава, автор подробно описал их быт, манеру одеваться, традиции и обычаи, а главное – затронул внутривосточные проблемы Кореи и предположил причины переселения их на территорию России. Не менее значимой являлась работа М.А. Поджио [2], в которой рассматриваются законодательство, отношение к западным странам, а также другие немаловажные детали из жизни простого народа Кореи второй половины XIX в.

В настоящее время интерес к данной проблеме еще более возрос. Крупнейшим специалистом по изучению корейской эмиграции был признан А.И. Петров [3]. В своих трудах он рассмотрел не только этапы переселения, но и культурную ассимиляцию, вклад корейской диаспоры в развитие экономики и сельского хозяйства в регионе и другие аспекты.

Цель данной статьи – выявление причин переселения корейского населения на русский Дальний Восток. Нами исследуются: экономическое и социальное положение народа Кореи во второй половине XIX в., межгосударственные российско-корейские отношения и миграционное законодательство Российской империи в этот период.

Именно в этот период в Корею начинаются самые неурожайные годы, и внутривосточные проблемы достигают своего пика. В такой

ситуации возникла волна первых переселений на территорию Дальнего Востока, которая являлась ближайшей и, по мнению корейских крестьян, наиболее пригодной для освоения.

Источниковую базу статьи составили законодательные акты и договоры, отчеты чиновников Приамурского края, письма и воспоминания путешественников, документы, содержащиеся в Сборнике договоров России с другими государствами [4] и в Полном собрании законов Российской империи [5]. Стоит выделить письма ревизора Пак Кюсу [6], которые дают нам наиболее полное понимание происходящего в корейских провинциях в годы, предшествующие началу эмиграции.

Переселение корейцев на территорию Дальнего Востока ведет отсчет со второй половины XIX в. Но в исторической науке до сих пор существуют спорные мнения о точной дате его начала. Хотя все источники свидетельствуют о том, что миграция отмечалась еще до заключения первого дипломатического соглашения между Россией и Кореей, т. е. до 25 июня 1884 г. [3, с. 68]. Каковы же были ее причины? На наш взгляд, во-первых, тяжелое социально-экономическое положение корейских крестьян и, во-вторых, внутренняя миграционная политика Российского государства на Дальнем Востоке.

Почему корейские крестьяне выбрали Российскую империю как оптимальную во всех условиях страну для переселения?

Королевский ревизор Пак Кюсу в своем письме старшему брату и докладе королю Чхольчжону описывает весьма бедственное положение корейских крестьян весной – летом 1862 г.: «...Разве могут быть спокойны крестьяне, если их поля всего лишь крохотные клочки земли, а тело едва прикрыто жалкими лохмотьями?» [6, с. 654]. Далее он говорит, что в таких условиях по всей провинции Кёнсандо, при которой он был ревизором, происходят народные волнения. Эти беспорядки дошли до поджога домов и убийств чиновников, что было несвойственно для народа и еще раз подчеркивало всю напряженность ситуации. В своем докладе королю Пак Кюсу описывает реальное положение

следующим образом: «...Народ ободрали как липку, и трудно понять, как можно прожить в этих условиях хоть один день. Главной причиной [сложившегося положения] является система “хвангок”. ...Страдания и нищета от всяких бед и [недостатков] приходится только на долю нашего народа!» [6, с. 654–655]. Следовательно, положение народа с каждым днем становилось все невыносимее, это подтверждает и донесение французского миссионера в Корею М. Пуртье. Он подробно перечисляет все бесчинства властей, которые облагают народ непосильными налогами и покупают свои места у вышестоящих лиц за счет получения взяток. В ответ среди корейских крестьян происходят волнения и бунты, народ всячески старается унижить чиновников и даже убивает их [6, с. 655–658].

Ответом на вопрос, что именно стало самой главной проблемой, вызвавшей такую бурную реакцию корейских крестьян, является крах системы «хвангок», которая подразумевала выдачу «ссудного зерна» в неурожайные годы. Зерно выдавалось весной с условием его последующего возврата государству осенью или в урожайный год, а само «возвратное зерно» называлось «хвангок», о котором и писал королевский ревизор. Однако уже к середине XIX в. количество выдаваемого земледельцам зерна было сокращено в 5 раз, а вот сам «хвангок», напротив, постоянно увеличивался из-за накапливавшихся процентов. Бунты были обусловлены недовольством крестьян постоянным ростом «возвратного зерна», так как в начале правления династии Ли никаких процентов не было [7, с. 293]. Развал данной системы стал причиной голода, который уже через полтора-два года после описываемых ревизором событий привел к первым миграциям корейцев в Российскую империю.

В России в это время уже отсутствовала феодальная система эксплуатации и управления, которая на родине корейцев доводила крестьян до нищеты вне зависимости от количества выполняемых ими работ [8, с. 44], что сыграло немаловажную роль в пользу выбора переселения.

Другим фактором, стимулирующим эмиграцию, стали плохие климатические условия на корейском полуострове в период 1860–1870-х гг. Постоянные засухи, периодически сменяющиеся наводнениями, привели к катастрофическим последствиям. Уровень жизни корейских крестьян стремительно падал [8, с. 42], что сопровождалось голодом и смертью простого населения.

Резкий упадок рисового производства сократил на одну треть заработную плату рабочих в провинции Кёнсан. Ухудшение питания привело к повышению уровня смертности. По всей стране происходило разрушение гидромелиоративных сооружений, отрицательно повлиявшее на сельскохозяйственную деятельность. Рост численности населения до 17–18 млн человек увеличил большой спрос на топливные ресурсы, что вылилось в бесконтрольную вырубку лесов. Сокращение количества торговых рынков также свидетельствует об экономическом упадке в стране. Последовавший за этим рост инфляции в государстве заставил голодать большинство крестьянского населения, так как с 1855 г. цены на рис ежегодно повышались на 3–4 % [9, с. 174–175].

В таких условиях народу ничего не оставалось, как уходить в горы и бродяжничать в поисках пропитания, либо покидать свое государство под страхом смертной казни. По законам Кореи самовольный переход за границу, а также отношения с иностранцами карались смертью [2, с. 90]. В том, что они соблюдались, нет никаких сомнений. По данным корейского историка Чин Ён Цоя, в июне 1864 г. в провинции Хамген два человека (один из них являлся чиновником) «были обезглавлены на берегу Тумэни в знак предупреждения против аналогичных нарушений закона. Это был первый из многих таких случаев» [Цит. по: 10, с. 20]. Даже в России было известно, на какие меры идет корейское правительство в борьбе с попытками местного населения хоть как-то взаимодействовать с русскими. Так, в отечественном журнале тех лет рассказывалось, что начальник города Кыген-Пу «приказал уничтожить все лодки, находящиеся в городе, для того, чтобы никто из корейцев не мог переезжать на левую сторону реки, где стоит наш пограничный пост» [Цит. по: 11, с. 359]. Такие меры осуществлялись для ограничения контрабандной торговли, которая в некоторой степени облегчала жизнь бедствующему населению. Все это еще раз показывает тяжелое положение корейцев во второй половине XIX в.

Препятствия для миграции корейцев на русскую территорию чинили и китайские власти. По сведениям командира Владивостокского поста лейтенанта Е.С. Бурачека, еще в 1862 г. несколько корейских семей хотели переселиться в наши земли, однако боялись, что русские солдаты станут отнимать их жен. Такие слухи специально распускались китайскими чиновниками,

так как они теряли несколько лань серебра из-за каждой семьи [12, с. 195]. Объяснялось это тем, что Корея на протяжении практически всей своей истории являлась вассалом Китая, который теперь опасался российского влияния на свою соседку. Уже позднее, когда первая миграционная волна достигла своего пика, ближе к началу 70-х гг., корейцы достаточно часто пересекали именно китайскую границу, что обернулось для них печальными последствиями. Китайские солдаты не просто останавливали корейцев на границе, но и всячески старались на этом нажиться: грабили, отбирали одежду, деньги, скот и женщин [13, с. 25]. Однако даже такое жестокое обращение несколько не останавливало все прибывающий поток переселенцев.

Здесь же стоит сказать, что некоторые корейцы считали свой переход в соседнее государство неким началом новой жизни, возможностью «начать заново» [14, р. 261]. Они «верили в справедливость и могущество белого царя, видели в нем спасителя корейцев от всех бед и избавителя от дикого страшного произвола деспотичных и алчных правителей» [Цит. по: 15, с. 65]. Старший чиновник по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе Н.А. Насекин называет одной из причин переселения «твердое убеждение корейцев, что в России они получают полноправность, которой были лишены в Корее до того, что никто не располагал не только своей собственностью, но и жизнью» [16, с. 6]. Следовательно, эмигранты не только надеялись получить защиту в другом государстве, но и пересекали границу по идеологическим соображениям.

Наш соотечественник Н.М. Пржевальский еще одной причиной миграции корейцев на русские территории называет перенаселение Корейского полуострова. Однако, с точки зрения современных исследователей, это утверждение довольно спорное. Более приемлемо его мнение о том, что именно близость русских территорий, а также их плодородные, нетронутые почвы привлекали корейцев [1, с. 106].

Говоря о близости территории, стоит упомянуть, что Россия не всегда имела общую границу с Кореей. Именно в XIX в. происходят важные внешнеполитические изменения в отношениях России и Китая, которые приводят к появлению новых границ между тремя государствами (Россией, Китаем и Кореей). Они были обусловлены сложной геополитической ситуацией цинского Китая, из-за которой Китай искал

дружественной поддержки со стороны Российской империи. Остановимся на трех основных договорах, закрепивших вхождение в состав Российского государства Дальнего Востока. Первым из них являлся Айгунский договор (от 16/28 мая 1858 г.), по которому левый берег Амура (от р. Аргуни до морского устья Амура) стал принадлежать Российской империи, правый берег (вниз по течению) оставался за Китаем, остальные земли (от Уссури до моря) теперь были в общем владении [4, с. 47]. Следующим стал Тяньцзиньский договор (Трактат между Россией и Китаем об определении взаимных отношений от 1/13 июня 1858 г.). В ст. 9 данного документа сообщалось, что неопределенные части границ между Китаем и Россией будут в ближайшее время исследованы доверенными лицами и по окончании работ дополнительная статья войдет в настоящий трактат. Составленные карты и описания будут служить новыми документами о границах [4, с. 53]. Пекинский договор (от 2/14 ноября 1860 г.) завершал деятельность по установлению новых границ между Китаем и Россией. Именно после его заключения у России появилась общая граница с Кореей. В первой же статье этого договора говорится, что здесь будут уточнения и пояснения к двум предыдущим договорам. Теперь граница между государствами проходила таким образом: левый берег Амура, как и ранее, по Айгунскому договору, принадлежал России, а правый – Китаю. Затем появляется новая пограничная черта по рекам Сунгач и Бэлэн-хэ, а далее по горам до реки Ту-мынь-дзян [4, с. 74–75], или по-корейски Тумэни, через которую позднее переправлялись корейские эмигранты в Россию. Таким образом, после заключения данных договоров Россия и Корея получили общую границу протяженностью всего лишь 16 км [14, р. 261].

Несмотря на особое внимание корейского правительства к своим северным рубежам, информация о подписании договора о новых границах не была своевременно сообщена королевскому двору. Таким образом, правительство Кореи являлось некоторое время неосведомленным о своей новой границе с Россией. Здесь снова сыграл зловещую шутку фактор пренебрежительного отношения Китая к Корее, считавшейся зависевшей от него территорией [17, с. 61]. Возможно, именно поэтому Чин Ён Цой говорит об отсталой системе обороны, выражающейся в охране своих границ, как еще об одной из причин бегства корейцев за пределы своей страны [3, с. 61].

Со стороны Российской империи реакция властей была незамедлительной. Для охраны новых территорий после подписания договора сюда было выслано Амурское казачье войско и армейские подразделения. Вдоль границы установлены посты, однако контролировать все приграничные территории эти подразделения не могли, что обеспечивало свободный переход границы иностранцам из соседних государств [3, с. 49].

Вторая причина, способствующая переселению корейского населения на Дальний Восток, заключалась в самом миграционном законодательстве Российской империи. Его формирование ко второй половине XIX в. показывало желание русских властей привлечь иностранцев для освоения новых территорий, а сами иностранцы с удовольствием пользовались всеми привилегиями, созданными для этой цели русскими властями.

Обратимся к одному из основных документов, который регламентировал и поощрял миграцию иностранного населения на Дальний Восток. Таковым являлись «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири». В них указывалось, что селиться в этих областях имеют право все желающие, как русские, так и иностранцы, однако только за свой счет, без денежного пособия из казны. На этой территории они могли приобретать участки земли, либо быть приписанными к городам. Участки земли выдавались или во временное владение, или в полную собственность. Кроме этого существовали особые льготы для переселенцев в виде освобождения от рекрутской повинности в течение 10 наборов, а также навсегда от подушных податей. Только через 20 лет после заселения вместо подушной вводилась поземельная подать за пользование землей [5, с. 682–684]. Наличие этих льгот показывает, насколько сильным было желание русского правительства заселить и освоить приобретенные земли Дальнего Востока. С другой стороны, эти правила объясняют, как выгодно было для корейского населения переходить именно на русские территории, учитывая, что на их родине в этот период налоги были непосильными.

В своем отчете по командировке, чиновник особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттих открыто говорит о том, что в 60–70-х гг. XIX в. прибывавшие в Россию корейцы рассматривались царскими властями как

элемент желательный, поскольку «военные посты требовали подвоза провианта и военных припасов, а также содержания в исправности дорог, что было немыслимо при отсутствии населения» [18, с. 29–30]. Его дальнейшее высказывание о содействии русской администрации корейским переселенцам полностью совпадает с написанным в «Правилах для поселения...», в которых говорилось, что корейцам разрешалось селиться, где они считали выгодным, и даже предусматривалось обеспечение пропитанием на первое время. Именно по этим причинам, по мнению А.А. Риттиха, уже к началу 70-х гг. в Посыетском участке появились 9 корейских деревень [18, с. 29–30].

Итак, переселение корейцев на Дальний Восток было обусловлено целым рядом факторов, существующих независимо друг от друга. России был выгоден приток населения на новые еще неосвоенные территории, а корейским крестьянам были необходимы условия для выживания, поэтому страна, относимая ими к Западу, как нельзя лучше подошла для эмиграции.

Литература

1. *Пржевальский Н.* Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг. СПб. : Типография Н. Неклюдова, 1870. 297 с.
2. *Поджио М.А.* Очерки Кореи / сост. по запискам М.А. Поджио с приложением карты полуострова Кореи. СПб. : Типография Е. Евдокимова, 1892. 225 с.
3. *Петров А.И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток : ДВО РАН, 2000. 304 с.
4. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1952. 470 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. 2-го отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1863. Т. XXXVI.
6. Хрестоматия по Новой истории : в 3 т. / под ред. А.А. Губера, А.В. Ефимова. М. : Мысль, 1965. Т. 2. 783 с.
7. *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. 626 с.
8. *Хан В.С., Сим Хон Ёнг.* Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М. : МБА, 2014. 256 с.
9. *Бон Су Чжон.* Миграция корейцев в Российскую империю во второй половине XIX в. и ее социально-экономические предпосылки // Власть. 2011. № 12. С. 173–176.

10. Пак В. Переселение корейцев на Дальний Восток России. 1860–1880 годы. Владивосток : Валентин, 2013. 200 с.

11. Шкунов В.Н. Торговые связи Российской империи и Кореи в XVIII–XIX вв. // Изв. Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 358–363.

12. Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток : Общество изучения Амурского края, 1999. 244 с.

13. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск : Иркутский гос. пед. ин-т, 1994. 238 с.

14. Kim G., King R. The Northern region of Korea as Portrayed in Russian Sources, 1860s – 1913 // The Northern region of Korea: History, Identity, and Culture. Cambridge, Massachusetts: Center for Korea Studies Publications, 2010. P. 254–294.

15. Петров А.И., Чжан Чжон Рён. Корейцы-иммигранты на Дальнем Востоке России 1860–1890 гг. // Россия и АТР. 2001. № 1. С. 65–70.

16. Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края: Краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 3, ч. ССCLII, отд. 2. С. 1–61.

17. Вradiй С.Ю. «Карта России (Агук Ёджидо)» – первое корейское описание Приморья // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2012. № 1. С. 58–68.

18. Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае : отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого Управления А.А. Риттиха. СПб. : Типография МВД, 1899. 158 с.

References

1. Przhevalsky N. (1870). *Traveling in the Ussuri territory, 1867-1869*. Saint Petersburg, N. Neklyudov Publ., 297 p. (in Russian).

2. Podzhio M.A. (1892). *Essays in Korea*. Comp. according to the notes of M.A. Podzhio with the application of the map of the peninsula of Korea. Saint Petersburg, E. Evdokimov Publ., 225 p. (in Russian).

3. Petrov A.I. (2000). *Korean diaspora in the Russian Far East. 60-90s of the 19th century*. Vladivostok, Far Eastern Branch Press, Russian Academy of Sciences, 304 p. (in Russian).

4. *Collection of treaties of Russia with other states. 1856-1917*. (1952). Moscow, State Publishing House of Political Literature, 470 p. (in Russian).

5. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. (1863). 2nd col. Saint Petersburg, 2nd Dpt. H.M. Chancellery Publ., vol. XXXVI. (in Russian).

6. *A chrestomathy on the new history*: in 3 vol. A.A. Huber, A.V. Efimova (Ed.). Moscow, Mysl' Publ., 1965, vol. 2, 783 p. (in Russian).

7. Kurbanov S.O. (2002). *Lecture course on the history of Korea: from antiquity to the end of the 20th century*. Saint Petersburg, St. Petersburg University Press, 626 p. (in Russian).

8. Khan V.S., Sim Hong Young. (2014). *Koreans of Central Asia: past and present*. Moscow, MBA Press, 256 p. (in Russian).

9. Bon Su-Jeong. (2011). Migration of Koreans to the Russian Empire in the second half of the 19th century and its socio-economic background. *Vlast'*, No. 12, pp. 173–176. (in Russian).

10. Pak V. (2013). *The resettlement of Koreans in the Far East of Russia. 1860-1880*. Vladivostok, Valentine Publ., 200 p. (in Russian).

11. Shkunov V.N. (2015). Trade relations of the Russian Empire and Korea in the 18th - 19th century. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 17, No. 3 (2), pp. 358–363. (in Russian).

12. Burachek E.S., Burachek V.V. (1999). *Memoirs of the Zaamur seaman. Before and after Vladivostok*. Vladivostok, Society for the Study of the Amur Region Press, 243 p. (in Russian).

13. Pak B.D. (1994). *Koreans in the Russian Empire*. Irkutsk, Irkutsk State Pedagogical Institute Press, 238 p. (in Russian).

14. Kim G., King R. (2010). The Northern region of Korea as Portrayed in Russian Sources, 1860s - 1913. *The Northern region of Korea: History, Identity, and Culture*. Cambridge, Massachusetts, Center for Korea Studies Press, pp. 254–294.

15. Petrov A.I., Zhang Jeong Ryon. (2001). Immigrant Koreans in the Russian Far East 1860-1890. *Rossiya i ATR*, No. 1, pp. 65–70. (in Russian).

16. Nasekin N.A. (1904). Koreans of the Amur Territory: A Brief History of the Relocation of Koreans to the South Ussuri Territory. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, No. 3, ch. CCCII, dep. 2, pp. 1–61. (in Russian).

17. Vradiy S.Yu. (2012). “Map of Russia (Aguk Yoghzhido)” - the first Korean description of Primorye. *Vestn. S.-Peterb. un-ta*, No. 1, pp. 58–68. (in Russian).

18. Rittikh A.A. (1899). *Resettlement and Peasant Affairs in the South Ussuri Territory*. Report on the Business Trip of the Special Assignments Officer A.A. Rittikh. Saint Petersburg, Ministry of Internal Affairs Press, 158 p. (in Russian).

ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ САДДАМА ХУССЕЙНА: К ВОПРОСУ ОБ ОСВЕДОМЛЁННОСТИ США В 1980-е ГОДЫ

© 2020 г. А.В. Лепков ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

SADDAM HUSSEIN'S CHEMICAL WEAPONS: ON THE ISSUE OF UNITED STATES AWARENESS IN THE 1980s

A. V. Lepkov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Лепков Арсений Владимирович –
аспирант, кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: lepko@sfedu.ru

Arseniy V. Lepkov -
Postgraduate, Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya, 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: lepko@sfedu.ru

Исследуется уровень осведомлённости официальных лиц США относительно иракской программы по производству химического оружия, а также его применения до 1988 г. Период 1980–1988 гг. ознаменовался активным американо-иракским сотрудничеством в целях оказания давления на Иран. Доказывается, что в этот период Вашингтон был хорошо осведомлён о разработке и применении Ираком химического оружия, начиная с первых инцидентов, ещё до вынесения данного вопроса на уровень Совета Безопасности ООН. Союзным Штатам было невыгодно способствовать распространению информации, дискредитирующей союзника в борьбе с Ираном. Внимание мировой общественности к применению химического оружия было привлечено лишь после окончания ирано-иракской войны.

Ключевые слова: Ирак, США, химическое оружие, Курдистан, Саддам Хуссейн, Госдепартамент, Конгресс, ЦРУ.

The article examines the level of awareness of US officials regarding the Iraqi program for the production of chemical weapons as well as its use before 1988. Both in Russian and foreign historiography, the issue of Iraq's chemical weapons and the United States relationship with the government of Saddam Hussein during the Iran-Iraq war is either considered superficially or becomes only an aspect of more general and extensive research topics. The period of 1980–1988 was marked by active USA-Iraqi cooperation in order to exert pressure on Iran. It is proved that during this period, Washington was fully aware of the development and use of chemical weapons by Iraq from the first incidents, even before the issue was brought to the level of the UN Security Council. It was not profitable for the United States to promote the dissemination of information discrediting an ally in the fight against Iran. World's attention to the use of chemical weapons was drawn only after the end of the Iran-Iraq war.

Keywords: Iraq, USA, chemical weapons, Kurdistan, Saddam Hussein, State Department, Congress, CIA.

Ближний Восток был и остаётся по сей день одним из главных очагов военной и политической нестабильности. И, как показывают события в современных Сирии и Ираке, значимым вопросом, связанным с этим очагом, является фактор создания, хранения и применения в регионе запрещённых видов оружия, в частности химического. Данное нарушение положений Женевского протокола 1925 г. (либо же обвинение в этом) становится показательным пово-

дом для оказания международного политического и экономического давления на страну-нарушителя, а через это – и достижения конкретных геополитических целей заинтересованных сторон. В период правления в Ираке Саддама Хуссейна иракская государственная программа по производству отравляющих веществ стала первым и наиболее ярким образцом данной практики. Боеприпасы с отравляющими веществами крайне активно применя-

лись в ходе ирано-иракской войны против иранских войск, а в программе по разработке химического оружия в Ираке, как позднее выяснилось, принимали активное участие западноевропейские и американские компании. Наиболее печально известным примером применения химического оружия Ираком против гражданского населения стали химические бомбардировки города Халабджа в марте – октябре 1988 г. Там, во время и после применения целого комплекса ядовитых газов, в частности зарина и иприта (горчичного газа), погибло, по разным данным, от 3 до 5 тыс. человек. Общая численность погибших за всё время проведения операции «Анфаль» составила от 50 до 182 тыс. человек [1].

Данная операция, финалом которой и были события в Халабдже, представляла собой целый комплекс репрессивных мер, предпринятых правительством Хуссейна против курдского населения северного Ирака. Они включали в себя насильственное выселение курдов с мест их проживания, массовые казни и физические расправы не только над курдскими ополченцами-пешмерга, обвинёнными в сотрудничестве с иранскими войсками, но и над членами их семей. «Анфаль» как политика геноцида, направленного против курдов, стала объектом осуждения Совета Безопасности ООН и в дальнейшем одним из главных обвинений со стороны Соединённых Штатов и их союзников в адрес правительства Хуссейна. В свете этого представляет интерес позиция Вашингтона по отношению к иракской военной программе до 1988 г. Иран первым вынес вопрос о применении Ираком химического оружия в военном конфликте на уровень ООН. Соединённые Штаты были единственной страной, проголосовавшей против заявления Совета Безопасности 1986 г., осуждавшего применение Ираком иприта и зарина против иранских войск.

Относительно освещения вопроса об осведомленности США по химической программе Саддама Хуссейна в 1980-е гг. сложилась неоднозначная ситуация. Зарубежная историография если и затрагивает тему иракского химического оружия, то, как правило, в контексте событий в Халабдже или же в отрыве от американо-иракского сотрудничества в 1980-х гг. Некоторые работы, однако, являются исключениями из тенденции, как, например, монография М. Келли «Призраки Халабджи: Саддам Хуссейн и геноцид курдов» [2]. Эта небольшая

по объёму работа ценна в том числе и представленными в ней источниками, отображающими отношение США к Ираку и его химической программе в 1980-х гг.

Отечественная историография практически не затрагивала тему американо-курдского сотрудничества и подробностей химической программы правительства Саддама Хуссейна. Исключением можно назвать лишь аналитическую статью М.В. Супотницкого с соавторами [3].

При этом как в отечественной, так и в зарубежной историографии активно разрабатывается проблема иракских курдов. В зарубежной историографии много внимания уделяется применению химического оружия в Иракском Курдистане в 1988 г. как одному из ключевых моментов истории региона и формирования курдского менталитета. Из работ, в которых рассматривается эта тема, стоит в первую очередь отметить исследования Г. Стэнсфилда «Иракский Курдистан: политическое развитие и установление демократии» [4] и Д. МакДауэлла «Современная история курдов» [5]. В них достаточно подробно анализируются события 1987–1988 гг. В отечественной историографии операция «Анфаль» и применение химического оружия в Халабдже как самый известный пример освещается в трудах таких видных отечественных специалистов по истории Иракского Курдистана, как Н.З. Мосаки [6], К.В. Вертяев и С.М. Иванов [7, 8].

Для лучшего понимания контекста происшедших событий стоит коснуться темы американо-иракского сотрудничества в период ирано-иракской войны. Если СССР и саддамовский Ирак являлись союзниками официально, то для Соединённых Штатов и администрации Рональда Рейгана вопрос был весьма щепетильным. Потеряв позиции в Иране, Вашингтон изначально не собирался поддерживать Багдад в начавшемся конфликте. Однако уже к 1982–1983 гг. ситуация изменилась. В 1984 г. вновь открывается американское посольство в Багдаде – показательный шаг навстречу иракскому правительству в текущем военном конфликте. Военная поддержка США выразилась в поставках оружия и финансировании правительства Ирака, активности сотрудников ЦРУ на территории Ирака во взаимодействии с иракскими военными [9]. Так, уже в 1986 г. «New York Times» пишет о затянувшейся ирано-иракской войне.

С одной стороны, материалы западной прессы подчёркивают мощь иракской армии,

«одной из наиболее боеспособных на Ближнем Востоке после израильской и иорданской»; с другой – выражают беспокойство относительно слабого боевого духа иракских военных, их низкого национального самосознания и косвенно подтверждают работу западных спецслужб и слежку с воздуха над горной территорией Иракского Курдистана [10].

Примером такого военного сотрудничества является Рик Франкона, экс-офицер разведывательного управления ВВС США. В 1987 г. он был переведён в Разведывательное управление министерства обороны США. Во время этого назначения он провел большую часть 1987 и 1988 гг. в посольстве США в Багдаде в качестве офицера связи с управлением военной разведки вооруженных сил Ирака. Франкона фактически выполнял функции военного атташе и инструктора, был наблюдателем иракских боевых операций против иранских войск и совершал боевые вылеты с иракскими ВВС. Его наблюдения и опубликованная им информация в немалой степени пролили свет на иракскую военную программу производства и применения химического оружия, а также уровень поддержки Ирака Соединёнными Штатами.

Книга Р. Франкона «Из союзника в противника – рассказ очевидца об иракском падении» [11], а также его многочисленные аналитические статьи об американской стратегии на Ближнем Востоке [12] содержат подробные сведения об Ираке и деятельности американских спецслужб в этой стране в ходе ирано-иракской войны. Большое внимание автор уделяет и курдскому фактору Ирака. В 2013 г. ЦРУ рассекретило (хоть и в урезанном виде) ряд документов, касавшихся активности США в Ираке в период ирано-иракского конфликта. Так, доклады ЦРУ от 4 ноября 1983 г. уже содержат информацию о наличии химического оружия у Ирака и фактах неоднократного его применения против иранской армии. «...Иприт, единственное отравляющее вещество, использованное иракцами, был применён лишь недавно. Это оказалось менее эффективным, нежели рассчитывал Ирак, хотя это привело к некоторым жертвам среди иранских военных и гражданского населения. Они производят дополнительные запасы иприта, но мы не считаем, что они способны произвести достаточно для того, чтобы значительно повлиять на исход боя... У нас нет доказательств того, что Иран обладает

летальным химическим оружием или предпринимает попытки его получить...» [13].

Меморандум от 24 февраля 1984 г. раскрывает тему ещё подробнее – из него ясно, что ЦРУ известно также расположение и состояние иракских военных заводов по производству химического оружия. Так, отмечено, что из нелетальных химических веществ применялся лишь слезоточивый газ против иранских войск. «...В Ираке существуют два главных объекта, связанных с химическим оружием. Салман Пак, расположенный в 20 км южнее Багдада, используется для исследований, разработки и производства в небольших количествах. Полномасштабное производство будет происходить в большем объекте, расположенном в Самарре, в 70 км северо-западнее Багдада. Этот комплекс изолирован, хорошо засекречен, масштабен и его строительство близко к завершению...» [14]. Первое применение летального химического оружия, упомянутое выше (авиабомбы с ипритом), датируется июлем 1983 г. и применено оно было именно на территории Иракского Курдистана против иранских военных, в ходе чего погибло и мирное население. Показательно, что в данном меморандуме выражается опасение, что Тегеран, имея доказательства применения химического оружия Ираком, обратится непосредственно к ООН.

Наиболее полно вся аналитическая информация ЦРУ из ранее разрозненных докладов была скомпилирована и объединена в докладе от января 1985 г. «Иракская программа [производства] химического оружия в перспективе» [15].

Издание *Foreign Policy* впервые в 2013 г. обратило внимание на содержание рассекреченных документов, подчеркнув, что опубликованная информация полностью противоречит более ранним заверениям ЦРУ в конце 1980-х гг. о предполагаемой невинности Хуссейна [16].

К другим документам, отражающим позицию Соединённых Штатов по Ираку и осведомлённость Белого Дома о химической программе Багдада в 1980-х гг., относятся меморандумы Госдепартамента США от 1 ноября 1983 г., а также секретные телеграммы Госдепартамента от февраля и марта 1984 г. «Нам также известно, что Ирак получал средства для производства химического оружия преимущественно от западных компаний, включая, предположительно, американскую дочернюю компанию за рубежом... Как Вам известно, Ирак в настоящее время находится в невыгодном по-

ложении в этой войне на истощение с Ираном...» [2, р. 129]. Меморандум от 21 ноября того же года приблизительно аналогичен по содержанию. Но в нём глава Бюро Госдепартамента по военно-политическим вопросам Джонатан Хоув и помощник госсекретаря по делам Ближнего Востока Р. Мёрфи ставят вопрос перед Л. Иглбергером – младшим помощником госсекретаря по политическим делам – насколько уместным будет поднимать на публичное обсуждение на уровне ООН участие западных компаний в обеспечении Ирака компонентами для производства отравляющих веществ? [2, р. 124–125].

Ещё одним интересным документом в этом контексте предстаёт меморандум Р. Мёрфи своему коллеге Л. Иглбергеру от 24 декабря 1983 г. Из меморандума ясно, что Соединённые Штаты, уже хорошо осведомлённые о нарушении Ираком норм Женевского протокола по производству и применению химического оружия, планируют выделять большие финансовые кредиты иракскому правительству через Экспортно-импортный банк США (EXIM Bank). Ключевым интересом американцев в этом деле являлся экспорт иракской нефти через территорию Турции [2, р. 124–125]. Исключённый в 1982 г. из списка государств, поддерживающих терроризм, Ирак на протяжении 1980-х гг. только от Соединённых Штатов таким образом получил около 460 млн долларов [9].

В целом тон докладов ЦРУ и меморандумов Госдепартамента выражает достаточно спокойное отношение как к факту наличия у Ирака химического оружия (и более того – программы по его разработке и производству), так и к фактам его применения против Ирана.

Стивен Пеллетье, бывший сотрудник ЦРУ и известный аналитик американских спецслужб наиболее активно и продолжительно отстаивал позицию невиновности правительства Хуссейна в геноциде курдского населения Ирака, списывая многочисленные жертвы химических атак в Халабдже на действия иранских войск. Аргументирует аналитик свою позицию, ссылаясь на нерассекреченные документы ЦРУ (опубликования которых требует) об иранской программе химического оружия и фактах его применения [17]. «Я не пытаюсь реабилитировать Саддама Хуссейна, – заявлял Пеллетье. – Он несет ответственность за многие другие преступления. Но обвинение в уничтожении собственных сограждан Саддама в Халабдже не

обосновано. Это была война, а не целенаправленное убийство. Наверняка существуют другие причины, оправдывающие наше вторжение в Ирак, но Халабжа не должна фигурировать среди них» [18].

Впрочем, при этом Пеллетье в своей работе, посвящённой Ираку, не отрицает наличия у того химического оружия и фактов его применения против иранцев [19, р. 46–47]. Пеллетье, как и Франкона, ссылается на опыт работы в ЦРУ и Разведывательной службе Минобороны США и подтверждает, что уже к 1985 г. иракские военные получали активную помощь и вооружение от Соединённых Штатов, иракские офицеры проходили подготовку под руководством американских инструкторов и атташе [19, р. 47].

Вокруг точки зрения Пеллетье сконцентрировалась своеобразная «ревизионистская» позиция относительно событий 1988 г. в Курдистане. В целом она сводится к тому, что истинной причиной трагедии были именно действия иранских войск, применивших в регионе химическое оружие, в то время как Хуссейн, хоть и не являлся образцом соблюдения прав человека, применял силу лишь против курдских военных и политических лидеров, открыто выступивших на стороне Ирана и против иракской армии с начала войны [20].

Примерами таких отчасти «ревизионистских» работ, отходящих от общепринятой позиции об абсолютной несостоятельности садамовского Ирака как государства, являются работы «Потеря Ирака: мятеж и политика» [19] и «Ирано-иракская война: хаос в вакууме» [21]. Представленная там точка зрения на Ирак в целом и события в Халабдже может считаться сегодня спорной, но в то же время работы Пеллетье обладают обширным массивом документальных источников по событиям в Ираке в 1980–1990-х гг. и американской политике на Ближнем Востоке и в Ираке в частности.

Другим источником, подтверждающим осведомлённость США относительно наличия у Ирака химического оружия и его применения, являются отчёты комитетов Конгресса и Госдепартамента за разные годы. Так, в отчёте 1985 г. большое внимание аналитики Конгресса уделяют курдскому фактору в Ираке [22, р. 1246–1256]. Там уже содержатся упоминания о применении Ираком химического оружия в зоне боевых действий – в Южном Курдистане. Отчёт этот, впрочем, предоставлял не однобо-

кий взгляд – подвергались анализу действия и курдских антиправительственных группировок, в большинстве случаев так или иначе связанных с кланом Барзани. Курдам вменялись обвинения в неоднократных похищениях людей (иностранцев граждан) на территории Ирака с целью получения выкупа. Для более поздних отчётов – за 1988–1989 гг. подобный не односторонний взгляд на нарушение прав человека уже почти не характерен – на фоне событий в Халабдже комиссии Конгресса предпочитают сосредоточиться именно на действиях иракского правительства.

Отчёт за 1988 г. уже содержит достаточно подробную информацию о событиях в Иракском Курдистане, не только о событиях в Халабдже, но и о всей антикурдской кампании правительства Хуссейна в 1980-х гг. [23, р. 1355–1365]. Данные доклада согласуются и с рассекреченным докладом директору ЦРУ Уильяму Уэбстеру от 28 марта 1988 г. [24].

В октябре 1988 г., после окончания ирано-иракской войны, комитет Сената США по международным отношениям публикует доклад о применении Ираком химического оружия в Курдистане в период проведения операции «Анфаль». Данный доклад, при своей информативности относительно курдского региона, расстановки в нём сил и происходящих процессов, по сути своей двойствен. С одной стороны, появление у Ирака и применение против курдов химического оружия в тексте документа представлены как внезапный факт в череде антикурдских репрессий Хуссейна, несмотря на косвенное упоминание первого применения химического оружия ещё в 1984 г. С другой стороны, доклад подчёркивает, что Соединённые Штаты с 1984 г. активно сотрудничали с иракским правительством и оказывали ему значительную военную и экономическую помощь в рамках противостояния Ирану.

«В ноябре 1984 года Штаты и Ирак восстановили дипломатические отношения после 17-летнего перерыва... Администрация щедро предоставляла Ираку кредитные гарантии на сумму 600 млн долларов США для закупки американского сельскохозяйственного экспорта. Наконец, и это самое главное, администрация Рейгана помогла военным и дипломатическим усилиям Ирака в предотвращении поражения от Ирана... Этот проиракский уклон не был полностью последовательной политикой...». Несмотря на то, что данная информа-

ция по своей тональности – явно «камень в огород» администрации Рейгана, это едва ли не первое официальное признание ошибочности «антииранской» (а точнее «про-иракской») политики Соединённых Штатов. При этом фактор военного сотрудничества США и Ирака не упомянут, а сказано лишь о получении разведданных Ираком от США в рамках общего сотрудничества, «как утверждает иракская сторона». Именно с 1988 г. Ирак впервые превращается для США из антииранского союзника в «жестокую диктатуру, которая существует в современном мире» [25, р. 38–43].

В 1991 г., уже в период иракской военной кампании, комитет Сената по международным отношениям издаёт отдельный подробный доклад о ситуации, освещает репрессивную политику Хуссейна по отношению к курдам, однако фактор применения химического оружия затрагивается лишь в контексте атак в Халабдже в 1988 г. и в Кальят-Дизе в 1989 г. Тема химических атак до 1988 г. и какая-либо роль США в сотрудничестве с иракским правительством не поднимается вовсе [26].

Отдельно, говоря о степени осведомлённости американской стороны относительно репрессий курдов, иракской химической программе 1980-х гг. и операции «Анфаль», стоит отметить активность в расследовании событий в Иракском Курдистане правозащитных организаций.

Именно на информацию правозащитников, помимо разведывательных служб, опирались Госдепартамент и Конгресс США. Наибольшая заслуга в пролитии света на события в Иракском Курдистане «по горячим следам» принадлежит Amnesty International и Human Right Watch. Пик активного расследования первых приходится на 1980-е гг. и сосредоточивается на политических репрессиях – похищениях, пытках и убийствах активистов ДПК и ПСК и членов их семей. Эта информация и легла в уже упомянутые отчёты комитетов Конгресса и Госдепартамента за 1985–1990 гг., именно на данные отчётов этой организации и ссылаются авторы в первую очередь.

Вторая же организация активно проявила себя уже в начале 1990-х гг. в расследовании подробностей «Анфаля» и применения иракским правительством химического оружия против собственных граждан. Именно Human Rights Watch впервые опубликовали в 1992–1993 гг. найденные в Иракском Курдистане

документы (стенограммы выступлений и приказы) печально известного «Химического Али» – Али-Хасана Аль Маджида, генерального секретаря северного бюро партии «Баас» на территории Иракского Курдистана. Высказывания Аль-Маджида не оставляли сомнений – правительство Хуссейна было готово решить «курдский вопрос» самым радикальным образом – физическим уничтожением не только нелояльных курдских вооружённых формирований, но и мирного курдского населения [27, 28]. Помимо документов в начале 1990-х гг. Human Rights Watch в развёрнутом, обширном докладе публикуют многочисленные показания и свидетельства жертв «Анфалья» – активистов ДПК и ПСК, мирных жителей уничтоженных населённых пунктов [29] и даже иракских военных курдского происхождения, чьи близкие подверглись репрессиям или были убиты в ходе операции «Анфаль» и атаки в Халабдже [30].

Доклады правозащитных организаций в конце 1980 – начале 1990-х, а именно их направленность и характер позволяли опираться на изложенную в них информацию Конгрессу. Именно Humans Right Watch стали как основным источником для Вашингтона в формировании обвинения Багдаду в вопросе применения химического оружия, так и позиция правозащитной организации звучала синхронно позиции Госдепартамента и комиссий Конгресса – в ситуации с обвинением Багдада в применении химического оружия в публичной сфере почти всегда подразумевается химическая атака Халабджи в 1988 г. и операция «Анфаль», в рамках которой это происходило. Тогда как более ранним инцидентам в ходе ирано-иракского конфликта, в том числе и применению химического оружия против иранских военных и гибели гражданского населения, при этом уделяется гораздо меньше места.

Соединённые Штаты были осведомлены как об иракской программе по производству химического оружия, так и о фактах его применения с начала 1980-х гг. И ЦРУ, и Госдепартамент расценивали данную ситуацию в первую очередь в двух контекстах – как возможную опасность вынесения данного вопроса на уровень Совета Безопасности ООН и как потенциальную угрозу дальнейшего распространения химического оружия в регионе. Сам же факт массового применения отравляющих веществ против иранской армии с сопутствующими жертвами среди гражданского населения Вашинг-

тоном рассматривался в качестве оптимального способа борьбы Багдада с Ираном как с более сильным противником. Заинтересованность США в ослаблении Ирана любыми средствами способствовала замалчиванию информации относительно положения дел в Ираке и нарушения Багдадом положений Женевской конвенции 1925 г. Последние этапы операции «Анфаль» и химическая атака в Халабдже произошли в августе – октябре 1988 г. – после окончания ирано-иракского конфликта. Ввиду того, что роль Ирака как активного военного антииранского союзника подошла к концу, трагедия в Халабдже и операция «Анфаль» в целом стали поводом для Вашингтона начать политическое и экономическое давление на Багдад. При этом американская сторона соблюдала информационную выборочность в обвинениях Ирака, предпочитая сосредоточиться с опорой на доклады правозащитников на применении химического оружия не ранее 1988 г.

Мониторинг Соединёнными Штатами и международными правозащитными организациями ситуации в регионе в 1980-х гг. стал примером того, как длительная внешняя политика, сфокусированная лишь на достижении краткосрочных политических целей, даже при полной фактологической осведомлённости может привести к трагедиям и негативно сказаться на дальнейшей политике в этом регионе и взаимодействии с местными элитами и населением.

Литература

1. The 1988 Anfal Campaign in Iraqi Kurdistan (03.02.2008). URL: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/1988-anfal-campaign-iraqi-kurdistan.html> (дата обращения: 12.02.2020).
2. Kelly M.J. Ghosts of Halabja Saddam Hussein and the Kurdish genocide. Praeger Security International, Westport, Connecticut, London, 2004 URL: <http://bookre.org/reader?file=1181483> (дата обращения: 15.02.2020).
3. Сунотницкий М.В., Шило Н.И., Ковтун В.А. Химическое оружие в ирано-иракской войне 1980–1988 годов // Вестник войск РХБ защиты. 2019. № 1. С. 40–64. URL: http://www.supotnitskiy.ru/vestnik_voysk_rchbz/vestnik_rchbz_9_5.pdf (дата обращения: 15.02.2020).
4. Stansfield G. Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy. Routledge Curzon, 2003.

5. *McDowall D.* A Modern History of the Kurds. I.B. Tauris, 2004.
6. *Мосаки Н.З.* Курдский вопрос в политике Запада и России. М., 2011.
7. *Вертяев К.В., Иванов С.М.* Курдский национализм: история и современность. М.: ЛЕНАНД, 2015.
8. *Иванов С.М.* Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). М.: ИМЭМО РАН, 2011.
9. *Абелян А.И.* Ирано-иракский вооружённый конфликт в 1980–1988 гг. и его влияние на систему международных отношений на Ближнем Востоке // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 2. С. 56–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irano-irakskiy-vooruzhennyy-konflikt-1980-1988-gg-i-ego-vliyanie-na-sistemu-mezhdunarodnyh-otnosheniy-na-blizhnem-vostoke> (дата обращения: 17.02.2020).
10. *Iraqis Stalled by a Tenacious Enemy* (28.02.1986). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP90-00965R000403410002-1.pdf> (дата обращения: 18.02.2020).
11. *Francona R.* Ally to Adversary – An Eyewitness Account of Iraq's Fall from Grace. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 1999.
12. *Francona R.* US withdrawal from Iraq is a mistake, ex-CIA officer to Kurdistan says. URL: <http://francona.blogspot.com/2010/06/interview-in-iraqi-kurdish-newspaper.html> (дата обращения: 18.02.2020).
13. *Iran's likely reaction to Iraqi use of chemical weapons* (November 4, 1983). URL: <https://ru.scribd.com/document/163046998/Iran-s-Likely-Reaction-to-Iraqi-Use-of-Chemical-Weapons> (дата обращения: 20.02.2020).
14. *Prospects for Use of Chemical Weapons by Iraq Against Iran Over the Next Six Months* (February 24, 1984). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP86M00886R001100090010-3.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).
15. *The Iraqi Chemical Weapons Program in Perspective*. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP90T01298R000300670001-8.pdf> (дата обращения: 23.02.2020).
16. *Foreign Policy Exclusive CIA Files Prove America Helped Saddam As He Gassed Iraq*. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/08/26/exclusive-cia-files-prove-america-helped-saddam-as-he-gassed-iran/> (дата обращения: 23.02.2020).
17. *A War Crime or an Act of War?* URL: <https://www.nytimes.com/2003/01/31/opinion/a-war-crime-or-an-act-of-war.html> (дата обращения: 25.02.2020).
18. *Lenta.ru: ЦРУ обеспечило Саддаму «железное алиби»* (05.07.2004) URL: <https://lenta.ru/articles/2004/07/05/cia/> (дата обращения: 25.02.2020).
19. *Pelletiere S.C.* Losing Iraq: insurgency and politics. Praeger Security International, Westport, Connecticut, London, 2007.
20. *What Happened in Kurdish Halabja?* URL: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/168/37420.html> (дата обращения: 28.02.2020).
21. *Pelletiere St.C.* The Iran-Iraq War: chaos in a vacuum. Praeger Security International, Westport, Connecticut, London, 1992. URL: <http://bookre.org/reader?file=1249230&pg=1> (дата обращения: 28.02.2020).
22. *Country reports on human rights practices for 1985* (February 1986). URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/ptid=txu.059173023444427&view=1up&seq=1> (дата обращения: 28.02.2020).
23. *Country reports on human rights practices for 1988* (February 1989). URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.c024768830&view=1up&seq=1> (дата обращения: 01.03.2020).
24. *NIC Activity Report, 18-24 March 1988*. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP90M00551R001200650022-3.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).
25. *Chemical weapons use in Kurdistan Iraq's final offensive: a staff report to the Committee of Foreign Relations of the United States Senate* (October, 1988). URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pst.000014993787&view=1up&seq=1> (дата обращения: 02.03.2020).
26. *Kurdistan in the time of Saddam Hussein: a staff report to the Committee of Foreign relations of the United States Senate* (November, 1991). URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pst.000019262543&view=1up&seq=1> (дата обращения: 02.03.2020).
27. *Human Rights Watch Bureaucracy of Repression: The Iraqi Government in Its Own Words*. URL: <https://www.hrw.org/reports/1994/iraq/ТЕХТ.htm> (дата обращения: 03.03.2020).
28. *Human Rights Watch Appendix A The Ali Hassan Al-Majid Tapes*. URL: <https://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/APPENDIXA.html> (дата обращения: 03.03.2020).
29. *Human Rights Watch Whatever Happened To The Iraqi Kurds?* (March 11, 1991). URL: <https://www.hrw.org/reports/1991/IRAQ913.html> (дата обращения: 03.03.2020).
30. *Human Rights Watch: Sample documents captured by the Kurds of northern Iraq in the March 1991*. URL: <https://www.hrw.org/reports/1994/iraq/APPENDIX.htm#TopOfPage> (дата обращения: 03.03.2020).

References

1. *The 1988 Anfal Campaign in Iraqi Kurdistan (03.02.2008)*. Available at: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/1988-anfal-campaign-iraqi-kurdistan.html> (accessed December 12, 2020).
2. Kelly M.J. (2004). *Ghosts of Halabja Saddam Hussein and the Kurdish genocide*. Praeger Security International, Westport, Connecticut, London. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1181483> (accessed February 15, 2020).
3. Supotnitskiy M.V., Shilo N.I., Kovtun V.A. (2019). Chemical weapon in Iraq-Iran war 1980-1988. *Vestnik voysk RHB zashity*, No. 1, pp. 40-64. Available at: http://www.supotnitskiy.ru/vestnik_voysk_rchbz/vestnik_rchbz_9_5.pdf (accessed February 15, 2020). (in Russian).
4. Stansfield G. (2003). *Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy*. Routledge Curzon.
5. McDowall D. (2004). *A Modern History of the Kurds*. I.B. Tauris.
6. Mosaki N.Z. (2011). *The Kurdish question in Western and Russian politics*. Moscow. (in Russian).
7. Vertyaev K.V., Ivanov S.M. (2015). *Kurdish nationalism: history and modernity*. Moscow, LENAND Publ. (in Russian).
8. Ivanov S.M. (2011). *Iraqi Kurdistan at the present stage (1991-2011)*. Moscow, Institute of World Economy and International Relations Pres, RAN. (in Russian).
9. Abalyan A.I. (2015). The Iran-Iraq armed conflict in 1980-1988 and its impact on the system of international relations in the middle East. *Vestn. SPbGU*, Ser. 6, No. 2, pp. 56-57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/irano-irakskiy-vooruzhennyi-konflikt-1980-1988-gg-i-ego-vliyanie-na-sistemu-mezhdunarodnyh-otnosheniy-na-blizhnem-vostoke> (accessed February 17, 2020). (in Russian).
10. Iraqis Stalled by a Tenacious Enemy (28.02.1986). Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP90-00965R000403410002-1.pdf> (accessed February 18, 2020).
11. Francona R. (1999). *Ally to Adversary - An Eyewitness Account of Iraq's Fall from Grace*. Annapolis, Md., Naval Institute Press.
12. Francona R. *US withdrawal from Iraq is a mistake, ex-CIA officer to Kurdistan says*. Available at: <http://francona.blogspot.com/2010/06/interview-in-iraqi-kurdish-newspaper.html> (accessed February 18, 2020).
13. Iran's likely reaction to Iraqi use of chemical weapons (4 November 1983). Available at: <https://ru.scribd.com/document/163046998/Iran-s-Likely-Reaction-to-Iraqi-Use-of-Chemical-Weapons> (accessed February 20, 2020).
14. Prospects for Use of Chemical Weapons by Iraq Against Iran Over the Next Six Months (24 February 1984). Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP86M00886R001100090010-3.pdf> (accessed February 20, 2020).
15. *The Iraqi Chemical Weapons Program in Perspective*. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP90T01298R000300670001-8.pdf> (accessed February 23, 2020).
16. *Foreign Policy Exclusive CIA Files Prove America Helped Saddam As He Gassed Iraq*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2013/08/26/exclusive-cia-files-prove-america-helped-saddam-as-he-gassed-iran/> (accessed February 23, 2020).
17. *A War Crime Or an Act of War?* Available at: <https://www.nytimes.com/2003/01/31/opinion/a-war-crime-or-an-act-of-war.html> (accessed February 25, 2020).
18. *Lenta.ru: The CIA provided Saddam with an "iron-clad alibi"*. Available at: <https://lenta.ru/articles/2004/07/05/cia/> (accessed February 25, 2020). (in Russian).
19. Pelletiere S.C. (2007). *Losing Iraq: insurgency and politics*. Praeger Security International, Westport, Connecticut, London.
20. *What Happened in Kurdish Halabja?* Available at: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/168/37420.html> (accessed February 28, 2020).
21. Pelletiere S.C. (1992). *The Iran-Iraq War: chaos in a vacuum*. Praeger Security International, Westport, Connecticut, London. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1249230&pg=1> (accessed February 28, 2020).
22. *Country reports on human rights practices for 1985 (February 1986)*. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/ptid=txu.059173023444427&view=1up&seq=1> (accessed February 28, 2020).
23. *Country reports on human rights practices for 1988 (February 1989)*. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.c024768830&view=1up&seq=1> (accessed March 1, 2020).
24. *NIC Activity Report, 18-24 March 1988*. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP90M00551R001200650022-3.pdf> (accessed March 1, 2020).
25. *Chemical weapons use in Kurdistan Iraq's final offensive: a staff report to the Committee of Foreign Relations of the United States Senate (October 1988)*. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pst.000014993787&view=1up&seq=1> (accessed March 2, 2020).
26. *Kurdistan in the time of Saddam Hussein: a staff report to the Committee of Foreign relations of the United States Senate (November 1991)*. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pst.000019262543&view=1up&seq=1> (accessed March 2, 2020).
27. *Human Rights Watch Bureaucracy of Repression: The Iraqi Government in Its Own Words*. Available at: <https://www.hrw.org/reports/1994/iraq/TEXT.htm> (accessed March 3, 2020).

28. *Human Rights Watch Appendix A The Ali Hassan Al-Majid Tapes*. Available at: <https://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/APPENDIXA.html> (accessed March 3, 2020).

29. *Human Rights Watch Whatever Happened To The Iraqi Kurds? (March 11, 1991)*. Available at:

<https://www.hrw.org/reports/1991/IRAQ913.html> (accessed March 3, 2020).

30. *Human Rights Watch: Sample documents captured by the Kurds of Northern Iraq in the March, 1991*. Available at: <https://www.hrw.org/reports/1994/iraq/APPENDIX.htm#TopOfPage> (accessed March 3, 2020).

Поступила в редакцию / Received

18 мая 2020 г. / May 18, 2020

УДК 314

DOI 10.18522/2687-0770-2020-2-71-79

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ИЗ РОССИИ В США (1992–2018 гг.)*

© 2020 г. Д.И. Узнародов ^а

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF MIGRATION FLOWS FROM RUSSIA TO THE UNITED STATES (1992-2018)

D.I. Uz narodov ^а

^а Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia

Узнародов Дмитрий Игоревич –
кандидат политических наук, научный сотрудник,
лаборатория казачества,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Dmitry I. Uz narodov -
Candidate of Political Sciences, Researcher,
Laboratory of Studying of Cossacks,
Southern Scientific Center,
Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Рассматривается динамика миграционных потоков из России в США в период с 1992 по 2018 г.; проводится анализ трансформации миграционной политики США в течение последних 26 лет. Выделяются основные этапы, характеризующие масштабы эмиграции российских граждан в США, а также обозначаются их ключевые особенности. При помощи анализа статистических данных выявляются наиболее предпочтительные для российских мигрантов регионы страны. Делается вывод, что изменению динамики миграционных потоков из России в США после 2020 г. могут способствовать два ключевых фактора: конфигурация сил внутри политической элиты США после избирательного цикла ноября 2020 г., а также социально-экономическая и общая внутривнутриполитическая ситуация непосредственно внутри России.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные потоки, Россия, США, эмигранты, население.

The article reviews the dynamics of migration flows from Russia to the United States in the period from 1992 to 2018; the article also analyzes the transformation of the US migration policy over the past twenty-six years. The main stages that characterize the scale of emigration of Russian citizens to the United States are indicated, as well as their key features. Using the method of statistical data analysis, the most preferred regions of the country for Russian migrants are identified. It is concluded that two key factors can contribute to changing the dynamics of migration flows from Russia to the United States after 2020: the configuration of forces within the US political elite after the November 2020 election cycle, and also the socio-economic and general domestic political situation directly inside Russia.

Keywords: migration policy, migration flows, Russia, USA, emigrants, population.

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, внутренний междисциплинарный научный проект № 02-20-МД «Русский народ в первой половине XXI века – геодемографические реалии и перспективы».

В научном дискурсе исследованию проблемы специфики миграционной политики в США посвящены работы ряда специалистов, в частности С.В. Филиппова [1], А.К. Дегтярева [2], М.М. Иванова [3], Л.Ф. Лебедевой [4], Ю.К. Краснова [5], З.С. Чергиной [6], В.Р. Золотых [7], Н.Е. Петровской [8], А.А. Филиппенко [9, 10]. Несмотря на то, что по данной тематике уже сформирована значительная научно-исследовательская база, определенные аспекты, связанные с подробным анализом динамики миграционных потоков из России в США, по-прежнему остаются нераскрытыми. Этим и обусловлена цель данной работы, которая состоит в выявлении ключевых особенностей динамики миграционных потоков из России в США в конце XX – первых двух десятилетиях XXI в., а также характеристики основных этапов, отражающих масштабы эмиграции российских граждан в США в указанный период. При проведении исследования применялся метод анализа статистических данных, в частности такого источника, как Ежегодник иммиграционной статистики (Yearbook of Immigration Statistics), выпускаемый Министерством внутренней безопасности США, были изучены количественные данные по уровню оттока российских граждан в США в период с 1992 по 2018 г., а также выявлены наиболее предпочтительные для российских мигрантов регионы страны.

В 90-е гг. в миграционном законодательстве США произошли довольно значительные изменения – был принят новый Закон об иммиграции. В нем прописывались три категории лиц, обладающих правом на получение иммиграционного статуса: 1) на основании родственных связей; 2) по трудоустройству; 3) на основании программы «Визы для иммигрантов различных национальностей» («грин-карта»), затрагивающей государства, с территории которых начиная с 1965 г. приезжало на постоянное место жительства в США наименьшее количество человек (не более 55 тыс.) [9, с. 52]. В период с 1992 по 1994 г. по данным категориям предусматри-

валась квота в 700 тыс. человек, а начиная с 1995 г. – в 675 тыс. [9, с. 52]. Еще одной спецификой нового Закона об иммиграции являлось то, что в нем по сути не был прописан как таковой механизм въезда беженцев в страну, одновременно с этим фиксировалась ежегодная квота, составляющая 125 тыс. человек [9, с. 52]. Также документ предоставлял право лицу, которому ранее было отказано в получении гражданства США, повторно подавать заявление на оформление.

Начиная с 90-х гг. в США происходит и определенная либерализация иммиграционного законодательства, которая находит свое отражение также и в ряде других правовых актах. Например, в 1991 г. принимается Закон о регулировании иммиграции военнослужащих, предоставивший право на вид на жительство лицам, прошедшим более 12 лет службы в армии США [9, с. 59–60]. Кроме того, был принят закон «Об иммиграции ученых из СССР», который определял ежегодную квоту в 750 человек для ученых из стран бывшего Советского Союза, обладающих опытом работы в сфере высоких технологий [9, с. 60].

С 1996 г. происходит определенное ужесточение американского миграционного законодательства. Одно из нововведений запрещало апелляции на решение Службы иммиграции и натурализации о недопущении иностранца на территорию США, другое устанавливало сроки лишения права на въезд в США (от 3 до 10 лет) для лиц, нелегально находящихся на территории Соединенных Штатов, а также увеличивало стоимость оформления миграционной визы [9, с. 63–64].

На начало 90-х гг. приходится также пик эмиграции российских граждан в США. Если в 1992 г. число переехавших на постоянное место жительства в Соединенные Штаты составляло 8 857 чел., то в 1996 г. эта цифра достигла 19 668 чел. [11, 12]. Определенное снижение численности российских эмигрантов в США наблюдалось с 1997 по 1999 г. (с 16 632 до 12 347 чел.) (табл. 1).

Таблица 1

Количество граждан России, получивших статус постоянного резидента США («грин-карту») в период с 1992 по 1999 г. [11], тыс. чел. / The number of Russian citizens who received the status of permanent resident of the USA (“Green card”) in the period from 1992 to 1999 [11], thousands of people

1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
8 857	12 079	15 249	14 560	19 668	16 632	11 529	12 347

Значительный отток населения из России в США в начале 90-х гг. был обусловлен несколькими ключевыми факторами. Распад Советского Союза и последующий переход России к новой экономической системе сопровождался целой серией кризисов политического и экономического характера, кульминацией которых стал дефолт 1998 г. Один из главных факторов – резкое падение доходов абсолютного большинства населения страны: если еще в 1989 г. за чертой бедности жили 1,5 % населения [13, с. 186–190], то в 1993 г. эта цифра находилась уже в диапазоне от 39 до 49 % [13, с. 186–190]. Общая социальная нестабильность и элементарное отсутствие уверенности в завтрашнем дне и вызвали в итоге огромную волну социально-экономической эмиграции из России главным образом в Соединенные Штаты Америки, которые с 1995 г. в течение нескольких лет подряд переживали беспрецедентный бум фондового рынка.

Основной сегмент мигрантов из России в период с 1992 по 1999 г. состоял преимущественно из ученых и инженеров [14], которые в силу ряда факторов оказались невостребованными ни со стороны российской власти, ни со стороны находящегося в процессе становления молодого российского бизнеса. Вследствие отсутствия всяческого желания тогдашнего правительства России индексировать фиксированную заработную плату в соответствии с инфляцией и даже своевременно выплачивать зарплату, многие специалисты самой высокой квалификации в тот период покинули страну, чтобы продолжить свою карьеру за рубежом, в частности в располагающих развитой научной инфраструктурой США. В это же время в Соединенных Штатах происходил резкий подъем промышленных отраслей, связанных с индустрией высоких технологий, что в свою очередь дополнительно стимулировало процессы «утечки мозгов» из России. По данным Национального научного фонда США, в 2002 г. российские инженеры-программисты отвечали за 30 % продуктов компании «Microsoft» [14], а в 2003 г. в США работало уже порядка 20 000 российских ученых [15].

В 90-е гг. наиболее «востребованными» штатами для российских мигрантов были Нью-Йорк, Калифорния, Нью-Джерси, Иллинойс, Вашингтон, Массачусетс, Пенсильвания, Мэриленд, Техас, а также Огайо [11]. В период с 1997 по 1999 г. в Нью-Йорк переехало на постоянное местожительство в общей сложности почти

10 000 чел., в Калифорнию – 5 279, в Вашингтон – более 2 400, в Нью-Джерси – около 2 300, в Иллинойс – 1 775 чел. (табл. 2).

Таблица 2

Наиболее популярные штаты США для российских мигрантов (в период с 1997 по 1999 г.), чел. [11] / Most popular US states for Russian migrants (from 1997 to 1999), people [11]

Штат	1997	1998	1999
Нью-Йорк	5 854	1 583	2 447
Калифорния	2 377	1 420	1 482
Нью-Джерси	1 133	490	623
Иллинойс	944	404	427
Вашингтон	940	898	566
Массачусетс	925	410	502
Пенсильвания	807	520	632
Мэриленд	695	453	392
Техас	586	502	451
Огайо	522	436	459
Виргиния	491	330	376
Мичиган	434	369	443
Флорида	380	386	383

Начиная с 2000-х гг. вопросы, связанные с внешней миграцией, становились все более актуальными для внутривластного дискурса США. Это было обусловлено прежде всего тем, что к началу XXI в. на территории США находилось порядка 12 млн нелегальных мигрантов [10, с. 137]. Кроме того, значительным было и количество легальных мигрантов: к 2000 г. общее количество лиц, ежегодно получающих легальный постоянный вид на жительство, в среднем достигало почти 1 млн чел. [16]. Новый президент страны Джордж Буш и его администрация еще во время предвыборной кампании обозначили четкое стремление провести новую, эффективную реформу по модернизации действующей на тот момент миграционной политики [10, с. 138]. Однако в практическом воплощении своих инициатив у тогдашнего президента США возникли довольно существенные сложности. Многие представители Республиканской партии упорно отказывались принимать предложенную реформу, называя любые изменения всего лишь амнистией, которая, по их мнению, только усугубит ситуацию. В свою очередь администрация прези-

дента на более радикальный вариант реформы в тот период пойти готова не была [10, с. 138]. Ключевые изменения, касающиеся миграционного законодательства, принятые в период нахождения у власти администрации Дж. Буша, носили больше структурный характер и затрагивали скорее реформу управленческого аппарата ведомства, а не собственно курс миграционной политики как таковой.

После небольшого снижения оттока российского населения в США, который можно было наблюдать в период с 1997 по 1999 г., начиная с 2000 г. количество граждан России, уезжающих на постоянное место жительства в США, вновь резко возросло. Если в 1999 г. статус постоянного резидента США получили 12 347 чел., то в

2000 г. – 17 480. В 2002 г. эта цифра достигла уже 22 520 чел. [17]. Резкий спад обозначился в 2003 г., когда численность выехавших на постоянное место жительства в США российских граждан впервые сократилась на 8 000 чел. по сравнению с предшествующим годом. После 2003 г. вплоть до 2006 г. вновь наблюдался рост оттока российских граждан из страны [18–20]. Начиная с 2006 г. наметились явные тенденции по снижению динамики оттока граждан России в США: если в 2005 г. в США переехало 20 641 чел., то в 2006 г. – уже 16 190, а в 2007 г. – 11 706 чел. [21]. В 2009 г. и вовсе были зафиксированы рекордно низкие за последние 17 лет показатели оттока российских граждан в США – 10 362 чел. (табл. 3) [22].

Таблица 3

Количество граждан России, получивших статус постоянного резидента США («грин-карту») в период с 2000 по 2009 г. [23], тыс. чел. / The number of Russian citizens who received the status of permanent resident of the United States (“Green card”) from 2000 to 2009 [23], thousands of people

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
17 480	21 576	22 520	14 267	17 231	20 641	16 190	11 706	15 179	10 362

По сравнению с 90-ми гг. глобальных изменений в «региональных предпочтениях» российских мигрантов на протяжении первого десятилетия XXI в. не происходило. Наиболее популярными штатами для них продолжали оставаться Нью-Йорк, Калифорния, Нью-Джерси, Техас, Вашингтон, Пенсильвания, Иллинойс, Массачусетс и Мэриленд. Единственным значимым изменением, касающимся региональных предпочтений российских мигрантов, стало резкое увеличение численности россиян, выбравших в качестве постоянного место жительства штат Флорида [23]. Одновременно существенно сократилось количество российских мигрантов, переезжающих на постоянное место жительства в штат Огайо [23]. Абсолютное большинство российских мигрантов, как и в 90-е гг., продолжало выбирать в качестве нового места жительства населенные пункты в штатах Нью-Йорк и Калифорния. Однако если в 90-е гг. Нью-Йорк, пусть и незначительно, опережал Калифорнию по степени востребованности для иммигрантов из России, то в 2000-е гг. на первое место вышла уже Калифорния. Исключение составил лишь 2000 г., когда Нью-Йорк почти на 500 чел. превзошел Калифорнию по количеству граждан России, получивших статус постоянного резидента США [16]. Начиная с 2001 г. также резко

возрастает число российских мигрантов в штат Вашингтон, который в период с 2001 по 2009 г. уверенно входил в четверку штатов по этому показателю [23]. Еще одним трендом, касающимся специфики российской иммиграции в США в 2000-е гг., являлось то, что с 2005 г. помимо Калифорнии, Нью-Йорка и Вашингтона в первой четверке штатов по количеству приема мигрантов из России оказался и штат Флорида, который в 90-е гг. по этому показателю не всегда входил даже в первую десятку штатов [11, 23]. Во многом востребованность Флориды среди российских мигрантов объясняется главным образом сравнительно комфортными ценами на аренду недвижимости (в том числе, налоговая скидка на собственность, которая может достигать 50 000 дол.), а также отсутствием налога на доходы частных лиц (табл. 4).

С приходом к власти Барака Обамы в 2008 г. «иммиграционный вопрос» с каждым годом вновь все больше занимал одно из центральных мест в политическом дискурсе США. В 2014 г. Обаме удалось провести свой вариант реформы в обход процедуры голосования в Конгрессе, однако в итоге реформа все равно не получила практического воплощения, что стало главным поражением администрации Барака Обамы за восемь лет нахождения у власти [24].

Таблица 4

Наиболее популярные штаты США для российских мигрантов (в период с 2000 по 2009 г.), чел. [23] / Most popular US states for Russian migrants (from 2000 to 2009), people [23]

Штат	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Нью-Йорк	2 991	2 837	3 126	1 751	1 720	2 461	2 048	1 205	1 437	1 128
Калифорния	2 462	3 472	3 230	1 934	2 388	2 913	2 226	1 446	1 960	1 263
Флорида	871	773	711	603	585	946	793	552	573	409
Пенсильвания	826	759	772	550	854	739	515	363	492	363
Нью-Джерси	805	1084	1008	528	537	722	521	350	472	360
Массачусетс	782	933	928	501	696	843	447	368	479	360
Техас	773	852	880	719	754	871	493	366	495	359
Вашингтон	760	1 435	1 736	917	852	1 325	698	622	742	633
Иллинойс	600	812	744	535	684	734	525	398	534	340
Мэриленд	519	640	619	423	260	428	415	286	425	265
Мичиган	471	560	561	387	238	401	224	202	222	163
Миннесота	441	474	496	328	395	515	333	138	226	180

Воплощение реформы завершилось, фактически не успев начаться, когда в 2015 г. 26 штатов обратились в Верховный суд страны с протестом против принятия реформы, основная суть которой заключалась в легализации миллионов нелегальных мигрантов, находящихся в Соединенных Штатах [24]. Реформа предполагала предоставление разрешения на работу нелегальным мигрантам, находящимся в США, но при условии проживания в стране не менее пяти лет и наличии ребенка, родившегося на территории Соединенных Штатов [24]. В случае вступления закона в силу нелегальные иммигранты должны были проходить две проверки со стороны специальных ведомств, сдавать биометрические данные, выплачивать налоги и сборы, а также предоставить свидетельства, подтверждающие рождение детей в период, предшествующий вступлению закона в силу [25]. В этом случае нелегальные мигранты получали бы право оставаться в стране на три года с возможностью продления. Одновременно с этим автоматически выдавалось бы и разрешение на работу на территории Соединенных Штатов [25].

В ходе вынесения решения в Верховном суде относительно правомерности подписания президентом закона о миграционной реформе в обход голосования Конгресса, голоса судей разделились поровну. Это было обусловлено главным образом четным на тот момент числом судей, поскольку в феврале 2016 г. скончался судья Верховного суда Антонин Скалиа, а его место до сих пор не было занято: Сенат, контролируе-

мый республиканцами, регулярно блокировал предложенную Б. Обамой кандидатуру Меррика Гарлэнда [24]. Таким образом, несмотря на серьезные попытки президента изменить вектор миграционной политики в стране, на практике в период с 2008 по 2016 г. как такового ее изменения не произошло.

Что касается динамики по снижению прироста численности российских мигрантов в США, которая наметилась во второй половине 2000-х гг., то в начале второго десятилетия XXI в. она продолжала сохраняться. Начиная с 2012 г. вновь наметились обратные тенденции: если в 2011 г. численность граждан России, получивших статус постоянного резидента США, составляла 8 548 чел. [26], то в 2012 г. – 10 114 [27], в 2013 – 10 154 чел. [28]. После 2013 г. на протяжении нескольких лет количество российских граждан, ежегодно переезжающих на постоянное местожительство в США, снова сокращалось (табл. 5).

Лидером среди всех штатов США по количеству ежегодного приема иммигрантов из России, как и на протяжении предыдущего десятилетия, продолжала оставаться Калифорния.

Исключением стал 2012 г., когда в на первое место по этому показателю вышел Нью-Йорк [27]. В последующие годы впереди неизменно вновь была Калифорния, вторым – по-прежнему Нью-Йорк [29]. До 2018 г. в пятерку штатов по численности российских мигрантов также регулярно входили Флорида, Вашингтон и Нью-Джерси [29].

Таблица 5

Количество граждан России, получивших статус постоянного резидента США («грин-карту») в период с 2010 по 2018 г., чел. [29] / The number of Russian citizens who received the status of permanent resident of the USA (“Green card”) in the period from 2010 to 2018, people [29]

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
7 502	8 548	10 114	10 154	9 455	9 030	9 280	8 841	8 883

В 2018 г. на пятое место по данному показателю вышел Техас [30]. Если со второй половины 2000-х гг. произошло резкое снижение оттока российских мигрантов в Техас, то после 2010 г. количество россиян, переезжающих на

постоянное местожительство в этот штат, с каждым годом планомерно увеличивалось. В 2018 г. Техас вошел в пятерку штатов по количеству российских мигрантов, что не случалось с далекого 1998 г. (табл. 6) [11, 30].

Таблица 6

Наиболее популярные штаты США для российских мигрантов (в период с 2010 по 2018 г.), чел. [29] / The most popular US states for Russian migrants (from 2010 to 2018), people [29]

Штат	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Калифорния	1 036	1 357	1 582	1 843	1 701	1 926	1 949	1 947	2 061
Нью-Йорк	1 027	1 229	1 977	1 614	1 644	1 404	1 540	1 342	1 246
Нью-Джерси	446	374	560	528	467	378	469	458	426
Флорида	427	556	756	925	909	901	834	861	801
Вашингтон	356	435	480	579	456	554	502	509	493
Пенсильвания	320	298	356	353	307	284	302	301	248
Техас	297	353	383	394	387	381	374	423	444
Массачусетс	253	354	412	379	381	320	407	383	334
Иллинойс	250	325	370	354	317	373	388	364	323
Мэриленд	230	260	253	262	224	159	247	196	156
Виргиния	173	251	328	304	250	258	211	225	205
Северная Каролина	111	117	168	164	174	175	172	216	240

Итак, следует подчеркнуть, что проведенный нами анализ свидетельствует о наличии шести основных этапов, характеризующих масштабы эмиграции российских граждан в США в период с 1992 по 2018 г. Первый этап датируется 1992–1996 гг. и характеризуется максимальными масштабами оттока граждан России на постоянное местожительство в США. За четыре года численность российских мигрантов в США выросла более чем в два раза. Второй этап хронологически можно обозначить 1997–1999 гг., а основной его особенностью стала отрицательная динамика оттока российских граждан в США впервые за 90-е гг. XX в. На третьем этапе (2000–2005 гг.) масштабы оттока граждан России в США на протяжении пяти лет (за исключением 2003 г.) постоянно увеличивались. Су-

щественные изменения начали происходить со второй половины 2000-х гг., когда в период с 2006 по 2010 г., за исключением 2007 г., наблюдалось планомерное снижение оттока российского населения в США. После 2010 г. на протяжении нескольких лет шло увеличение численности россиян, переезжающих на постоянное местожительство в США, однако оно было совсем незначительным (максимальный прирост мигрантов в США за это время составил чуть более 2 тыс. чел.) и не могло оказать кардинального влияния на изменение миграционных трендов в данном направлении. Начиная с 2014 г. резких изменений статистики в отношении миграционных оттоков российского населения в США не происходило: за последние годы можно зафиксировать определенные тенденции

к снижению миграционных потоков из России в США, но их масштабы являются крайне минимальными.

Говоря о дальнейших перспективах динамики миграционных потоков из России в США, следует отметить, что здесь многое будет зависеть в том числе от конфигурации сил внутри политической элиты США, которая в той или иной степени так или иначе подвергнется определенным трансформациям после избирательного цикла ноября 2020 г., когда в стране состоятся одновременно и выборы президента, и выборы в Палату представителей. Если большое политическое влияние в США получат сторонники ужесточения миграционной политики, то потенциально возможные решения, принятые этими силами, которые будут направлены на ужесточение миграционного курса, так или иначе повлияют на снижение количества мигрантов из разных стран, в том числе и из России. Немаловажным фактором является также и социально-экономическая, а также общая внутривнутриполитическая ситуация непосредственно внутри России. В случае продолжения падения наиболее важных социально-экономических показателей на протяжении ближайших трех-четырех лет, что неминуемо будет сопровождаться повышением уровня безработицы и социальной напряженности в целом, в период после 2024 г. динамика по оттоку российского населения в США вновь может принять другой характер, возвращаясь по своей специфике к уровню начала 2000-х гг., когда прирост оттока российских граждан в США составлял ежегодно в среднем 3 тыс. чел., а общее количество ежегодно уезжающих на постоянное место жительства в США граждан было почти в 1,5–2 раза больше, чем в период с 2010 по 2018 г.

Литература

1. Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство (политика и законодательство). М. : Наука, 1973. 203 с.
2. Дегтярев А.К. Управление миграционными потоками в США: политика снижения конфликтного потенциала // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Серия 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 4. С. 98–107.
3. Иванов М.М. США: правовое регулирование иммиграционного процесса. М. : Международные отношения, 1998.
4. Лебедева Л.Ф. Иммиграционная политика США: основополагающие цели и принципы // Вестн. Российского экономического ун-та им. Г.В. Плеханова. 2013. № 11. С. 94–101.
5. Краснов Ю.К. Реформа миграционной политики Дональда Трампа // Миграционное право. 2017. № 3. С. 24–28.
6. Чертина З.С. Нелегальные иммигранты в США: иммиграционный вызов в начале XXI века. Миграции в глобализирующемся мире. М. : ИВИ РАН, 2011.
7. Золотых В.Р. Консервативные подходы к проблеме иммиграции в США: этнокультурный аспект // Вестн. Пермского ун-та. История. 2012. № 2. С. 160–167.
8. Петровская Н.Е. Иммигранты на американском рынке труда // Вестник Университета (Государственный ун-т управления). 2016. № 10. С. 80–84.
9. Филиппенко А.А. Проблемы иммиграционной политики США в период 1990–2015 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : МГИМО, 2015. 173 с.
10. Филиппенко А.А. Политическая борьба вокруг реформы иммиграционного законодательства в период президентства Дж. У. Буша // Вестн. МГИМО-Университета. 2014. № 3. С. 137–145.
11. Yearbook of Immigration Statistics 1996 to 1999 // U.S. Department of Homeland Security. URL: https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/1996_1999 (дата обращения: 12.04.2020).
12. Долгих Е.И. Эмиграционные намерения ученых // «Утечка умов»: потенциал, проблемы, перспективы : сб. ст. Программа по исследованию миграции. Вып. II / под ред. Ж.А. Зайончковской. М. : ИПЗ, 1993. С. 54–100.
13. Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty During the Transformation from Planned to Market Economy. Washington DC : The World Bank, 1998. 237 p.
14. Jump up to: Russian brain drain tops half a million // BBC. 2012. June 20. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2055571.stm> (дата обращения: 15.04.2020).
15. Утечка мозгов – болезнь не только российская // Экология и жизнь. URL: <http://www.ecolife.ru/journal/econ/2003-4-1.shtml> (дата обращения: 15.04.2020).
16. Yearbook of Immigration Statistics 2000 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2000> (дата обращения: 12.04.2020).
17. Yearbook of Immigration Statistics 2002 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2002> (дата обращения: 16.04.2020).
18. Yearbook of Immigration Statistics 2003 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2003>

www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2003 (дата обращения: 16.04.2020).

19. Yearbook of Immigration Statistics 2004 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2004> (дата обращения: 18.04.2020).

20. Yearbook of Immigration Statistics 2005 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2005> (дата обращения: 18.04.2020).

21. Yearbook of Immigration Statistics 2006 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2006> (дата обращения: 18.04.2020).

22. Yearbook of Immigration Statistics 2009 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2009> (дата обращения: 18.04.2020).

23. Yearbook of Immigration Statistics 2000 to 2009 // U.S. Department of Homeland Security. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/ois_2009yb_3.zip (дата обращения: 19.04.2020).

24. Верховный суд не принял план Обамы легализовать мигрантов // Русская служба BBC News. 2016. 24 июня. URL: https://www.bbc.com/russian/news/2016/06/160623_us_supreme_court_split_on_migrants (дата обращения: 19.04.2020).

25. Верховный суд США де-факто заблокировал указ Обамы об иммиграции // ТАСС. 2016. 23 июня. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3395674> (дата обращения: 22.04.2020).

26. Yearbook of Immigration Statistics 2011 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2011> (дата обращения: 23.04.2020).

27. Yearbook of Immigration Statistics 2012 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2012> (дата обращения: 23.04.2020).

28. Yearbook of Immigration Statistics 2013 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2013> (дата обращения: 26.04.2020).

29. Yearbook of Immigration Statistics 2010 to 2018 // U.S. Department of Homeland Security. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/immigration-statistics/yearbook/2018/yrbk_2018_lpr_supplement.zip (дата обращения: 23.04.2020).

30. Yearbook of Immigration Statistics 2018 // U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2018> (дата обращения: 26.04.2020).

References

1. Filippov S.V. (1973). *USA: immigration and citizenship (policy and legislation)*. Moscow, Nauka Publ., 203 p. (in Russian).

2. Degtyarev A.K. (2015). Managing of migration flows in the United States: a policy of reducing of conflict potential. *Vestn. Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, No. 4, pp. 98-107. (in Russian).

3. Ivanov M.M. (1998). *USA: legal regulation of the immigration process*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (in Russian).

4. Lebedeva L.F. (2013). US immigration policy: fundamental purposes and principles. *Vestn. Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*, No. 11, pp. 94-101. (in Russian).

5. Krasnov Yu.K. (2017). Donald Trump's immigration policy reform. *Migratsionnoe pravo*, No. 3, pp. 24-28. (in Russian).

6. Chertina Z.S. (2011). *Illegal immigrants in the United States: an immigration challenge in the early 21st century. Migrations in a globalizing world*. Moscow, Institute of General History Press, RAN. (in Russian).

7. Zolotikh V.R. (2012). Conservative approaches to the issue of immigration in the United States: ethnocultural aspect. *Vestn. Permskogo un-ta. Istoriya*, No. 2, pp. 160-167. (in Russian).

8. Petrovskaya N.E. (2016). Immigrants on the American labor market. *Vestn. Universiteta (State University of Management)*, No. 10, pp. 80-84. (in Russian).

9. Filippenko A.A. (2015). *Problems of us immigration policy in the period 1990-2015*. Dissertation. Moscow, Moscow State Institute of International Relations Press, 173 p. (in Russian).

10. Filippenko A.A. (2014). Political struggle over immigration law reform during the presidency of George W. Bush. *Vestn. MGIMO-Universita*, No. 3, pp. 137-145. (in Russian).

11. Yearbook of Immigration Statistics 1996 to 1999. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/1996_1999 (accessed April 12, 2020).

12. Dolgikh E.I. (2004). Emigration intentions of scientists. "Brain drain": the potential, problems, prospects. Collected papers. The program for the study of migration. Issue II. J.A. Zayonchkovskaya (Ed.). Moscow, Institute of Employment Problems Press, pp. 54-100. (in Russian).

13. Milanovic B. (1998). *Income, Inequality, and Poverty During the Transformation from Planned to Market Economy*. Washington DC, The World Bank Press, 237 p.

14. Jump up to: Russian brain drain tops half a million. (2012). BBC. June 20. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2055571.stm> (accessed April 15, 2020).
15. Brain drain is not just a Russian disease. *Ekologiya i zhizn'*. Available at: <http://www.ecolife.ru/jornal/econ/2003-4-1.shtml> (accessed April 15, 2020). (in Russian).
16. Yearbook of Immigration Statistics 2000. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2000> (accessed April 12, 2020).
17. Yearbook of Immigration Statistics 2002. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2002> (accessed April 16, 2020).
18. Yearbook of Immigration Statistics 2003. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2003> (accessed April 16, 2020).
19. Yearbook of Immigration Statistics 2004. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2004> (accessed April 18, 2020).
20. Yearbook of Immigration Statistics 2005. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2005> (accessed April 18, 2020).
21. Yearbook of Immigration Statistics 2006. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2006> (accessed April 18, 2020).
22. Yearbook of Immigration Statistics 2009. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2009> (accessed April 18, 2020).
23. Yearbook of Immigration Statistics 2000 to 2009. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/ois_2009yb_3.zip (accessed April 19, 2020).
24. The Supreme court did not accept Obama's plan to legalize migrants. (2016). *Russkaya sluzhba BBC News*, June 24. Available at: https://www.bbc.com/russian/news/2016/06/160623_us_supreme_court_split_on_migrants (accessed April 19, 2020). (in Russian).
25. The US Supreme court de facto blocked Obama's Executive order on immigration. (2016). *TASS*, June 23. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3395674> (accessed April 22, 2020). (in Russian).
26. Yearbook of Immigration Statistics 2011. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2011> (accessed April 23, 2020).
27. Yearbook of Immigration Statistics 2012. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2012> (accessed April 23, 2020).
28. Yearbook of Immigration Statistics 2013. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2013> (accessed April 26, 2020).
29. Yearbook of Immigration Statistics 2010 to 2018. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/immigration-statistics/yearbook/2018/yrbk_2018_lpr_supplement.zip (accessed April 23, 2020).
30. Yearbook of Immigration Statistics 2018. *U.S. Department of Homeland Security*. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2018> (accessed April 26, 2020).

Поступила в редакцию / Received

25 мая 2020 г. / May 25, 2020

ЕДИНОВЕРЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЧИСЛЕННОСТЬ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ*

© 2020 г. А.В. Шадрина ^а

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

CO-BELIEVERS IN THE DON ARMY LAND IN THE EARLY 20th CENTURY: NUMBERS AND LOCALIZATION

A. V. Shadrina ^а

^а Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia

Шадрина Алла Валерьевна –
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: bergson@yandex.ru

Alla V. Shadrina -
Candidate of History,
Senior Researcher,
Southern Scientific Center,
Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: bergson@yandex.ru

Рассматриваются результаты становления в Области войска Донского такой формы преодоления старообрядческого раскола, как единоверие. На протяжении XVIII в. донское старообрядческое население было значительным по численности, взаимодействовало с приходским духовенством официальной Церкви, которому властью епархиальных архиереев было позволено совершать обряды по старопечатным книгам, используемым старообрядцами. Несмотря на факты неоднократного взаимодействия, после утверждения в 1800 г. правил единоверия казаки присоединились к Русской церкви в незначительном количестве. Развитие единоверия на Дону началось в 1860-х гг. и было связано с появлением белокриницкой старообрядческой иерархии, организацией в рамках Русской церкви миссионерского движения и деятельностью архиепископа Платона (Городецкого). На протяжении 10 лет пребывания во главе Донской и Новочеркасской епархии он инициировал проведение ряда мероприятий, привлечивших внимание казаков к возможности воссоединения с Церковью без отказа от старых обрядов. В начале XX в. в Области войска Донского действовало 30 единоверческих церквей: 27 с самостоятельными приходами и 3 приписных. Анализ количественного состава приходов единоверческих церквей, зафиксированный в таком источнике, как клировые ведомости церквей Донской и Новочеркасской епархии, позволил определить, что к началу XX в. единоверие стало заметным движением, которое объединило 11 836 единоверцев. Они составляли 22,4 % от числа старообрядцев, входивших в состав единоверческих приходов, и 0,5 % от числа православных, зафиксированных в статистике Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Области войска Донского. Единоверческое население локализовалось на территориях, с начала XVIII в. находившихся в ареале расселения старообрядцев.

Ключевые слова: единоверие, старообрядчество, Область войска Донского, локализация единоверческого населения.

This article considers the results of the formation of Common Faith in the Don Army Land, as a way to overcome the Old Believers' Schism. In the 18th century, the numerous Old Believers living in the Don area interacted and cooperated with the official Orthodox Church's parish priests who had been authorized by the eparchial bishops to practise rites in accordance with the old books published in Russia before the 18th century and used by the Old Believers. Despite the repeated cooperation facts, there were few Cossacks who joined the Russian Church after the establishment of the Common Faith regulations in 1800. The Common Faith development started in the Don area in the 1860s and was associated with the emergence of the Hierarchy of Belaya Krinitsa, with the establishment of missionary movement within the Russian Church, and with the activities of Archbishop Platon (Gorodetsky). Over the ten-year period when he was the head of the Don and Novochechassk Diocese, he initiated the series of measures which drew the Cossacks' attention to the possibility of joining the Church without having to reject the old rites. At the beginning of the 20th century, there were

* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 01201354248.

30 active Common Faith churches in the Don Army Land: 27 with their independent parishes and 3 with attached ones. Analyzing the quantitative composition of the Common Faith churches' parishes, which was provided in the clergy registers of the Don and Novocherkassk Diocesan churches, resulted in the conclusion that by the beginning of the 20th century, Common Faith had grown to a noticeable movement uniting 11,836 co-believers. They made 22.4 % of the Old Believers who were members of the Common Faith parishes and 0.5 % of the Orthodox believers registered in the Don Army Land's statistics of the 1897 First General Census of the population of the Russian Empire. The co-believers were localized across the territories which had been the Old Believers' settlement area since the early 18th century.

Keywords: *Common Faith, Old Believers, Don Army Land, localization of Common Faith followers.*

Одной из актуальных проблем исторической науки является развитие такой формы преодоления старообрядческого раскола, как единоверие. Утвержденные в 1800 г. императором Павлом I правила единоверия дали возможность старообрядцам присоединяться к Русской церкви и получать от нее духовенство, при этом сохраняя возможность совершать богослужения по старопечатным книгам. Распространение этого направления было особенно важно для Области войска Донского, на территории которого проживало значительное число старообрядцев. Выявление численности и локализации единоверческого населения на Дону в начале XX в. позволит определить степень его распространения в регионе, соотношение со старообрядческим населением и перспективу преодоления раскола.

Историография поставленной проблемы может быть разделена на дореволюционную и современную. В советский период единоверие не выступало в качестве предмета исследования по идеологическим соображениям. Среди дореволюционных публикаций важное место занимают работы М.П. Чельцова [1] и первого единоверческого епископа Симона (Шлеёва) [2–4]. Если М.П. Чельцов рассматривал единоверие как этапное явление, необходимое для прекращения существования старообрядчества, то епископ Симон свои работы посвящал не только истории единоверия, но и настаивал на важности этого движения как самостоятельного. История единоверия в донском регионе до 1883 г. была подробно изучена и опубликована преподавателем Донской духовной семинарии, затем приват-доцентом Харьковского университета и профессором Московской духовной академии Н.В. Лысогорским [5], который не только проследил историю становления единоверия на Дону, но и выявил предпосылки к нему задолго до официального признания правил единоверия.

Современная историография проблемы начала формироваться с 2000-х гг. Так, в энциклопедической статье «Единоверие», опубликованной в 2008 г. в «Православной энциклопедии» [6], рассмотрены все этапы его истории. А.С. Глазе-

вой определена роль митрополита Платона (Левшина) в официальном утверждении правил единоверия [7]. Статья С.Л. Фирсова посвящена положению этого движения в контексте законодательства эпохи императора Николая I относительно русского старообрядчества [8]. Региональный аспект развития единоверия изложен в работах С.М. Руфина (Саратовская губерния) [9] и А.С. Палкина (Уральское казачье войско) [10, 11]. Помимо статей проблеме единоверия посвящены диссертационные исследования О.А. Павловой [12] и А.С. Палкина [13].

Источниковую базу настоящей статьи составляет комплекс ежегодных внутрицерковных документов – клировых ведомостей церковью Донской и Новочеркасской епархии начала XX в. В каждой клировой ведомости обязательно указывался численный состав прихода, в том числе отдельно единоверцев, старообрядцев разных толков и сектантов. Поскольку клировые ведомости ежегодно проверялись в Донской духовной консистории, а священники, указывавшие неверные данные, наказывались штрафами и внесением соответствующих записей в формулярные списки, данный источник представляется репрезентативным. Ценность сведений, содержащихся в клировых ведомостях, заключается и в том, что в отличие от статистики Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [14, с. 3, 76], где единоверцы учитывались в общем количестве православных, в клировых ведомостях их численность показывалась отдельно.

Хронологические рамки настоящего исследования – первое десятилетие XX в. – обусловлены завершающим этапом развития единоверия в Области войска Донского, который был прерван революционными событиями, сменой политического строя и изменением политики государства относительно религиозных организаций. Цель статьи – определить численность единоверческого населения Области войска Донского на завершающем этапе его развития, соотношение численности единоверцев со старообрядческим населением в приходах едино-

верческих церквей, особенности локализации единоверческого населения.

В Земле донских казаков (с 1786 г. – Земля войска Донского, с 1870 г. – Область войска Донского) еще до утверждения императором Павлом I правил единоверия отмечались случаи привлечения донского приходского духовенства, с 1718 по 1829 г. относившегося к Воронежской и Елецкой епархии, к совершению треб для старообрядческого населения. Так, около 1750 г. в станице Кагальницкой духовенством официальной Церкви был освящен храм с «хождением посолонь», т.е. в соответствии с традициями старообрядчества [5, с. 12]. В 1772 г., руководствуясь резолюцией епископа Воронежского Тихона (Якубовского), были освящены «по старому требнику», т.е. старообрядческим чином, церкви в станицах Кумшацкой [5, с. 18], Терновской и Филипповской [5, с. 22], а в станице Пятиизбянской было разрешено совершение крещений и браков представителей старого обряда с хождением «посолонь» [5, с. 18]. В 1776 г. Воронежский епископ Тихон (Малинин) «словесно приказал» члену Черкасского духовного правления протопопу Петру Волошиновскому освятить церкви «по старопечатному требнику» с хождением «посолонь» в станицах Потемкинской и Пятиизбянской [5, с. 23], а в 1778 и 1783 гг. – в станицах Верхне-Курмоярской [5, с. 23] и Нижне-Курмоярской [5, с. 25].

14 февраля 1785 г. епископ Тихон издал указ, согласно которому православным священникам разрешалось совершать церковные требы в домах раскольников по старопечатным книгам [5, с. 519]. Политика воронежских епископов относительно старообрядцев была продолжена и епископом Иннокентием (Полянским), который в 1879 г. дал разрешение на освящение по старому требнику церквей в станицах Нижне-Чирской и Кобылянской [5, с. 26].

Как видим, еще до утверждения в Земле войска Донского единоверия здесь были неоднократны прецеденты привлечения к совершению треб для раскольников православного духовенства, в том числе с разрешения епархиального архиерея. Это свидетельствовало о готовности как представителей церковной власти идти на уступки старообрядцам, так и последним прибегать к услугам духовенства официальной Церкви, при этом оставаясь верными старым обрядам.

Несмотря на практику привлечения православного духовенства к совершению треб для старообрядцев, которая могла бы гарантировать

широкое распространение на Дону единоверия после его официального разрешения, в Земле войска Донского первая единоверческая часовня была построена только в 1842 г. в станице Верхне-Каргальской [15, л. 201]. 30 июля 1853 г. в той же станице была освящена первая единоверческая церковь [5, с. 186]. Несмотря на утверждения станичников, к единоверию присоединилось значительно меньше казаков-старообрядцев, чем ожидалось [5, с. 153]. Опыт существования этой церкви показал, что единоверие не пользовалось уважением ни раскольников, которые не желали заключать своего рода унию с официальной Церковью [8, с. 7], ни православных.

До 1850-х гг. к единоверию на Дону среди епархиальных архиереев не было особого интереса [5, с. 190–204]. Развитие данного религиозного направления началось только с 1860-х гг. Это было связано с появлением в 1850-х гг. белокриницкой (австрийской) иерархии [16, с. 545], существование которой заставило реагировать на ее появление как императора Николая I, так и Св. Синод; со становлением внутренней миссии в Русской церкви и с инициативами архиепископа Донского и Новочеркасского Платона (Городецкого). Благодаря этому иерарху, 21 ноября 1871 г. в Новочеркасске был открыт Донской комитет Православного миссионерского общества [17, л. 17]. В первую очередь комитет начал свою деятельность с организации миссионерского движения среди старообрядцев, которых во второй половине 1860-х гг. в Области войска Донского насчитывалось более 80 000 человек [18, с. 405].

Архиепископ Платон уделял большое внимание единоверию, которое мыслил как способ присоединения раскольников к Русской церкви. Он неоднократно приглашал из Москвы на Дон выдающихся проповедников, вышедших из среды старообрядцев – иеромонаха Пафнутия и игумена Павла Прусского [18, с. 406], оказавших значительное влияние на присоединение к Церкви раскольников на правах единоверия. Для облегчения этого процесса архиепископ Платон инициировал открытие на Дону трех единоверческих церквей [18, с. 407]. Позиция этого иерарха относительно развития единоверия стала импульсом к дальнейшему основанию в Области войска Донского единоверческих храмов. Так, к 1891 г. на Дону действовало 13 единоверческих приходов [19, с. 841–842], в 1893 г. – 15 [20], к началу XX в. – 30 единоверческих церквей. 27 из них существовали как самостоятель-

ные, 3 – как приписные [21, л. 231 об., 190; 15, л. 201 об.]. Это составило 3,2 % от общего числа храмов Донской и Новочеркасской епархии (учитывая, что на начало XX в. на Дону было 911 православных церквей [22, с. 16]).

В приведенной ниже таблице собраны сведения о количестве единоверцев, числившихся в клировых ведомостях 27 единоверческих церквей Донской и Новочеркасской епархии начала XX в.

Количество единоверцев по клировым ведомостям единоверческих церквей Донской и Новочеркасской епархий на начало XX в. / The number of co-believers according to the clergy lists of the Common Faith churches of the Don and Novocherkassk diocese at the beginning of the 20th century

Единоверческая церковь	Количество прихожан-единоверцев	Количество старообрядцев, числившихся в приходе		
		раскольников австрийского толка	беглоповцев	беспоповцев
Николаевская хут. Атаманского Малодельской станицы [23, л. 5 об.]	69	–	–	–
Васильевская хут. Киреев [23, л. 60, 63 об.]	269	3042 (толк не указан)		
Успенская ст. Малодельской [24, л. 76 об.]	108	–	–	–
Троицкая хут. Любимов [25, л. 175 об.]	821	–	–	–
Успенская хут. Вифлянцев [25, л. 205 об.]	602	–	–	–
Успенская хут. Калач-на-Дону [26, л. 336]	182	5150	–	303
Троицкая ст. Николаевской [27, л. 190 об.]	161	867 (толк не указан)		
Трех Святителей хут. Белянский Николаевской ст. [27, л. 221 об.]	88	1103 (толк не указан)		
Успенская хут. Верхне-Кибиревского Кобылянской ст. [21, л. 201 об.]	751	632	–	689
Георгиевская хут. Кололовско-Пристенского [21, л. 209 об.]	1011	3068 (толк не указан)		
Троицкая хут. Ляпичев [21, л. 217 об.]	136	4062	251	267
Петропавловская церковь Нижне-Чирской ст. [21, л. 227 об.]	605	1134	485	250
Успенская хут. Суханов Пятизбыанской ст. (приход включал также 15 хуторов Голубинской ст.) [21, л. 240 об.]	273	4182	121	1569
Успенская г. Новочеркасск [28, л. 161 об.]	314	–	–	–
Вознесенская хут. Шестакова [29, л. 196]	212	1550	171	14
Покровская ст. Атаманской [30, л. 151]	356	1797 (толк не указан)		
Николаевская хут. Гуреев Атаманской ст. [30, л. 167]	722	722	–	22
Воскресенская хут. Пирожковский Богоявленской ст. [15, л. 183 об.]	548	–	965	–
Сергиевская хут. Морозов Николаевской ст. [15, л. 191 об.]	165	75	–	1175
Введенская хут. Рабичево-Задонский [15, л. 198 об.]	292	Число раскольников не указано (помета: «раскольники все без исключения беспоповского толка») [15, л. 198 об.]		
Александра Невского хут. Потапов Каргальской ст. [15, л. 206 об.]	1446	–	455	220
Петропавловская хут. Лозный Каргальской ст. [31, л. 224 об.]	1247	–	1045	105 поморцев
Вознесенская ст. Старо-Нагавской [31, л. 233 об.]	64	2290	58	230
Троицкая хут. Великанов Чертковской станицы [31, л. 240 об.]	167	101	940	209 поморцев
Казанская ст. Чернышевской [32, л. 281]	286	424	3002	512
Св.-Духовская хут. Диев [32, л. 293]	292	18	926	4170
Покровская хут. Медведев Скуришенской ст. [33, л. 335]	649	1700	2618	–

Еще 3 церкви, числившиеся приписными, не имели собственных приходов. Для возможности сравнения в таблице приведено количество старообрядцев, проживавших на территории этих приходов. Примечательно, что единоверцы отмечались исключительно в клировых ведомостях единоверческих храмов, в отличие от старообрядцев, которые учитывались в клировых ведомостях как единоверческих, так и православных церквей.

Как видим, к 27 единоверческим приходам Донской и Новочеркасской епархии относилось 11 836 единоверцев. В тех же населенных пунктах проживало 42 954 старообрядца, приемлющих священство (австрийское согласие и беглопоповцы). В это число, руководствуясь явным преобладанием раскольников, приемлющих священство, при расчетах были включены старообрядцы, чья принадлежность к определенному согласию в клировых ведомостях не указана. Кроме того, в приходах единоверческих церквей проживало 9735 раскольников, не приемлющих священство (беспоповцев). Единоверцы составляли 22,4 % от числа старообрядцев, входивших в состав единоверческих приходов. В состав некоторых из них входили православные. Так, в хуторе Морозов Николаевской станицы кроме 165 единоверцев числилось 240 православных [15, л. 191 об.]. В хуторе Диев Чернышевской станицы на 292 единоверца приходилось 110 православных [32, л. 251].

Если сравнить данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. с первым десятилетием XX в., то по Области войска Донского в начале века единоверцы составляли 0,5 % от числа православных (в 1897 г. по переписи – 2 314 222 православных [14, с. 82]) и 9,07 % от числа старообрядцев (в 1897 г. по переписи – 130 450 старообрядцев [14, с. 82]).

Несмотря на небольшой процент единоверцев, можно утверждать, что миссионерская деятельность, проводившаяся среди донских раскольников, принесла плоды. Об этом свидетельствует как число единоверцев, так и неуклонно увеличивавшееся к концу XIX в. число единоверческих церквей.

Относительно локализации единоверческого населения следует заметить, что оно проживало и избирало для строительства храмов места не в центрах старообрядческого раскола, а в хуторах, находившихся вблизи станиц с большим процентом старообрядческого населения. Если храм открывался в станице с большим количе-

ством раскольников, тогда он располагался не в центре. К таким храмам относились, например, Троицкая церковь станицы Николаевской [27, л. 190 об.], Петропавловская станицы Нижне-Чирской [21, л. 227 об.] и Казанская станицы Чернышевской [32, л. 251]. Остальные единоверческие храмы были построены в хуторах, находившихся невдалеке от мест проживания старообрядцев. Так, в приходе Успенской единоверческой церкви станицы Малодельской числилось 3042 приверженца раскола [24, л. 76 об.]; в приходе Успенской церкви хутора Калач-на-Дону – 5453 [26, л. 336]; в Георгиевской церкви хутора Кололовско-Пристенского – 3068 [21, л. 209 об.]; в Троицкой церкви хутора Ляпичев – 4580 [21, л. 217 об.]; в Успенской церкви хутора Суханов Пятиизбянской станицы – 5872 [21, л. 240 об.]; в Вознесенской церкви станицы Старо-Нагавской – 2578 [31, л. 233 об.]; в Казанская церкви станицы Чернышевской – 3938 [32, л. 251]; в Покровской церкви хутора Медведев Скуришенской станицы – 4318 [33, л. 335].

Еще во второй половине XVIII в. старообрядческое население в Земле донских казаков локализовалось в станицах, которые после административной реформы 1835 г. вошли в состав 1-го Донского, 2-го Донского, Донецкого и Усть-Медведицкого округов [34, с. 72–73]. В начале XX в. ситуация не изменилась. Так, наибольшее число единоверческих церквей, свидетельствующих о большом количестве раскольников, здесь проживавших (9), было открыто в 1-м Донском округе. Во 2-м Донском округе было основано 7 единоверческих храмов, в Усть-Медведицком – 5, в Донецком – 4, в Сальском – 2. Особняком стояла Успенская единоверческая церковь г. Новочеркаска, открытая по инициативе архиепископа Платона (Городецкого).

Итак, в донском регионе прецеденты взаимодействия старообрядческого населения с приходским духовенством официальной Церкви, исполнявшим для раскольников требы по старому обряду, отмечались неоднократно задолго до утверждения в 1800 г. правил единоверия. Однако это взаимодействие не увенчалось сколько-нибудь значимым результатом, за исключением открытия вначале единоверческой часовни, затем церкви в станице Верхне-Каргальской. Единоверие на Дону начало развиваться с 1860-х гг. К началу XX в. при активной поддержке православных миссионеров оно начало представлять собой заметное движение,

целью которого было присоединение старообрядцев к Русской церкви без отказа от совершения богослужений и обрядов по старопечатным книгам. В основанных, как правило, по инициативе казаков, присоединявшихся к Церкви на правилах единоверия, 30 единоверческих храмов Донской и Новочеркасской епархии объединили 0,5 % православного населения Области войска Донского, предпочитавшего использовать старые обряды. Единоверческое население локализовалось в хуторах, находившихся в ареале расселения старообрядцев.

Литература

1. *Чельцов М.П.* Единоверие за время столетнего существования его в Русской Церкви. СПб. : Изд-во В. В. Комарова, 1900. 95 с.
2. *Симон (Шлеёв), еп.* Единоверие в своем внутреннем развитии. СПб. : Синодальная тип., 1910. 368 с.
3. *Шлеёв С., свящ.* Единоверие и его столетнее организационное существование в Русской Церкви // Путь на Голгофу. Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского : в 2 т. М. : Изд-во ПСТГУ, 2005. Т. 2. С. 103–508.
4. *Шлеёв С., свящ.* К вопросу: какой епископ нужен единоверию? // Путь на Голгофу. Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского : в 2 т. М. : Изд-во ПСТГУ, 2005. Т. 2. С. 79–102.
5. *Лысогорский Н.В.* Единоверие на Дону в XVIII и XIX в (по 1883 г.). Сергиев Посад : Тип. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915. 800 с.
6. *Миролюбов И., свящ., Саранча Е., свящ.* Единоверие // Православная энциклопедия. Т. XVIII. С. 42–50.
7. *Глазева А.С.* Жизнь и взгляды Московского митрополита Платона (Левшина) // Вестн. Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 1 (25). С. 116–133.
8. *Фирсов С.Л.* Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6. 2009. Вып. 1. С. 7.
9. *Руфин С.М.* Роль единоверия в борьбе со старообрядством во второй половине XIX в. (по материалам Саратовской области) // Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Саратовский источник, 2016. С. 27–33.
10. *Палкин А.С.* Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2016. 338 с.

11. *Палкин А.С.* Полемика представителей интеллектуальных элит единоверия о путях его развития в 1860-е гг. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 66.

12. *Павлова О.А.* Единоверие в контексте правительственной и церковной политики России в XVIII в. – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2007. 29 с.

13. *Палкин А.С.* Единоверие в середине XVIII – начале XX вв.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2013. 28 с.

14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Область войска Донского. СПб., 1905. 239 с.

15. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 3. Д. 11680.

16. Белокриницкая иерархия // Православная энциклопедия. Т. IV. М. : Православная энциклопедия, 2002. С. 542–556.

17. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 6319.

18. *Снесарев Н.П.* Сведения о жизни и деятельности Высокопреосвященного Платона // Донские епархиальные ведомости. 1877. № 13. С. 401–407.

19. Утверждение единоверческих приходов в Донской епархии // Донские епархиальные ведомости. 1891. № 20. С. 841–842.

20. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 9712.

21. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11612.

22. *Шадрин А.В.* Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века – 1920 г. : справочник. Ростов н/Д. : Антей, 2014. 440 с.

23. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11882.

24. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11745.

25. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11663.

26. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12080.

27. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11586.

28. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11732.

29. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12166.

30. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11891.

31. ГАРО. Ф. 2026. Оп. 3. Д. 11747.

32. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11895.

33. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11972.

34. *Шадрин А.В.* Локализация старообрядческого населения Земли донских казаков в 60-х годах XVIII в. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2019. № 3. С. 70–74.

References

1. Chel'tsov M.P. (1900). *Common Faith during the centennial of its existence in the Russian Church*. Saint Petersburg, V. V. Komarov Publ., 95 p. (in Russian).

2. Simon (Shleev), ep. (1910). *Common Faith in their internal development*. Saint Petersburg, Synodal Printing House, 368 p. (in Russian).
3. Shleev S., priest. (2005). Common Faith and its centennial organizational existence in the Russian Church. *Way to Calvary. The spiritual heritage of the holy martyr Simon, Bishop of Ochten*: in 2 vol. Moscow, Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities Press, vol. 2, pp. 103-508. (in Russian).
4. Shleev S., priest. (2005). To the question: what kind of bishop does Common Faith need? *Way to Calvary. The spiritual heritage of the holy martyr Simon, Bishop of Ochten*: in 2 vol. Moscow, Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities Press, vol. 2, pp. 79-102. (in Russian).
5. Lysogorskiy N.V. (1915). *Common Faith in the Don in the 18th and 19th centuries (until 1883)*. Sergiev Posad, Sv.-Troitsk Sergieva Lavra Publ., 800 p. (in Russian).
6. Miroyubov I., priest., Sarancha E., priest. Common Faith. *Orthodox encyclopedia*, vol. XVIII, pp. 42-50. (in Russian).
7. Glazeva A.S. (2019). Life and point of view of the Moscow Metropolitan Platon (Levshin). *Vestn. Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*, No. 1 (25), pp. 116-133. (in Russian).
8. Firsov S.L. (2009). Orthodox state and Russian Old Believers priests in the era of Emperor Nicholas I. *Vestn. Sankt-Peterburgskogo universiteta*, ser. 6, iss. 1, pp. 6-15. (in Russian).
9. Ruffin S.M. (2016). The role of Common Faith in the struggle against the Old Believers in the second half of the 19th century (based on materials of the Saratov region). *Actual problems of modern socio-humanitarian knowledge*. Univ. col. of scien. works. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., pp. 27-33. (in Russian).
10. Palkin A.S. (2016). *Common Faith in the mid-18th - early 20th century: the all-Russian context and regional specifics*. Ekaterinburg: Ural University Press, 338 p. (in Russian).
11. Palkin A.S. (2012). Polemics of representatives of intellectual elites of Common Faith on the ways of its development in the 1860s. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, No. 3 (36), pp. 66-73. (in Russian).
12. Pavlova O.A. (2007). *Common Faith in the context of the government and church policy of Russia in the 18th century - beginning of 20th century*. Dissertation Thesis. Nizhniy Novgorod, 29 p. (in Russian).
13. Palkin A.S. (2013). *Common Faith in the mid-18th - early 20th century: the all-Russian context and regional specifics*. Ekaterinburg, 28 p. (in Russian).
14. *The first all-state census of the population of the Russian Empire, 1897. The area of the Don army*. (1905). Saint Petersburg, 239 p. (in Russian).
15. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 226. In. 3. File 11680.
16. Belokrinitsa hierarchy. (2002). *Orthodox encyclopedia*, vol. IV, Moscow, Pravoslavnyaya entsiklopediya Publ., pp. 542-556. (in Russian).
17. SARR. Fund 226. In. 2. File 6319.
18. Snesarev N.P. (1877). Information about the life and work of His Eminence Platon. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*, No. 13, pp. 401-407. (in Russian).
19. Approval of Common Faith parishes in the Don Diocese. (1891). *Donskie eparkhial'nye vedomosti*, No. 20, pp. 841-842. (in Russian).
20. SARR. Fund 226. In. 3. File 9712.
21. SARR. Fund 226. In. 3. File 11612.
22. Shadrina A.V. (2014). *Temples of the Don and Novocherkassk diocese late 17th century - 1920*. Rostov-on-Don, Antey Publ., 440 p. (in Russian).
23. SARR. Fund 226. In. 3. File 11882.
24. SARR. Fund 226. In. 3. File 11745.
25. SARR. Fund 226. In. 3. File 11663.
26. SARR. Fund 226. In. 3. File 12080.
27. SARR. Fund 226. In. 3. File 11586.
28. SARR. Fund 226. In. 3. File 11732.
29. SARR. Fund 226. In. 3. File 12166.
30. SARR. Fund 226. In. 3. File 11891.
31. SARR. Fund 2026. In. 3. File 11747.
32. SARR. Fund 226. In. 3. File 11895.
33. SARR. Fund 226. In. 3. File 11972.
34. Shadrina A.V. (2019). Localization of the Old Believers population of the Don Cossacks in the 60s of the 18th century. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki (Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science)*, No. 3 (203), pp. 70-74. (in Russian).

УДК 94(470.67)"1941/1945": 37

DOI 10.18522/2687-0770-2020-2-87-92

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДАГЕСТАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

© 2020 г. *И.А. Эмирханов*^а

^а *Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия*

**BASIC DIRECTIONS OF IDEOLOGICAL WORK OF PARTY-STATE
STRUCTURES IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
1941-1945 (ACCORDING TO MATERIALS OF THE DAGESTAN
AUTONOMOUS REPUBLIC)**

I.A. Emirkhanov^а

^а *Dagestan State University, Makhachkala, Russia*

*Эмирханов Исмаил Асланович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории,
Дагестанский государственный университет,
ул. Коркмасова, 8, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: historik2008@yandex.ru*

*Ismail A. Emirkhanov -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of General History,
Dagestan State University,
Korkmasova St., 8, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: historik2008@yandex.ru*

Анализируется деятельность партийно-государственных организаций Дагестана в годы Великой Отечественной войны и перемены, произошедшие в их работе после начала военных действий. Рассматривается период высокого напряжения материальных и людских ресурсов, феноменального подъема патриотизма и жертвенности населения, готового пойти на все ради разгрома врага. Исследуются ключевые направления агитационно-массовой работы властных структур среди жителей Дагестанской автономной республики в военные годы. Раскрываются особенности проведения политико-воспитательной работы в условиях военного времени, в которой главное место занимала военно-патриотическая тематика.

Изучены характерные черты работы республиканских советских и партийных организаций в 1941–1945 гг., которые были направлены на укрепление военно-оборонной мощи страны и усиление помощи фронту со стороны жителей горного края. Продемонстрирован ход единения общества и государства, а также прослежена роль населения республики в этом процессе, совершавшего ратные и трудовые подвиги во имя Великой Победы.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Дагестан, партийно-государственные организации, агитационно-массовая работа, патриотизм.*

The article is devoted to the analysis of the activities of the party-state organizations of Dagestan during the Great Patriotic war and the changes that occurred in their work after the beginning of the military actions. As an example, a period of high tension of material and human resources, a phenomenal rise in patriotism and sacrifice of the population, ready to do anything to defeat the enemy, was chosen. The subject of the research is the key areas of mass agitation of power structures among residents of the Dagestan Autonomous Republic during the war years. The features of conducting political and educational work in wartime conditions, in which the main place was occupied by military-patriotic themes are revealed.

The characteristic features of the work of Republican Soviet and party organizations in 1941-1945, which were aimed at strengthening the military and defense power of the country and strengthening assistance to the front from the inhabitants of the mountainous region, are studied. The course of the unity of society and the state is demonstrated, as well as the role of the population of the Republic in this process, who performed military and labor feats in the name of a Great Victory.

Keywords: *The Great Patriotic War, Dagestan, party and state organizations, mass agitation work, patriotism.*

Великая Отечественная война, завершившаяся победой Советского Союза над нацистской Германией, является эпохальным событием, оказавшим огромное влияние на последующий ход мировой истории. Ключевая роль в победе над фашизмом принадлежала советскому народу, однако немалое значение имела работа партийно-государственных организаций, оперативно перестроивших свою работу применительно к условиям военного времени.

С началом Великой Отечественной войны практически во всех сферах жизнедеятельности и отраслях народного хозяйства СССР были внесены значительные коррективы. Причем наиболее острой оказалась проблема мобилизации людей на защиту Родины, в том числе координации этого направления со стороны партийно-государственных структур. Сложная обстановка, сложившаяся на фронте и в тылу, потребовала усиления работы по активизации пропагандистской, разъяснительной деятельности в советском обществе, особенно после первых крупных поражений частей Красной Армии, прибытия в различные города и районы страны эшелонов с беженцами и ранеными бойцами. Причем требовалось проведение преимущественно массовой работы среди населения, главной целью которой являлась мобилизация людей на выполнение стоявших перед страной важных хозяйственно-политических задач и оборонно-массовых работ.

Положение на фронте усугублялось тяжелым морально-психологическим климатом в тылу, обусловленным ухудшением социально-экономического положения граждан, сокращением объемов продовольственных и промышленных товаров на рынке, а также активизацией пораженческих настроений в ряде регионов страны. К осени 1941 г. в некоторых тыловых областях сложилась непростая ситуация. Террором, запугиванием и подрывной деятельностью преступным элементам удалось перетянуть на свою сторону отдельных граждан, создать антисоветские настроения в ряде населенных пунктов. Только в 1941 г. правоохранительными органами ДАССР были уничтожены 27 и арестованы 197 бандитских элемента. Кроме того, за совершение всякого рода преступлений были арестованы 710 человек и пойманы 955 солдат-дезертиров [1, с. 144]. Различные провокационные и пораженческие слухи, распространявшиеся бандитами и дезертирами среди населения горной республики, вносили панику и неверие в победу Красной Армии над немецко-

фашистскими войсками. Достаточно сложное положение в Дагестане вызвало перемены в тактике работы центральных и республиканских партийно-государственных структур, в которой был сделан акцент на более тесную работу с гражданским населением.

Перед властью стояла задача защиты прав и законных интересов мирного населения в чрезвычайной военной обстановке, создания нормальных условий для работы заводов и фабрик, сельскохозяйственных и торгово-потребительских предприятий, государственных учреждений и общественных организаций и в то же время стимулирования народа к трудовым подвигам во имя Победы. В этой обстановке был сделан акцент на активизацию агитационно-массовой работы с населением.

С первых дней войны в мировоззрении граждан закреплялись два тезиса, причем восприниматься они должны были совершенно однозначно и бесспорно: «Победа будет за нами» и «Война будет долгой и тяжёлой, требующей полной отдачи сил на фронте и в тылу». При этом люди должны были «жить с мыслью о грядущей победе и нечеловечески тяжёлом труде ради этой победы – как ратном, так и производственном, а также, естественно, с мыслью о том, что победа потребует громадных жертв» [2, с. 39].

К середине сентября 1941 г. в 27 районах Дагестана было создано 849 агитколлективов, объединивших 8212 агитаторов, 757 докладчиков городских и районных партийных комитетов. Они должны были регулярно выступать на заседаниях сельсоветов, колхозных правлений, собраниях трудовых коллективов и сельских обществ с лекциями и докладами на военные, политические, народно-хозяйственные и другие темы [3, с. 67], бороться с дезертирством и бандитизмом, заниматься привлечением населения на оборонно-массовые мероприятия и решение насущных производственных задач, стоявших перед республикой.

Ключевая роль в этом направлении принадлежала культурно-просветительным учреждениям, деятельность которых была перестроена исключительно под реализацию девиза: «Все для фронта, все для победы!». Причем местные партийные и советские организации должны были оказывать им всяческое содействие в деле мобилизации жителей региона на трудовые подвиги и военно-патриотического воспитания. С 29 сентября 1941 г. решением партийного руководства республики все парторганизации на местах были

обязаны установить повседневный контроль за распространением военной и антифашистской литературы среди населения республики, а также снабжением необходимой литературой изб-читален, библиотек и школ [4, л. 160].

В пропагандистской работе среди населения республики партийно-государственными организациями широко использовались различные средства, такие как митинги, собрания, печать, кино-радио материалы и др. Газетные публикации укрепляли веру советских людей в силу и мощь Красной Армии. Если накануне войны основной темой политических статей являлись интернационализм и классовая борьба, то в условиях военного времени все внимание было направлено на поднятие и укрепление патриотического духа граждан [5, с. 16]. Газетные материалы содержали информацию о трудовых и боевых подвигах советских людей, призывали к оказанию помощи фронту, выполнению народно-хозяйственных планов. Газеты выступали в качестве важного звена связи фронта с тылом, оружием мобилизации на борьбу с врагом как на фронте, так и в тылу.

В условиях сокращения количества центральных газет и местных газет и журналов, а также падения их тиража стали шире использоваться газетные витрины, коллективные читки, стенная печать. Большая работа в годы войны была проделана Дагестанским издательством. Так, с 1941 по 1945 г. было выпущено 1280 названий книг и брошюр общим тиражом более 1,8 млн экземпляров, из которых 710 названий (1 млн 41 тыс. экз.) пришлось на партийно-политическую, военную и антифашистскую литературу [6, с. 22].

Популярностью пользовались плакаты советских художников, проникнутые героикой Великой Отечественной войны, с короткими выразительными текстами, нередко в стихотворной форме. Эти формы агитации доходили до самых отдаленных населенных пунктов Дагестана. За годы войны в республике силами местных художников выпущено примерно 3000 плакатов, которые размещали в многолюдных местах. Только в 1942 г. было издано 12 тыс. боевых листовок, 53 тыс. экземпляров лозунгов, 700 названий различных листовок [6, с. 21–22].

Кроме того, в целях пропаганды среди населения широко использовались различные региональные мотивы, к примеру, образ горца – гордого, решительного, неподкупного, свободолюбивого. На промышленных предприятиях агитаторы выступали с лекциями по истории Даге-

стана, рассказывали о борьбе горцев с иноземными завоевателями. Для укрепления патриотических настроений в дагестанском обществе массовыми тиражами стали издаваться брошюры, в которых освещались героические традиции народов республики. Примечательно, что в пропагандистской работе республиканские власти использовали традиционные элементы кавказского менталитета и мусульманской пропаганды – кровная месть, ненависть к врагу, священная война против неверных, которые до этого считались антисоветскими. «Тема джихада за свою страну получила официальную поддержку со стороны партийно-советских организаций и средств массовой информации (газеты, журналы, радио)» [7, с. 61].

В годы войны средства массовой информации выполняли ключевые информационно-пропагандистские функции, превратившись в мощных организаторов, решавших военно-политические, социально-экономические и идеологические задачи. Радио, газетные и журнальные материалы стали неотъемлемой частью повседневности жителей Дагестана. Посредством их в республике широко популяризировались различные примеры проявления героизма и самоотверженности трудящихся. Устные и печатные средства передачи информации формировали образ, в соответствии с которым победа в войне одинаково зависела как от бойца, поднявшегося в атаку, так и от жителя тыла, трудящегося у станка, в поле или на ферме.

Вся агитационно-пропагандистская работа в годы войны была построена на тезисах Краткого курса истории ВКП(б), книги И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» [8, с. 186], материалах Совинформбюро, передовицы газеты «Правда». Через средства периодической печати до людей оперативно доводилась информация о ключевых международных событиях, о достижениях науки, культуры и искусства.

Большое значение в деле укрепления морального духа граждан принадлежало деятелям культуры, профессиональным художественным труппам, которые утверждали в своих произведениях веру народа в победу над врагом. С первых дней войны они переключились на обслуживание воинских частей, госпиталей, строителей оборонительных рубежей, рабочих оборонной промышленности, колхозников. Главное место в репертуаре театров Дагестанской АССР заняли советские, оборонно-патриотические

спектакли. Городским театрам предписали давать для воинских частей не менее трех спектаклей в месяц, а каждый кинотеатр – не менее двух киносеансов в неделю. Практически все военные части, дислоцированные в республике, были охвачены культурно-художественным обслуживанием. К примеру, только за 1941 г. Кумыкским театром для бойцов Красной Армии было дано 152 спектакля [9, с. 106].

В целях развития музыкальной культуры и создания музыкальных произведений, национальных по форме, социалистических и патриотических по содержанию, которые отражали героическое прошлое горцев и побуждали людей на подвиги, в 1942 г. Управлением по делам искусств при СНК ДАССР был создан Союз композиторов Дагестана. Только за первые пять месяцев войны театрами, музыкально-концертными учреждениями и коллективами художественной самодеятельности Дагестанского Радиокomiteта было дано 314 бесплатных концертов в качестве шефской помощи для бойцов РККА, госпиталей и мобилизационных пунктов [10, л. 54], а всего за годы войны – около 30 тыс. концертов в госпиталях, воинских частях, на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях республики [6, с. 21].

Агитационно-массовая работа военного периода была связана с конкретными задачами по привлечению населения к участию во всемерной помощи фронту. Пропаганда шла через решение военно-мобилизационных задач, совершенствование трудовой дисциплины, развитие соревновательного опыта между работниками и предприятиями. В условиях военной повседневности по инициативе сверху стали возникать разнообразные формы патриотических движений в помощь Советской Армии – от создания Фонда обороны, сбора средств на вооружение армии, теплых вещей, организации подписки на военные займы, реализации билетов денежно-вещевой лотереи, для помощи раненым и семьям военнослужащих.

Благодаря эффективной пропагандистской работе, на 25 августа 1941 г. в отделения Государственного банка, сберегательные кассы и заготовительные пункты от трудящихся Дагестана для зачисления в Фонд обороны поступили около 200 тыс. руб. наличными, на 2 901 755 руб. – облигаций госзаймов, около 400 центнеров мяса, около 500 кг масла, свыше 1000 центнеров зерна, более 30 т цветных металлов, большое количество лома черных металлов, зо-

лота, серебра [11, с. 585]. По неполным данным, только на начало 1942 г. в Дагестане в сборе теплых вещей приняли участие 143 300 человек, которые передали на нужды воюющей армии 350 000 теплых вещей и белья (5389 полушубков, 8000 меховых жилетов, 43 000 пар шерстяных варежек, 124 472 пары шерстяных носков, 15 000 пар теплых портянок, 38 187 свитеров, телогреек и ватных брюк) [12, л. 86].

Патриотический подъем, трудовой энтузиазм, обусловленный усиленным вниманием к идеологическому сектору со стороны центральных и местных партийно-государственных организаций, был характерен для населения республики и в последующий период. В общем на добровольные взносы жителей республики были построены три дивизиона бронепоездов, танковая колонна «Шамиль» и несколько авиаэскадрилий. Отдельные граждане вносили целые состояния по 100–200 тыс. руб. В общем за годы войны сборы в Фонд обороны от населения Дагестана составили около 350 млн руб. [11, с. 554].

Таким образом, в сложной военной обстановке государство и партия смогли наладить работу по разъяснению народу справедливого характера войны, четко определить ее цели, внушая гражданам уверенность в неминуемой победе над фашизмом. Осознание советскими людьми угрозы своему существованию, неизбежности защиты своей Родины тесно переплелись с патриотическим и трудовым подъемом народных масс, активизировав их борьбу с агрессором и укрепив волю к победе. В многотомном фундаментальном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» отмечено: «Формирование в сознании миллионов советских людей на фронте и в тылу понимания причин, цели и характера Отечественной войны позволило максимально сплотить сражающийся народ. Патриотизм, любовь к Родине не удалось разрушить даже жесточайшими репрессиями периода 1930-х гг. Все это, проявляясь в первую очередь в духовной жизни общества, заложило морально-политическую основу победы советского народа в годы Великой Отечественной войны» [13, с. 542].

Великая Отечественная война обусловила патриотический подъем практически во всех сферах дагестанского общества, в том числе в культурной и массово-политической работе. В условиях войны ключевая функция агитационно-пропагандистской работы заключалась в решении задач политического, социально-

экономического, идеологического характера, которое менялось в зависимости от хода войны. Центральной являлась проблема обеспечения слаженной работы фронта и тыла, мобилизации всех слоев общества на отпор врагу, что и было достигнуто силами культурно-просветительских учреждений республики, а также печатных и устных средств массовой информации. Они формировали чувство общности и высокого патриотизма, выполняя основную идеологическую задачу военного времени, направленную на ратные и трудовые подвиги во имя Победы. Работа центральных и республиканских партийно-государственных структур в годы войны сплотила население многонационального Дагестана на самоотверженную борьбу за свою Родину, гарантировала единство фронта и тыла, обеспечив в конечном счете Победу над врагом.

Литература

1. Аренин С.П. Бандитизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Саратовского гос. социально-экономического ун-та. 2010. № 1 (30). С. 142–145.
2. Шатилов С.П. Государственно-правовая политика по мобилизации населения в ряды Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Омского ун-та. Право. 2017. № 1 (50). С. 36–43.
3. Каймаразов Г.Ш. Вклад народов Дагестана в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестн. Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 2. С. 64–87.
4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4905.
5. Тряхов И.С. Образ врага в периодической печати в годы Великой Отечественной войны (на примере Владимирской области) // Вестн. Владимирского гос. ун-та им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. 2019. № 1 (21). С. 12–24.
6. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1941–1977 : сб. документов и материалов. Махачкала : Даг. книж. изд-во, 1988. Т. 2. 464 с.
7. Эмирханов И.А. Становление системы военно-патриотического воспитания молодежи в начальный период Великой Отечественной войны (на материалах Дагестана) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 4/2. С. 60–63.
8. Узлов Ю.А. Пропаганда как фактор идеологического влияния в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2016. № 4-3 (75). С. 184–189.

9. Мирзабеков М.Я. Вклад средств массовой информации и учреждений искусства Дагестана в патриотическое воспитание населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества : материалы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 445 с.

10. ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 5057.

11. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, Р.И. Джамбулатова, М.Д. Чекулаев. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. 776 с.

12. ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 5239.

13. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 10 : Государство, общество и война. М. : Кучково поле, 2014. 864 с.

References

1. Arenin S.P. (2010). Banditry in the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Vestn. Saratovskogo gos. sotsialno-ekonomicheskogo un-ta*, No. 1 (30), pp. 142-145. (in Russian).
2. Shatilov S. P. (2017). The state legal policy for mobilizing the population in the ranks of the Red Army during the Great Patriotic War. *Vestn. Omskogo un-ta. Pravo*, No. 1 (50), pp. 36-43. (in Russian).
3. Kaymarazov G.Sh. (2015). The contribution of the peoples of Dagestan to victory in the Great Patriotic War of 1941-1945. *Vestn. Instituta istorii, arkheologii i etnografii*, No. 2, pp. 64-87. (in Russian).
4. *The Central State Archive of the Republic of Dagestan*. Fund p-1. In. 1. File 4905.
5. Tryakhov I. S (2019). The image of the enemy in the periodical press during the Great Patriotic War (on the example of the Vladimir region). *Vestn. Vladimirskego gos. un-ta im. A.G. i N.G. Stoletovykh*, No. 1 (21), pp. 12-24. (in Russian).
6. *The cultural construction in the Dagestan ASSR. 1941-1977*. Collection of documents and materials (1984). Makhachkala, Dagestan Publ. House, 1988, vol. 2, 464 p. (in Russian).
7. Emir Khanov I. A. (2016). Formation of the system of military-patriotic education of youth in the initial period of the Great Patriotic War (based on materials from Dagestan). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, vol. 8, No. 4/2, pp. 60-63. (in Russian).
8. Uzlov Yu.A. (2016). Propaganda as a factor of ideological influence during the Great Patriotic War (1941-

1945). *Novaya nauka: teoreticheskii i prakticheskii vzglyad*, No. 4-3 (75), pp. 184-189. (in Russian).

9. Mirzabekov M. Ya. (2010). The contribution of the media and art institutions of Dagestan to the patriotic education of the population during the Great Patriotic War (1941-1945). *The Great Patriotic War in the space of historical memory of Russian society*. Proceedings of an International Scientific Conference. Rostov-on-Don, Southern Scientific Center Press, RAS, 445 p. (in Russian).

10. *The Central State Archive of the Republic of Dagestan*. Fund p-1. In. 1. File 5057. (in Russian).

11. *The peoples of Dagestan during the Great Patriotic War. Documents and materials* (2005). Comp. G.I. Kakagasanov, M.D. Butaev, R.I. Dzhambulatova, M.D. Chekulaev. Makhachkala, Institute of History, Archeology and Ethnography Press, DSC RAS, 776 p. (in Russian).

12. *The Central State Archive of the Republic of Dagestan*. Fund p-1. In. 1. File 5239. (in Russian).

13. *The Great Patriotic War of 1941-1945 (2014): in 12 vol. Vol. 10. The state, society and war*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 864 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

12 марта 2020 г. / March 12, 2020

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

УДК 339.94

DOI 10.18522/2687-0770-2020-2-93-99

РАЗВИТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РОССИЙСКИХ СУБЪЕКТОВ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО КАПИТАЛА

© 2020 г. Ю.С. Якунина ^а

^а Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия

DEVELOPMENT OF THE INTERACTION OF INTERNATIONAL AND RUSSIAN TRANSNATIONAL CAPITAL SUBJECTS

Yu.S. Yakunina ^а

^а *Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia*

Якунина Юлия Сергеевна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики,
Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева,
ул. Весенняя, 28, г. Кемерово, 650000, Россия.
E-mail: pus.etf@kuzstu.ru

Yulia S. Yakunina -
Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Economics,
Gorbachev Kuzbass State
Technical University,
Vesenyaya St., 28, Kemerovo, 650000, Russia.
E-mail: pus.etf@kuzstu.ru

Рассматриваются характерные особенности развития взаимодействия международных и российских субъектов транснационального капитала, заключающиеся в возвышении национальных корпораций до транснационального уровня, в проникновении ведущих мировых фирм в национальные сферы инвестиций, производства и распределения благ, на рынки труда. Следовательно, развитие связей национальных компаний и транснациональных корпораций (ТНК) в отечественной экономике обладает особенностями, которые отличают их от развитых стран. В настоящее время сформировалась и закрепляется тенденция встраивания российских ТНК в производственные цепочки международных корпораций развитых стран в качестве поставщика сырья. Таким образом, связи российских ТНК с мировыми корпорациями, государством сформированы по своей структуре. Однако качество связей российских субъектов транснационального и национально-го бизнеса существенно отстает от тех взаимосвязей, которые реализуются в международной системе транснационального капитала.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, прямые иностранные инвестиции, рейтинг, транснациональный капитал, связи, субъекты транснационального капитала.

The article considers the characteristic features of the development of interaction between international and Russian transnational capital subjects, which appear in raising national corporations to a transnational level, in the penetration of leading world's firms in the national spheres of investment, production and distribution of goods on labor markets. Consequently, the development of relations between national companies and transnational corporations (TNCs) in the domestic economy has features that distinguish them from developed countries. Currently, the tendency of Russian TNCs integration into the production chains of international corporations in developed countries as a supplier of raw materials has been formed and consolidated. Thus, the relations of Russian multinationals with world corporations and the state are formed according to their own structure. However, the quality of relations between Russian subjects of transnational and national business lags significantly behind those relationships that are realized in the international system of transnational capital.

Keywords: transnational corporations, foreign direct investment, rating, transnational capital, communications, subjects of transnational capital.

Стремительное формирование и развитие современной системы взаимодействия транснационального капитала, связанной с деятельностью транснациональных корпораций (ТНК), субъектов различных национальных экономик определяется расширением процессов интеграции, глобализацией капитала. При этом происходит ужесточение условий конкуренции для национального капитала, вынужденного формировать соответствующие национальные воспроизводственные структуры (финансово-промышленные), способные выдерживать натиск ТНК. Цель данного исследования – выявление особенностей развития связей российского рынка с субъектами системы транснационального капитала. Анализ инструментов его влияния на развитие национальных экономик по различным направлениям взаимодействия национальных субъектов с ТНК с учетом специфики российского рыночного пространства позволил нам систематизировать по-

следствия этого взаимодействия для российской экономики.

ТНК являются основными инвесторами развития мировой экономики. Однако в 2018 г., согласно данным ЮНКТАД, глобальные потоки прямых иностранных инвестиций сократились на 13 %, по сравнению с 2017 г. до 1,3 трлн дол. [1], и это значение представляет собой самый низкий показатель после мирового финансового кризиса 2008 г. и подчеркивает отсутствие роста в международном инвестировании. На рис. 1 представлен объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в разрезе по регионам согласно делению ЮНКТАД [1].

Международные сделки в данный период оставались активными, стоимость слияний и поглощений международных компаний выросла на 21 %, но этого оказалось недостаточно, чтобы компенсировать отток ПИИ, связанных с налоговыми реформами в США.

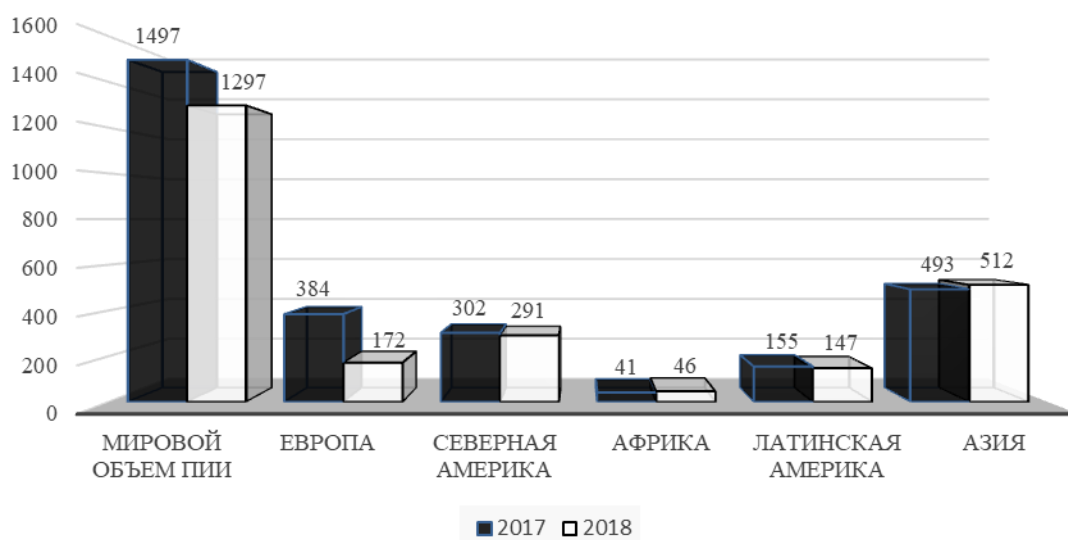

Рис. 1. Мировой объем прямых иностранных инвестиций в 2017–2018 гг., млрд дол.
 / Fig. 1. The Global volume of foreign direct investments in 2017-2018, billion dollars

Произошло некоторое смещение приоритетов (рис. 1): потоки ПИИ в Европу сократились более, чем вдвое, до 172 млрд дол. в 2018 г., а в Северной Америке они были более устойчивыми и снизились только на 4 % до 291 млрд дол. В Европе странами, принимающими ПИИ, оказались Ирландия и Швейцария, приток в которые достиг 66 и 87 млрд дол. соответственно. Отметим, что сокращение объемов поступления ПИИ в Великобританию составило около 36 % до 64 млрд дол., преимущественно благодаря тому, что вдвое сократились инвестиции в акционерный капитал [2].

Крупнейшим получателем ПИИ выступает на современном этапе развивающаяся Азия, прирост потока в которую в 2018 г. составил 4 % и объем ПИИ достиг 512 млрд дол. Причем положительная тенденция роста наблюдается во всех регионах Азии. Китай, обладающий на сегодня крупнейшей развивающейся экономикой, остается очень привлекательным для ПИИ, объем которых вырос до 139 млрд дол. Отметим, что поступления в Юго-Восточную Азию росли с 2015 г. (три года подряд) и в 2018 г. показали рекордный уровень в 149 млрд дол.

О ходе взаимодействия ТНК с другими субъектами экономик стран и самими государствами в мировом масштабе позволяют судить следующие данные. Количество ТНК в мире значительно возросло и, по подсчетам ЮНКТАД, в настоящее время их количество превысило 95 тысяч. Около 70 % ТНК заняты в производственной сфере, 27 % – в сфере услуг и 3 % – в

добывающей промышленности и сельском хозяйстве [3]. В 2018 г. из 20 крупнейших ТНК мира 9 приходилось на США, на ЕС – 7 (в том числе на Францию – 1, Германию – 4, Швейцарию – 2), на Японию – 2, а на Южную Корею и Китай – по 1 ТНК. На рис. 2 представлены статистические показатели деятельности топ-100 крупнейших мировых ТНК [1].

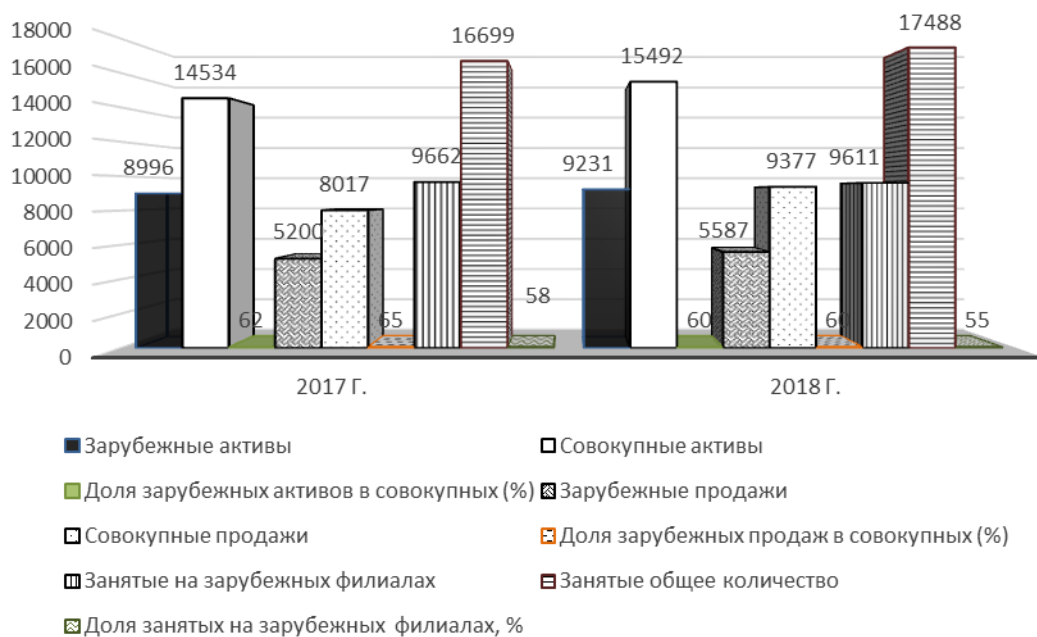

Рис. 2. Показатели 100 мировых ТНК, 2017–2018 гг., млрд дол.
 / Fig. 2. Indicators of 100 world's TNCs, 2017-2018, billion dollars

Итак, имеют место высокие темпы роста практически всех показателей деятельности ТНК, таких как совокупные активы, совокупные продажи, общее количество занятых сотрудников (число работников зарубежных филиалов ТНК увеличивается более низкими темпами – всего на 4,7 %). Этим объясняется то, что именно ТНК сегодня занимают место главного субъекта мировой экономики. ТНК-лидеры имеют товарооборот, сравнимый с ВВП некоторых развивающихся стран, они создают занятость и рабочие места для миллионов сотрудников компаний, а международный характер хозяйственной деятельности позволяет им оставаться вне влияния национальных органов контроля [4].

Но расстановка сил зависит от конкретно-исторической ситуации, от развития всей совокупности международных экономических отношений и может претерпевать существенные изменения. Так, несмотря на то, что крупнейшей страной-получателем ПИИ остаются США, в

период с 2015 г. до конца 2019 г. «в спину им дышит» КНР. Если в 2015 г. пятью крупнейшими ТНК мира были исключительно американские компании, то в 2019 г. среди первых пяти лишь на первом месте американская компания, а 2, 4 и 5 места занимают китайские компании [1]. Такие изменения в непродолжительном периоде означают, что взаимодействие субъектов системы связей транснационального капитала заключается в возвышении национальных корпораций до транснационального уровня, в проникновении ведущих мировых фирм в национальные сферы инвестиций, производства и распределения благ, на рынки труда [5].

Более подробно зависимость субъектов в системе транснационального капитала можно представить в следующем виде на рис. 3, где отражены реальные пути взаимодействия ТНК с национальной экономикой. Сырьевая и добывающие отрасли экономики, объективно являясь капиталоемкими, постоянно нуждаются в боль-

шом объеме инвестиций. Поэтому многие ТНК, занятые в данном секторе, испытывают давление со стороны национальных государств и экологов, утрачивая прямой контроль над добычей

полезных ископаемых. При этом их господство сохраняется в логистическом секторе, в построении эффективных систем дистрибуции на товарных сырьевых биржах.

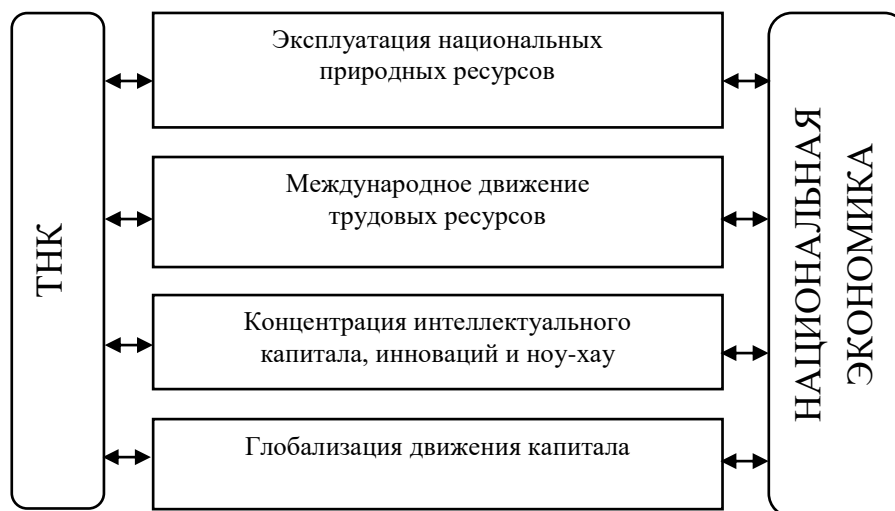

Рис. 3. Взаимодействие субъектов системы транснационального капитала / Fig. 3. The interaction of subjects of the transnational capital system

В настоящее время примерно половина стран в мире находится в зависимости от сырьевого импорта, поэтому ТНК в сырьевых отраслях (например, нефтедобывающие или газодобывающие) становятся весомыми игроками на политической арене в развивающихся странах. Подобная ситуация сложилась и в отечественной экономике [6].

Для деятельности ТНК характерно стремление заполучить наиболее дешевую квалифицированную рабочую силу, так как качественные трудовые ресурсы являются потенциальным источником повышения прибыли, а также они всегда выступают важным фактором усиления позиций ТНК на национальном рынке. Около 1/2 всей мировой рабочей силы, используемой транснациональными корпорациями за рубежом, приходится на развивающиеся страны. Таким способом ТНК создают условия для включения менее развитых стран в мировую экономику, стремясь сохранить сложившуюся дифференциацию, поддерживая низкий уровень дохода иностранных работников.

В России крупнейшие мировые ТНК также играют важную роль в процессе ее интеграции в мировое хозяйство. Их противоречивое влияние на состояние экономики проявилось, в частности, в возникновении острой проблемы «утечки мозгов», которая связана с поиском более до-

стойной оплаты труда и социальных гарантий для высококвалифицированных отечественных рабочих кадров в самых передовых отраслях современной экономики. Этот момент негативного воздействия отразился и на отечественных высокотехнологичных производствах, позиции которых в мировом рейтинге резко снижались в период взаимодействия с иностранными ТНК.

При этом именно высокие технологии являются сегодня ключевым фактором развития системы МРТ. Во многом благодаря своим усилиям по привлечению ресурсов для их развития, крупнейшие ТНК мира оказались вне конкуренции и стали практически основными источниками инноваций и новейших прогрессивных технологий, важной составной частью международной системы научно-исследовательских, опытно-конструкторских разработок, так как они имеют упрощенный доступ к финансам и инвестициям. Это полностью подтверждается и происходящим в российской экономике в сфере производства инновационных товаров и услуг на базе ТНК. Российская обрабатывающая промышленность используется крупными ТНК преимущественно для осуществления сборочного производства (а не изготовления деталей машин) сложных товаров. В производстве продуктов питания российские предприятия используются в рамках франчайзинга. Поэтому можно

сделать вывод, что развитие взаимосвязей ТНК и национальных компаний в отечественной экономике способствует замедлению роста инновационных процессов, а также снижению сосредоточения инноваций в отечественной промышленности [5].

Другой путь влияния ТНК на национальную экономику – глобализация капитала на основе интенсивного развития взаимосвязей национальных финансовых рынков, интегрированных в мировую финансовую систему, с ТНК. Очевидная гегемония ТНК в мировой финансовой сфере с ярко выраженной их незаинтересованностью в развитии национальных экономик стран присутствия привел к повышению уровня угроз экономической безопасности большинства государств [7]. Данная тенденция крайне отчетливо проявляется в развивающихся государствах, где с большой скоростью увеличивается

присвоение национальных активов компаниями, лоббирующими свои интересы.

Отметим, что на данный момент Россия остается в низкой степени вовлеченной в мировые инвестиционные процессы. Российские ТНК в процессе своего развития пока не достигли уровня, когда бы они стали мощным фактором, определяющим конкурентоспособность российской экономики в целом. Осознание того, что иностранные ТНК действуют исключительно в пользу стран их происхождения, а также того, что их влияние на конкурентоспособность принимающих экономик будет сдерживать развитие последних, должно сформировать нацеленность на корректировку их деятельности [5], которая позволит крупным российским ТНК и национальным компаниям занимать достаточно высокие места в мировом рейтинге (таблица) [1].

**Отечественные ТНК, вошедшие в список ЮНКТАД по итогам 2018 г.
 / Domestic TNC included in the UNCTAD list by the end of 2018**

№	Компания	Отрасль	Иностранные активы, млрд дол.	Доля иностранных активов в совокупных, %	Доля государства, %
1	ПАО «Лукойл»	Газ и нефть	24,3	27	-
2	ПАО «Газпром»	Газ и нефть	19,5	6	50,2
3	ПАО «НК «Роснефть»»	Газ и нефть	17,6	8	69,5
4	ПАО «Совкомфлот»	Транспорт	5,7	78	100
5	ООО «Севергруп»	Конгломерат	5,4	-	-
6	МКПАО «Эн+ груп»	Конгломерат	5,0	23	-
7	АО «Атомэнергопром»	Ядерная энергетика	4,7	9	100
8	Евраз	Сталь	3,7	36	-
9	АО «РЖД»	Транспорт	3,5	5	100
10	ПАО «ТМК»	Сталь	2,0	36	0
11	АО «МХК «ЕвроХим»»	Химическая промышленность	1,7	17	-
12	АФК «Система»	Конгломерат	1,5	8	-
13	ПАО «НЛМК»	Сталь	1,5	14	-
14	АО «Зарубежнефть»	Газ и нефть	1,2	38	100
15	АО «Полиметалл»	Цветная металлургия	1	32	-

Из данных, приведенных в таблице, можно заметить, что 8 из 15 российских ТНК напрямую связаны с сырьевой отраслью (газ, нефть, цветная и черная металлургия), в то время как многие зарубежные ТНК ведут свой бизнес в машиностроении, химической промышленности, нано-электронике, аккумулируя в своих активах лучшие перспективные инновации [8]. Также 6 ТНК из списка имеют в составе долю

государственной собственности от 50,2–100 %. Согласно рейтингу Forbes Global 2000, за 2019 г. три российских ТНК (ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть»», ПАО «Лукойл») входят в первую сотню мировых ТНК. Всего в рейтинг Forbes Global 2000 за 2019 г. вошли 22 российские компании [7].

Но большинство отечественных транснациональных компаний имеют неустойчивое поло-

жение в международном рейтинге (кроме ПАО «Лукойл»). Основные проблемы отечественных ТНК заключаются в достаточно низкой эффективности зарубежных активов, отсутствии опыта управления международными холдингами и затяжном кризисе экономики. Серьезное ограничение на развитие деловых отношений российских ТНК накладывают политические и экономические санкции, например в нефтегазовом секторе, с ключевыми иностранными партнерами, что приводит к снижению ПИИ, угрозе срыва реализации проектов, а также снижению финансовых показателей деятельности.

Основной характеристикой связей между субъектами системы транснационального капи-

тала на уровне взаимодействия ТНК и стран с развитой рыночной экономикой (США, Японии, Германии, Франции, Италии, Великобритании) является их высокая развитость, учитывающая интересы всех участников. Однако для связей с ТНК развивающихся стран (к которым по методике ЮНКТАД относятся страны СНГ, Восточной Европы, Россия) свойственны свои характерные особенности, во многом потому, что они формируются преимущественно в интересах транснационального капитала [9] (рис. 4) [10].

Этими особенностями можно объяснить то, что в настоящее время произошло закрепление роли отечественных ТНК как поставщиков сырья для ТНК мирового уровня.

Рис. 4. Особенности развития связей между субъектами системы транснационального капитала в России / Fig. 4. Features of development of relations between subjects of international capital system in Russia

В заключение отметим, что устойчивые взаимосвязи между мировыми ТНК, российскими ТНК и государством сформированы в своей структуре. На основе анализа инструментов влияния транснационального капитала на разви-

тие национальных экономик по различным направлениям взаимодействия нами были выявлены особенности развития связей российского транснационального капитала с мировыми ТНК и систематизированы последствия этого взаи-

модействия для российской экономики. Устойчивость и направленность данных связей российских субъектов транснационального и национального бизнеса существенно отличаются от взаимосвязей, которые реализуются в международной системе транснационального капитала на уровне стран с развитой рыночной экономикой. Данная ситуация, сложившаяся в мировой экономике, должна стать толчком, который поспособствует перестройке хозяйственной политики ТНК под новые экономические реалии, восстановлению технологических и финансовых связей с помощью расширения деловых отношений с компаниями развивающихся стран, использования ресурсов частного сектора и получения господдержки. В связи с этим в системе мероприятий российской внешнеэкономической политики на перспективу необходимо прорабатывать конкретные пути и инструменты поддержки национальных компаний и их инвестиционно-инновационного сотрудничества с ведущими ТНК.

Литература

1. Word investment report 2019 // United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). New York: United Nations, 2019. 237 p.
2. Мозговой А.И. Формирование конкурентных преимуществ российских транснациональных корпораций в условиях глобализации // Управление. 2019. Т. 7, № 3. С. 30–37.
3. Джабборов Д.Б. Монополизация рынков транснациональными корпорациями и политика государства // Философия хозяйства. 2019. № 4 (124). С. 157–167.
4. Маглинова Т.Г. Деятельность российских транснациональных корпораций в условиях экономических санкций // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 2. С. 589–596.
5. Журавский Ю.А., Якунина Ю.С. Перспективы участия транснациональных корпораций в модернизации российской экономики // Изв. Иркутской гос. экономической академии. 2011. № 1. С. 5–8.
6. Смирнова М.Ю., Сырбу А.Н. Транснациональная корпорация как основа глобализации на современном рынке // Modern Science. 2019. № 12-1. С. 207–211.
7. Таиров Р. «Аэрофлот», Polyus Gold и «Уралкалий» покинули список крупнейших компаний мира Forbes Global 2000. URL: [https://www.forbes.ru/biznes/376149-aeroflot-polus-gold-i-uralkaliy-pokinuli-](https://www.forbes.ru/biznes/376149-aeroflot-polus-gold-i-uralkaliy-pokinuli)

spisok-krupneyshih-kompaniy-mira-forbes (дата обращения: 07.04.2020).

8. Збарская Д.Г. Транснациональные корпорации как движущая сила экономического развития в сфере торговли // Вестн. современных исследований. 2019. № 2.15 (29). С. 30–32.
9. Жуков П.В. Иностранные инвестиции в деятельности транснациональных промышленных корпораций // Экономика и предпринимательство. 2019. № 3 (104). С. 835–838.
10. Сидоренкова А.Л. Российские транснациональные корпорации на мировом рынке // Вектор экономики. 2019. № 6 (36). С. 52.

References

1. Word investment report 2019. *United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD)*. New York, United Nations Publ., 2019. 237 p.
2. Mozgovoy A.I. (2019). Formation of competitive advantages of Russian multinational corporations in the context of globalization. *Upravlenie*, vol. 7, No. 3, pp. 30-37. (in Russian).
3. Dzhaborov V.B. (2019). Monopolization of markets by transnational corporations and state policy. *Filosofiya khozyaistva*, No. 4 (124), pp. 157-167. (in Russian).
4. Maglinova T.G. (2019). The activities of Russian transnational corporations in the context of economic sanctions. *Ekonomicheskie otnosheniya*, vol. 9, No. 2, pp. 589-596. (in Russian).
5. Zhuravskii Yu.A., Yakunina Yu.S. (2011). Prospects for the participation of transnational corporations in the modernization of the Russian economy. *Izv. Irkutskoi gos. ekonomicheskoi akademii*, No. 1, pp. 5-8. (in Russian).
6. Smirnova M.Yu., Syrbu A.N. (2019). Transnational corporation as the basis of globalization in the modern market. *Modern Science*, No. 12-1, pp. 207-211. (in Russian).
7. Tairov R. "Aeroflot", Polyus Gold and "Uralkali" left the list of the world's largest companies Forbes Global 2000. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/376149-aeroflot-polus-gold-i-uralkaliy-pokinuli-spisok-krupneyshih-kompaniy-mira-forbes> (accessed April 07, 2020). (in Russian).
8. Zbarskaya D.G. (2019). Transnational corporations as a driving force for economic development in the field of trade. *Vestn. sovremennykh issledovaniy*, No. 2. 15 (29), pp. 30-32. (in Russian).
9. Zhukov P.V. (2019). Foreign investment in the activities of transnational industrial corporations. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, No. 3 (104), pp. 835-838. (in Russian).
10. Sidorenkova A.L. (2019). Russian multinational corporations in the global market. *Vektor ekonomiki*, No. 6 (36), p. 52. (in Russian).

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.18522/2687-0770-2020-2-100-103

Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.

The Wars and Population of the South of Russia in the 18th - Early 21st Century: Demographic Processes and Consequences. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 767 p.

Демографическая история представляет собой одно из главных направлений исторической науки, поскольку занимается исследованием важнейшего объекта ее познания – человека в обществе. За последнее время вопросам демографической истории уделяется значительное внимание в отечественной и зарубежной историографии. Что касается военной истории, то соединение этой, пожалуй, наиболее традиционной проблемы исторической науки с демографической историей представляется исключительно актуальным. Комплексное исследование позволяет более полно, глубоко и конкретно понять последствия войн и военных побед, территориальных присоединений, удержания территорий и защиты так называемых «геополитических интересов».

Ученые ЮНЦ РАН уже длительное время разрабатывают данную тему. Рецензируемая коллективная монография представляет собой концентрированный итог их исследований на материалах, относящихся к Югу России, или к большей части страны, где военные действия были долговременными и интенсивными, а людские потери особенно значительными. При этом исследование проблемы носит сквозной характер. Она не ограничивается каким-либо периодом военной истории, но охватывает все новое и новейшее время, начиная с войн при Петре Великом и заканчивая военными действиями, которые велись после распада СССР на территории Южного региона России и на смежных территориях. Такой подход в научном отношении очень перспективен. С позиций его возможно формирование общего научного представления о демографических последствиях войн для большого региона страны на протяжении трехвекового периода ее истории. Отсюда с неизбежностью вытекает необходимость последующих исследований по выявлению последствий демографических потерь для хозяйственного и социального развития страны, или постановка вопроса об этих потерях как одной из важнейших предпосылок сложностей в экономике региона.

Рассматриваемые в рецензируемой книге вопросы в полной мере соответствуют усилению внимания к историко-антропологической проблематике. Несомненно, что демографические последствия войн стоят на первом месте, поскольку имеют самую тесную связь с вопросом о том, как экстремальные исторические условия военного времени сказывались на положении отдельного человека, на его самочувствии и на самоощущении в обществе, как людские потери влияли на качественные характеристики самого общества.

Изложение материала в книге выстроено по проблемно-хронологическому принципу. В ней выделены четыре части. В первой рассматривается опыт изучения демографических последствий войн и вооруженных конфликтов в южном регионе; во второй дается анализ территориального формирования большого южного региона, территориальных изменений внутри него, анализ системы управления на этой территории и ее изменения. Две последующих части включают в себя историю демографических процессов в регионе, причем третья часть охватывает

период Российской империи, а четвертая – советский и постсоветский период за столетие с 1917 по 2017 г. В книгу включены предисловие и послесловие, а также три приложения. В них указаны войны, в которых участвовало население региона, и даются демографические данные. Такая структура позволяет охватить все важнейшие вопросы проблемы.

К первой части относится методологический раздел, где говорится об особенностях изучения демографических вопросов, которое осложнено плохим состоянием источниковой базы или возможностью получения только косвенных сведений о потерях в ходе военных действий. Отсюда представляется приемлемым опора авторов на общий принцип демографических исследований, сформулированный еще Б.Ц. Урланисом, согласно которому социолог, экономист и историк должны «заметить определенные закономерности и сделать определенные выводы», стараться не выходить на уровень бухгалтерской скрупулезности в расчетах, основывающихся на не всегда надежных данных. При этом указывается на ограниченные возможности учетно-статистического метода при расчете боевых потерь и других демографических последствий войны ввиду состояния самих источников. Также обращается внимание на метод ретроспекции при оценке численности горских сообществ в период Кавказской войны с применением данных переписи населения России конца XIX в. о половозрастной структуре проживающих на территориях, где велась эта война. Подчеркивается, что данные о гибели горского населения в ходе войны и от болезней возможно устанавливать методом пропорций, который также обосновывал Б.Ц. Урланис. В целом же при подсчете демографических потерь авторы считают возможным использование комплексной экспертной реконструкции.

С характеристикой методов исследования связана оценка информационного потенциала источников. Общий вывод, что даже в войнах первой половины XX в. не было удовлетворительного учета потерь военнослужащих и мирного населения, хорошо обоснован. Подчеркивается значение составления книг Памяти для установления имен погибших, указывается на огромную и очень сложную работу поисковиков, которые много сделали для более полного и конкретного изложения истории событий великой войны. С точки зрения историографического анализа отмечается недостаточность разработки проблемы демографических последствий войн на Юге России как на самой этой территории, так и за ее пределами. Тем самым обосновывается, что последствия войн для демографии российского Юга в новое и новейшее время представляют собой проблему, которая требует специального и тщательного исследования.

Во второй части книги авторы раскрывают смысл понятия «Юг России», начиная с дореволюционного периода, когда к югу стали относить не только Нижнее Поволжье и Северный Кавказ, но и Закавказье, а также Северное Причерноморье. Такое представление о территории и ее рубежах имеет свои основания. В те времена территориальное деление было иным, чем в советское, и тем более чем сейчас, когда произошел распад прежнего имперского пространства и когда на его Юге возникли, помимо России, другие суверенные государства. Юг России до революции и Гражданской войны включал в себя несколько культурно-исторических территорий – Новороссию вместе с Областью войска Донского, Нижнее Поволжье и Кавказское наместничество, в которое входили Кубанская и Терская области. Поэтому процессы, происходившие на территории, которая стала с января 1918 г. называться РСФСР, не были оторваны от процессов на смежных территориях Причерноморья и Закавказья. После завершения Гражданской войны в 1920 г. на основной территории страны Юг России рассматривается уже как южная часть РСФСР. После распада СССР под Югом России понимаются земли, вошедшие в 2004 г. в состав Южного федерального округа, из которого в 2010 г. выделился Северо-Кавказский федеральный округ. Такое понимание Юга России вполне обосновано. Поэтому при освещении некоторых военных действий происходит неизбежный выход за территориальные рамки, поскольку фактически они разворачивались на других территориях, хотя в них участвовали жители Юга.

Основное содержание книги, относящееся непосредственно к демографическим последствиям войн, сосредоточено в ее третьей и четвертой частях. В третьей части рассматривается демографическая сторона Кавказской войны, которую вела Российская империя. Если ход военных действий этой самой длительной в отечественной истории войны привлекал значительное число исследователей, то демографическая составляющая пользовалась несравненно меньшим

вниманием. Анализ событий в свете их демографии дается очень широко. Приводятся результаты потерь не только в ходе военных столкновений, но и смертность от эпидемий, которые охватывали горское население, как вовлеченное в войну, так и мирные сообщества.

С максимальной объективностью авторы дают характеристику последствиям военных действий со стороны русских войск, которые вели к потерям горского населения, и набегам горцев на казачьи станицы и другие русские селения. Тщательный анализ имеющихся данных позволяет утверждать, что на территории Северо-Восточного Кавказа, в пределах Чечни и Нагорного Дагестана, демографические особенности не привели к сколько-нибудь заметному сокращению численности местного населения, несмотря на активность и ожесточенность военных действий. Что касается последствий войны для Северо-Западного Кавказа, то авторы отметили, что потери в ходе военных действий были менее интенсивными, чем на Северо-Восточном Кавказе, а также в результате карательных операций русских войск. Но тяжесть локальных карательных акций ослаблялась благодаря традициям родовой взаимовыручки, сплоченности черкесских сообществ.

Обращается особое внимание на демографические последствия мухаджирства, прослежены факторы, определявшие заинтересованность в переселении черкесского населения в пределы Османской империи русских и турецких властей, а также части верхушки черкесского сообщества. Производят впечатление данные о переселениях адыгских племенных союзов на турецкую территорию, в том числе почти полное переселение натухайцев и шапсугов. И, конечно же, о полном выселении убыхов с Черноморского побережья Кавказа. Отмечается расхождение статистических данных о количестве переселенцев, которые давались российской и турецкой сторонами. Но во всяком случае масштабы этих переселений были очень велики.

Повлияло на демографию региона и усиление урбанизации. Выявлены факторы, способствовавшие ускорению или замедлению роста городов региона. Среди них – развитие страны в пореформенный период, которое, однако, оказало неодинаковое влияние на разные города страны.

В четвертой части, содержащей анализ демографических процессов советского времени и двух с половиной десятилетий после распада СССР, также выявлены особенности этих процессов, относившихся к разным территориям. Указывается на существенный рост миграции в пределы региона беженцев из центральных губерний страны от большевистской власти, а также приток армянских беженцев после турецкого геноцида армян 1915 г. В качестве демографического последствия Гражданской войны оценивается эмиграция части населения за пределы Советской России. Вообще демографические явления в пределах Южного региона в 20 – начале 30-х гг. рассматриваются в книге также в связи с последствиями революции и Гражданской войны. В частности, учитывается и влияние голодомора 1932–1933 гг., масштабы которого были особенно велики на Украине и Кубани. В этом отношении выводы авторов соответствуют характеристикам голодомора в пределах Северо-Кавказского края, который давался ростовским исследователем Е.Н. Осколковым.

Что касается Великой Отечественной войны, то установлены колоссальные масштабы гибели населения в период немецко-фашистской оккупации. Сюда же можно добавить и уход с отступавшими немецкими войсками лиц, сотрудничавших с оккупантами, а также депортацию ряда народов региона.

Исследования по истории депортации велись в разных автономных республиках РСФСР, ликвидированных после войны и восстановленных в 1956 г. Авторы уточняют масштабы этой формы репрессий против целых народов. Власти стремились заменить депортированное население переселенцами из разных областей РСФСР и Грузинской ССР, из Дагестана и Северной Осетии. Последствия этой меры требуют дальнейшего изучения, особенно после возвращения депортированных на прежние места жительства и возникновения в этой связи коллизий во взаимоотношениях с переселенцами.

Авторы проследили воздействие на демографию не только войн нового и новейшего времени, но и вооруженных конфликтов, которых было множество в истории советского периода начиная с 20-х гг. и еще больше в постсоветский период. Для современного читателя, особенно для жителей Юга России, представит большой интерес обзор этих межэтнических и территори-

альных конфликтов в регионе. Тем более что они вели к людским потерям. Сделанный в книге исторический анализ таких конфликтов показывает, насколько напряженным является общее положение в регионе, насколько недостаточно сделано для стабилизации ситуации, насколько слабы в этом отношении чисто военно-полицейские методы или финансовые вливания в бюджеты отдельных субъектов федерации. Кризисное состояние в регионе не преодолено, а это грозит новыми демографическими потерями.

Начало исследования демографических процессов в регионе относится к XVIII в. С учетом состояния источниковой базы за более ранний период такая хронология представляется правомерной. В то же время, что касается XVII в., то некоторые сведения, относящиеся к демографии на данной территории, в источниках можно найти. Так, в историографии даются оценки численности казаков в войске Донском за разные периоды, начиная со Смутного времени вплоть до петровского царствования. Тем более есть разнообразные сведения в письменных и картографических источниках о донских казачьих поселениях, которыми были укрепленные городки. По-видимому, было бы желательно учесть демографические последствия разгрома донского казачества в период подавления Булавинского восстания, когда в ходе карательной экспедиции лейб-гвардии майора князя В. Долгорукова было истреблено множество казаков, а часть казаков ушла в пределы Крымского ханства на Кубань во главе с атаманом И. Некрасовым.

Вероятно, не вполне понятным может быть для читателя связь в книге географических рамок и ее содержания. В книгу, посвященную демографическим процессам на Юге России, включен материал, относящийся к союзным республикам, а затем к суверенным государствам за пределами Российской Федерации. Он необходим, чтобы понять сущность и характер демографических процессов, происходивших на самом Юге России. Но тогда было бы желательным как-то упомянуть в названии о соседних с Югом России странах.

Как исключительно глубокое исследование, опирающееся на прочную базу исторических и демографических фактов, установленных в результате комплексного анализа широкого круга источников, данная книга имеет в современной культурно-исторической и историографической ситуации немалое методологическое значение. В условиях, когда оживилось представление об истории как не о науке, но как о приатке идеологии, книга наглядно свидетельствует о самом высоком научном потенциале исторического исследования. Это не случайно, поскольку научное исследование основывается на всесторонней обработке эмпирического материала, дает в конечном счете достоверные факты, поддающиеся верификации. Книга о демографии Юга России нового и новейшего времени, созданная коллективом ЮИЦ РАН, имеет все признаки такого исследования. Оно открывает новую страницу в истории Южного региона страны и его населения.

Н.А. Мининков,

доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет

18 января 2020 г. исполнилось 70 лет Николаю Александровичу Мининкову, доктору исторических наук, профессору кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета. Николай Александрович – признанный специалист по вопросам истории Дона и донского казачества, а также истории исторической науки в России и на Дону, методологии истории и методики исторического исследования, автор более 250 научных работ. Он подготовил и воспитал немало учеников в этой области. Десятки лет Николай Александрович является членом редколлегии журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки». Участие Н.А. Мининкова в рецензировании огромного количества материалов, его доброжелательные, но принципиальные отзывы о статьях способствовали появлению ярких исследовательских работ как аспирантов, так и маститых ученых на страницах нашего журнала.

Члены редколлегии журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» и сотрудники редакции желают ему здоровья, счастья, творческих успехов, оптимизма, долгих-долгих лет жизни и работы на благо отечественного просвещения!

Козляков В.Н. Московское царство. СПб.: Наука, 2019. 261 с.

Kozlyakov V.N. Moscow Kingdom. St. Petersburg: Nauka Publ., 2019. 261 p.

История Московского царства всегда была в центре внимания исторической науки, и в наши дни она по-прежнему вызывает интерес. Это не случайно. В самом деле данный период, продолжавшийся два с лишним столетия от завершения объединения русских земель до новой России времен царствования Петра Великого, на начальной стадии представлял типичное позднее средневековье, когда аналогичные объединительные процессы развертывались и в других странах Европы. Завершение его упиралось уже в раннее новое время, когда формировались и распространялись новые понятия о государстве и обществе, появлялись соответствующие им формы духовной культуры и искусства, шло переформирование общественных связей и сознания отдельных людей. Это, несомненно, переходный исторический период, своего рода большая переломная эпоха, растянутая на жизнь нескольких поколений. И, как подчеркивал еще А.С. Лаппо-Данилевский, в такие эпохи имело место проявление «наиболее резкого развития специфических особенностей исследуемого типа» [1], в данном случае такого культурно-исторического типа, как российское общество и государство. Отсюда не только внимание историков к отдельным существенным сторонам и деталям того времени, но и к конкретным явлениям и процессам, группам и слоям населения. В связи с этим появлялись обобщающие исследования в поздней советской и в российской историографии, в которых отражался как взгляд авторов на положения и выводы предшествовавшей историографии, так и итоги собственного осмысления положения страны и разных слоев русского общества. Исследования были рассчитаны и на историков, и на более широкий круг читателей, давали наглядное представление об общем состоянии изучения этого периода в исторической науке [2, 3].

К таким трудам относится и монография известного исследователя отечественной истории XVII в. В.Н. Козлякова «Московское царство». Особенностью ее является дискуссионный характер, который проявляется в освещении ряда проблем этого периода российской истории. Книга выходит на новый уровень дискуссии, когда она не только затрагивает традиционные вопросы, но и задает новый подход к исследованию эпохи. Главное в этом подходе заключено в особом внимании к человеку и к общественным микроструктурам, без понимания которых невозможно уяснить сущность событий и явлений того времени. А также в критике некоторых традиционных подходов к исследованию, когда в центре внимания историков находились такие макроструктуры, как государство и общественные классы. Исходя из этого, В.Н. Козляков правомерно делал несколько отсылок к В.О. Ключевскому, который впервые в нашей исторической науке сделал попытку представить историю Московского царства в качестве истории общества и человека, но не только как историю России как государства.

В самом названии книги присутствует дискуссионный момент, не заметный на первый взгляд. С одной стороны, выражение «Московское царство» распространено в трудах историков и в литературе вообще. Но, с другой стороны, понятие «царство» само по себе не научное, оно скорее из образного, художественного языка. Употребление его дается на месте вполне общенаучного, социологического и политологического понятия государства. Отсюда возникает вопрос, не является ли такая подмена выражением сомнения в том, что Россию допетровского времени можно в полной мере считать государством? Применительно к русской истории такой вопрос постоянно стоял в отношении ее киевского периода, когда историки государственной школы не видели государственного начала в ее внутренней жизни. Лишь со второй половины XII в., как отмечал С.М. Соловьев, возник «новый порядок вещей». Он наступил после прежнего господства родовых отношений, когда происходило «ослабление родовой связи между княжескими линиями» и когда каждая из таких линий действует «уже в государственном смысле» [4]. К этому же веку относил начало Русского государства К.Д. Кавелин [5]. Не говорил о государственности на Руси этого

времени и В.О. Ключевский. По его мнению, только с «половины XV до второго десятилетия XVII в.» на русской земле «сложилось политическое целое под властью московского государя, который правит своим государством с помощью боярской аристократии» [6].

Допускал возникновение государства на Руси при киевских князьях С.Ф. Платонов. Он указывал, что их «главная деятельность» направлялась на то, чтобы «создать на Руси единое государство». Но при этом, по его оценке, такая государственная власть была «неопределенна и своеобразна» [7]. Несравненно более определенно о государстве говорилось в период Московской Руси. Но и в отношении этого периода в политической истории страны допускается оговорка, что складывавшееся Московское государство понималось как великокняжеская и царская вотчина, а «в московском князе XIV – XV вв., даже великом князе, было ... много частного владельца, закрывавшего собой государя», – писал В.О. Ключевский [8, с. 33]. При этом, по его словам, «ни из чего не видно, чтобы Иван III понимал отчину как-нибудь иначе, не так, как понимали эту форму его удельные предки» [8, с. 127]. Отсутствие в Московской Руси понимания о государстве историк считал всеобщим. По его словам, «московские люди того времени» представляли себе, что «Московское государство ... есть государство московского государя, а не московского или русского народа» [9, с. 52]. Потрясения Смутного времени привели к сдвигам в политическом сознании.

Последователь В.О. Ключевского, историк-юрист Г.Г. Тельберг, указывал, что из Смуты страна выходила «истерзанная и измученная», но «с просветленным государственным сознанием, в котором не оставалось места обветшавшей идеологии вотчинного государства» [10]. В этом заявлении была определенная крайность. Конечно, В.О. Ключевский указывал на перемены в представлениях о государе и государстве. Он отмечал в качестве одного из итогов Смуты убеждение русского общества в том, что «государство, по крайней мере некоторое время, может обойтись без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа» [9, с. 69]. Но он при этом не делал вывод об уходе вотчинного государства в прошлое. Во всяком случае оставлял данный вопрос открытым. В самом деле сохранялся такой существенный признак вотчинного государства, как упоминание в государственных документах наряду с царем царских родственников. Это, например, имело место в тексте присяги войска Донского на верность царю Алексею Михайловичу 1671 г., где наряду с царем назывались имена царицы, царевичей и царевен [11]. Поэтому вотчинное государство если и отмирало, то очень медленно и постепенно.

Следовательно, понятие «Московское царство» выбрано весьма удачно. Это не только дань определенной традиции. Научный смысл в том, что оно объединяет в себе понимание Московской Руси одновременно и в качестве государства, и в качестве царства, или царской вотчины. Такое государство по традиции называется вотчинным, или государством, не вполне сложившимся и находящимся в стадии формирования. И вообще понятие «Московское царство» удачно подчеркивает такую характерную его черту, которое выделял В.Б. Кобрин, как соединение власти и собственности. Поэтому данное В.Н. Козляковым название для своей книги вполне правомерно.

Названию соответствует структура книги. Введение завершается разделом «Понять Московское царство». В этом состоит исследовательская цель автора, и она в полной мере соответствует стратегии исторического и гуманитарного исследования новейшего времени вообще, направленной на понимание человека и общества прошлого и культуры изучаемого времени. В нем признается, что общие результаты исследования истории Московского государства были значительными, о чем свидетельствует историографическая часть введения и общий обзор проблем и авторских трудов по разным сторонам этой истории, содержащийся в конце книги. Но, вместе с тем, то, что относится к проблеме понимания, выходит на первый план в качестве исследовательских целей разных сторон истории страны этого времени. И с этим можно согласиться.

В структуре книги раздел «Время и место» присутствует не случайно. Он должен напоминать историку, что всякое историческое исследование имеет в виду прежде всего эти категории, и должно опираться на данные хронологии и исторической географии. И в то же время учитывать, как воспринимались время и место людьми, поскольку это не только научные категории, но и понятия, прочно вошедшие в повседневный бытовой уклад. Все это В.Н. Козлякову соединить удалось. И, конечно же, не может не привлечь внимания его комментарий к установленному недавно празднованию так называемого «дня народного единства», на его хронологию, приуроченную к дате освобождения московского Кремля земским ополчением К. Минина и Д.М. Пожар-

ского от польских сил. Убедителен не только хронологический анализ, по которому освобождение произошло не ранее 6 ноября по григорианскому календарю, но и указание автора на случай с датировкой этого праздника как на пример неудачной попытки политтехнологов заигрывать в политических интересах с прошлым.

В центральном разделе книги «Люди и институты» указан ряд проблем, которые являются дискуссионными в наши дни. В главе «Государево дело и земское» это относится к земским соборам. Проблема земских соборов тесно связана с вопросами о характере государственного строя в стране, о предпосылках формирования сословного строя, об исторических особенностях политической системы Московского царства. Поэтому она имеет такую значительную историографию, общий анализ которой давал еще Л.В. Черепнин [12], и не случайно она стояла в центре внимания конференций, проходивших в 2012–2013 гг. в связи с 400-летием избирательного земского собора и избрания на престол Михаила Романова. В.Н. Козляков обращает внимание на вопрос об определяющей черте земских соборов – о представительстве. В этом отношении такой подход был замечен еще у В.О. Ключевского, который не видел представительного начала в соборах до Бориса Годунова. На основании анализа состава земского собора 1566 г. он отмечал, что «основой соборного представительства был не общественный выбор по доверию, а правительственный призыв по должности и по званию» [8, с. 381]. Такую же черту В.Н. Козляков отметил и для позднейшего земского собора 1681 г. при царе Федоре Алексеевиче. Отсюда основание для пересмотра взгляда на земские соборы как на полноценные представительные собрания. Поэтому не случайно В.Н.Козляков подчеркивает, что «традиция выборного представительства на соборах появилась во времена деятельности земских ополчений 1611–1612 годов», и не ранее, и просуществовала недолго. Это подтверждает вывод, делавшийся в ходе конференций последнего времени, согласно которому ставить земские соборы в один ряд с сословно-представительными учреждениями западноевропейских стран не приходится. Земские соборы являются в этой связи наглядным проявлением «относительности и вариативности сословного представительства» [13], поскольку элементы представительства в них имели место. Что касается такого центрального органа управления, как Боярская дума, то В.Н.Козляков указывал на ее «карикатурные образы» в историческом сознании, истоки которых восходят к известному сочинению Г. Котошихина, и на несоответствие его историческим реалиям.

Говоря об учреждениях Московского государства, В.Н. Козляков упоминает людей, связанных своей судьбой с ними. Так, при характеристике Кирилло-Белозерского монастыря он отмечает в числе прочих ссыльных такую сложную и интересную личность своего времени, как князь И.А. Хворостинин. Краткий очерк о нем давал еще С.Ф. Платонов [14]. В.Н. Козляков как бы напоминает о том, что судьба этого князя, который иногда не без натяжки оценивается в качестве первого русского западника, заслуживает особого монографического исследования. С этим можно согласиться, учитывая сложность его биографии и роль его в русской литературе позднего средневековья как автора одного из оригинальных произведений о Смутном времени.

Привлекает внимание характеристика В.Н. Козляковым приказной системы и истории ее происхождения. Он связывает ее с развитием системы управления в Московском великом княжестве при Иване III, с возникновением в рамках дворцового управления особых путей по отдельным отраслям этого управления, появившимся еще в первой половине XIV в., с поручениями по управлению отдельным лицам, которым давались служебные чины. Формирование приказной системы В.Н. Козляков относит к середине XVI в., когда возникали важнейшие приказные избы, указывает на ряд важных деталей. Среди них такие, как вывод об окончательном оформлении приказной системы ко времени правления Бориса Годунова, о дроблении функций приказов в первые годы царствования Михаила Романова, а также о приказе Тайных дел. Сравнивая этот приказ с петровской Тайной канцелярией, В.Н. Козляков останавливается на принципиальном отличии приказа времени, созданного при царе Алексее Михайловиче, от Тайной канцелярии, поскольку, по его словам, этот приказ был органом управления, но не карательной структурой. Как стереотип оценивает В.Н. Козляков представление о приказной волоките, о взятках в приказах и о недостатках суда. Все это, подчеркивает он, сохранилось и в более позднее время, при коллежской и при министерской системах.

Затронута В.Н. Козляковым и традиционная историографическая проблема формирования крепостного права. Упомянув указную и безуказную теории его происхождения, он подчеркивает, что «“закрепостительная” практика» стала распространяться с 1592–1593 гг., но не ранее. Это подтверждает факт издания в эти годы не обнаруженного указа о запрете крестьянского выхода [15]. Общий вывод В.Н. Козлякова об особой заинтересованности мелких служилых людей в крестьянском закрепощении традиционен. Но при этом самим крестьянам «не требовалось никуда перемещаться», что облегчало их закрепощение. Вместе с тем он указывает на вывод В.А. Аракчеева, согласно которому несанкционированные выходы крестьян государство не могло до середины XVII в. сколько-нибудь успешно предотвращать. К этому можно добавить, что после принятия Соборного Уложения стала создаваться эффективная система сыска крестьян [16], которая действовала в пределах официальной государственной границы, до засечной черты.

Современная направленность новой книги В.Н. Козлякова особенно отчетливо выражена в разделе «Понятия, язык, имена и символы», поскольку исследование этих вопросов в наибольшей степени способствует достижению понимания человека и общества как цели исторической науки новейшего времени. Давая общую характеристику понятий, В.Н. Козляков обращает внимание, что к ним относятся все самые общие представления об устройстве Московского царства, которые принимаются всем русским обществом. Отсюда – задача вскрытия смыслов, заключенных в важнейших понятиях, таких как «мир», «общий мирской плач», и, что особенно интересно, «право “мира” на бунт», проявление которого он увидел в 1648 г. в ходе московского так называемого Соляного бунта.

Понятие «домостроя» имеет самое существенное значение для понимания отношений в рамках такой общественной микроструктуры, как семья и положение членов семьи. Подчеркивая, что «Домострой» выражал культ патриархальной семьи, В.Н. Козляков обращает внимание на то, что конкретная жизнь не укладывалась в рамки, прописанные этим сочинением. Сюда можно добавить указание отдельных иностранных авторов на некоторые стороны повседневной жизни городских сообществ, не соответствовавшие домостроевским нормам. Особый интерес вызывает характеристика общества через распространенные нормы одежды людей из разных слоев населения. По существу в книге В.Н. Козлякова ставится проблема одежды людей Московского царства как выражение общественной иерархии и социальных связей.

Еще большее значение В.Н. Козляков придает исследованию языка, принятого в русском обществе того времени, прежде всего языка документов и их формуляров, и подчеркивает вклад С.М. Каштанова в разработку классификации актовых источников. В качестве обобщения исследовательского опыта работы с документами В.Н. Козляков отметил важность учета всей цепочки прохождения документа. Это несомненно, поскольку на каждой новой стадии работы над его текстом в документ могли вноситься некоторые новые смыслы. Особенно это заметно бывает по сопоставлению черновых отпусков документов и окончательного варианта их текста в беловике. Следует иметь в виду, что в некоторых случаях сохранялись только черновые отпуски документов или только беловики. Так, царские грамоты войску Донскому XVII в. сохранились только в черновых отпусках, а беловики уходили на Дон, тогда как войсковые отписки казаков с Дона в Москву сохранились в беловиках, а черновики оставались на Дону. Но в 1744 г. большой пожар в Черкасках уничтожил войсковой архив.

Не менее важным для понимания общества, чем язык документов, В.Н. Козляков считает сложившийся в нем ономастикон. Указывая на визуальный поворот в современном научном историческом познании, он также обратил внимание на перспективность анализа визуальных источников для получения более полного представления о человеке Московского царства. Но не все визуальные источники того времени дают верное описание внешнего облика человека. Это также можно сказать о картографических источниках, которые относятся отчасти к визуальным, поскольку рассчитаны на визуальное восприятие, а отчасти к письменным, так как имеют разные надписи, как правило, географические и этнографические.

Новая книга В.Н. Козлякова также ценна содержанием последнего раздела, к которому последние исследователи с неизбежностью будут обращаться за получением разного рода справочного материала, тем более материала о Московском царстве в интернете. В нем прежде всего отобраны условно десять источников, которые оценены как главные. Условно потому, что в ка-

честве одного источника посчитаны в некоторых случаях сочинения, объединенные в одну группу, например сочинения иностранных авторов. При этом авторское указание на начальный шаг исследования с анализа законодательства, как представляется, носит методологический характер и касается очень многих конкретных тем. Конечно же, в любом случае попытка определить круг главных источников будет субъективной. Но в данном случае выбор этих источников оправдан.

Несомненно, что «уложить» огромный и, как правило, дискуссионный материал по истории страны за период 1547–1700 гг. в не очень большой объем издания крайне сложно. Не удивительно поэтому, что по некоторым сторонам, затронутым или не затронутым в книге, могут возникнуть определенные вопросы. Так, конечно же, для середины – второй половины XVII в. во многом определяющим моментом в истории общества и государства стало состояние, известное как «бунташный век». Тем более что после 1700 г. оно по существу продолжалось вплоть до Тарского бунта 1722 г. [17]. Центральным событием в нем было Разинское восстание. Оно заслуживает несколько большего внимания с учетом некоторых последних исследований [18, 19] и того, что за последнее время к проблемам народных движений стал возрождаться интерес.

По-видимому, в связи с характеристикой выдающегося литературного произведения, Жития протопопа Аввакума, было основание сказать о зарождении во второй половине XVII в. мемуарного жанра в русской литературе. В самом деле Житие Аввакума было, по оценке М.Ф. Румянцевой, первым произведением в мемуарном жанре. Но к этим произведениям М.Ф. Румянцева почитала возможным отнести также такой значительный источник, как «Созерцание краткое лет 7190. 91 и 92...» Сильвестра Медведева [20]. Между тем появление мемуаров представляло собой существенный сдвиг в истории культуры и сознания людей.

Наконец, по-видимому, «Трудные вопросы» истории Московского царства не ограничиваются вопросами об избирательном земском соборе 1613 г. и о существовании ограничительной записи Михаила Романова. Но в данном случае скорее всего В.Н. Козляков наметил направление дальнейших исследований по этим вопросам, но не поставил точку.

Нет никаких сомнений, что новая книга В.Н. Козлякова, способствующая распространению научных знаний об эпохе Московского царства, найдет широкий круг читателей, интересующихся российской историей.

Литература

1. *Лапте-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 2.
2. *Сахаров А.М.* Образование и развитие Российского государства в XIV – XVII вв. М. : Высшая школа, 1969.
3. *Ермолаев И.П.* Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2004.
4. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. : в 18 кн. М. : Мысль, 1988. Кн. 1. С. 52.
5. *Кавелин К.Д.* Краткий взгляд на русскую историю // Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 177.
6. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1 // Соч. : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 33.
7. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М. : Высшая школа, 1993. С. 103.
8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 2 // Соч. : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 2.
9. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // Соч. : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 3.
10. *Тельберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. С. 103.
11. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. док. : в 4 т. М. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3. С. 146.
12. *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М. : Наука, 1978. С. 5–47.

13. Хачатурян Н.А. Европейский средневековый парламентаризм: опыт сравнительного анализа // Представительные институты в России в контексте европейской истории. XV – середина XVII в. М. : Древлехранилище, 2017. С. 17.
14. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник // Собр. соч. : в 6 т. М. : Наука, 2010. Т. 1. С. 358–376.
15. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. : Наука, 1975. С. 81.
16. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962.
17. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. С. 34–66.
18. Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М. : ТИМР, 1994.
19. Чертанов М. Степан Разин. М. : Молодая гвардия, 2015.
20. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М. : Изд-во ВШЭ, 2015. С. 355, 359.

References

1. Lappo-Danilevsky A.S. (1890). *Organization of direct taxation in the Moscow state from the time of Troubles to the era of transformation*. St. Petersburg, p. 2. (in Russian).
2. Sakharov A.M. (1969). The formation and development of the Russian state in the 14th - 17th centuries. Moscow, Vysshaya shkola Publ. (in Russian).
3. Ermolaev I.P. (2004). *The formation of the Russian autocracy. The origins and conditions of its formation*. Kazan, Kazan University Press. (in Russian).
4. Soloviev S.M. (1988). History of Russia since ancient times. *Selected works*: in 18 books. Moscow, Mysl' Publ., book 1, p. 52. (in Russian).
5. Kavelin K.D. (2010). A brief look at Russian history. *Selected works*. Moscow, ROSSPEN Publ., 177 p. (in Russian).
6. Klyuchevsky V.O. (1956). The course of Russian history. Part 1. *Selected works*: in 8 vol. Moscow, Gospolitizdat Publ., vol. 1, p. 33. (in Russian).
7. Platonov S.F. (1993). *Lectures on Russian history*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 103 p. (in Russian).
8. Klyuchevsky V.O. (1957). The course of Russian history. Part 2. *Selected works*: in 8 vol. Moscow, Gospolitizdat Publ., vol. 2. (in Russian).
9. Klyuchevsky V.O. (1957). The course of Russian history. Part 3. *Selected works*: in 8 vol. Moscow, Gospolitizdat Publ., vol. 3. (in Russian).
10. Telberg G.G. (1912). *Essays on the political court and political crimes in the Moscow state of the 17th century*. М. : Imp. Moscow University Press, p. 103. (in Russian).
11. *Peasant war led by Stepan Razin*. (1962). Sat. doc.: in 4 vol. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Press, vol. 3, p. 146. (in Russian).
12. Cherepnin L.V. (1978). *Zemsky cathedrals of the Russian state in the 16th - 17th centuries*. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-47. (in Russian).
13. Khachaturian N.A. (2017). European medieval parliamentarism: the experience of comparative analysis. *Representative institutions in Russia in the context of European history. 15th - mid-17th century*. Moscow, Drevlekhranilische Publ., p. 17. (in Russian).
14. Platonov S.F. (2010). Old Russian legends and tales of the Time of Troubles in the 17th century as a historical source. *Col. works*: in 6 vols. Moscow, Nauka Publ., vol. 1, pp. 358-376. (in Russian).
15. Koretsky V.I. (1975). *The formation of serfdom and the first peasant war in Russia*. Moscow, Nauka Publ., p. 81. (in Russian).
16. Mankov A.G. (1962). *The development of serfdom in Russia in the second half of the 17th century*. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press. (in Russian).

17. Pokrovsky N.N. (1974). *Antifeudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the 18th century*. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 34-66. (in Russian).
18. Soloviev V.M. (1994). *Anatomy of the Russian riot. Stepan Razin: myths and reality*. Moscow, TIMR Publ. (in Russian).
19. Chertanov M. (2015). *Stepan Razin*. Moscow, Molodaya gvardiya. (in Russian).
20. Sources of studies. (2015). Textbook. I.N. Danilevsky, D.A. Dobrovolsky, R.B. Cossacks et al.; M.F. Rummyantsev (Ed.). Moscow, Higher School of Economics Press, p. 355, 359. (in Russian).

Л.В. Мининкова,
доктор исторических наук, профессор,
Южный федеральный университет

Историк и история
(Аникеев А.А. Заслуженный профессор СКФУ: моя история.
Ставрополь : ИП Светличная С.Г., 2020. 248 с.)

The Historian and History
(Anikeev A.A. Honored Professor of NCFU: My Story.
Stavropol: IP Svetlichnaya S.G., 2020. 248 p.)

Издание исторических биографий ученых – довольно редкое явление в наши дни. Именно биографика дает возможность воссоздать групповой портрет общества, исходящий из неповторимых личностей. Биографика занимается не только вопросами происхождения людей, но и изучением их деятельности.

Именно к этому жанру исторического сочинения относится книга профессора А.А. Аникеева, отдавшего 50 лет служению исторической науке и развитию исторического образования на Дону и Северном Кавказе. Автор размышляет о прошлом и настоящем высшей школы, делится своими знаниями, а также впечатлениями о странах, в которых он побывал, о людях, с которыми ему приходилось встречаться, и событиях, свидетелем которых он был.

Воспоминания строятся на осмыслении основных этапов жизни, творческой и педагогической деятельности. При этом автор помнит слова председателя Северо-Кавказского научного центра высшей школы, ректора РГУ Юрия Андреевича Жданова о том, что память не всегда точна в воспроизведении событий прошлого, поэтому он опирается на дневниковые записи, которые велись с 1970 г. – периода обучения в Москве, а также на «архив эпохи», который начал формироваться с 1985 г. – времени избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. В этот архив попали материалы из отечественных и зарубежных газет и журналов о важнейших событиях в нашей стране и за рубежом.

Литературным источником стали публикации учеников А.А. Аникеева – В.В. Василенко, Е.А. Паламарчука, Г.И. Кольги, И.А. Коробкиной, С.В. Януша.

Работа строится по основным периодам жизни рассказчика: с 40-х гг. в XX в. и до современности.

Вначале упоминаются основные события детства и юности, повествуется о происхождении фамилии Аникеевых, история которой связана с историей становления Российского государства, его культуры и традициями. Ее основателем автор считает Е.И. Аникеева – участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. выходца из Курской губернии, положившего начало на Ставрополье большой семье хлеборобов.

Освещаются жизнь и деятельность родителей, сестры и братьев. Особое внимание уделено гибели отца – А.Е. Аникеева в сентябре 1941 г. на Украине.

Автор с благодарностью вспоминает преподавателей историко-филологического факультета Ставропольского госпединститута: профессоров В.А. Романовского, А.В. Попова, П.А. Шацко-го. Именно они привили интерес к историческим знаниям, сформировали широкий взгляд на общественные явления и междисциплинарный подход к событиям прошлого.

После окончания пединститута начинается учеба в аспирантуре Московского педагогического института им. В.И. Ленина («Второй МГУ»). На кафедре новой и новейшей истории, которую возглавлял академик А.Л. Нарочницкий, утвердивший окончательную редакцию темы кандидатской диссертации «Германский фашизм и крестьянство» (1933–1939 гг.), А.А. Аникеев вооружился навыками решения теоретических и методологических вопросов научной работы.

В октябре 1973 г. он защитил кандидатскую диссертацию об аграрной политике германского фашизма с 1933 по 1939 г. В ней раскрыты причины распространения национал-социализма в деревне, основные направления аграрной политики (особенно наследственных дворов и восточных поселений).

Становление в профессии происходило уже в стенах Ростовского-на-Дону педагогического института по распределению Министерства просвещения.

В книге подробно рассказывается о ростовской школе историков, где трудились А.П. Пронштейн, П.В. Барчугов, И.П. Хлыстов, Н.А. Акимкина и др. На кафедре истории РГПИ, которую возглавлял проф. В.Г. Мирзоев, активно изучались проблемы методологии и историографии исторической науки. Все доценты кафедры – Г.Г. Бауман, В.Н. Сергеев, Э.А. Шеуджен – подготовили и защитили докторские диссертации. Среди выпускников историко-английского факультета РГПИ многие стали известными исследователями отечественной и зарубежной истории, среди них Е.А. Паламарчук, А.В. Венков, О.В. Будницкий.

В 1982 г. автор книги возвратился в Ставрополь (в связи с нерешенностью квартирного вопроса). После защиты докторской диссертации об аграрной политике нацистской Германии в годы Второй мировой войны он возглавил кафедру всеобщей истории. Здесь пришлось решать вопросы формирования кафедры преподавателями с учеными степенями, для чего вскоре при кафедре была открыта аспирантура, началась перестройка учебного процесса на основе теории цивилизаций и антропологического подхода.

В 90-е гг. Советский Союз оказался в тяжелой геополитической, социально-политической и идеологической ситуации. Несмотря на кризисные перемены в жизни России, вузы страны продолжали готовить педагогические и научные кадры в условиях рыночной экономики, развития многопартийности, идеологического плюрализма.

«Закон об образовании» от 31 июля 1992 г. провозгласил новые принципы государственной политики в области образования. Опираясь на этот документ, исторический факультет СГПИ одним из первых в России в 1993 г. перешел на многоуровневую подготовку выпускников по направлениям: «Отечественная история», «Всеобщая история». Учебный план включал такие базовые учебные дисциплины, как «Философские проблемы исторической науки», «Проблемы методологии истории», «История России в контексте мировых цивилизаций», «История мировых цивилизаций», «Источниковедение и методы исторического исследования истории России», «Источниковедение и методы исторического исследования всемирной истории», «Архивоведение» и др.

За период с 1993 по 2012 г. на факультете было подготовлено 430 магистров истории. Около 100 из них через 1,5–2 года защитили кандидатские диссертации, а 10 из них в 30 лет стали докторами наук. Благодаря магистратуре, исторический факультет СГУ с 2001 по 2008 г. занимал ведущие места среди университетов Южного федерального округа.

Одновременно на факультете сформировалась научно-педагогическая школа по всеобщей истории. А.А. Аникеев входил в состав диссертационных советов по историческим наукам РГУ и СГУ, участвовал в исторических исследованиях, внес свой вклад в развитие региональной истории и создание Северо-Кавказского федерального университета.

В первый состав Совета СГУ вошли: проф. В.А. Шаповалов (руководитель), проф. А.А. Аникеев (зам. председателя), доц. Т.Е. Покотилова (ученый секретарь). Были приглашены ведущие специалисты по отечественной и зарубежной истории: доктора наук А.В. Авксентьев, Г.Г. Асриянц, Д.В. Кочура, В.П. Невская и др.

За 15 лет в Совете защитились около 200 исследователей (178 кандидатских и 20 докторских диссертаций).

Современные тенденции в исторической науке, по словам ведущего научного сотрудника Института Всеобщей истории РАН Л.П. Репиной, ведут к единству знаний, к интеграции, междисциплинарному взаимодействию. На второй план в этой связи уходит так называемая проблемная историография, а главное внимание переносится на изучение функционирования трансформационных исторических знаний в функциональном контексте в рамках основных направлений неоклассической историографии: «Новой социальной истории», «Локальной и интеллектуальной истории», «Гендерной истории», «Новой биографической истории», «Глобальной истории», и др.

На рубеже XX – XXI вв. в СГУ была введена специализация бакалавров по исторической информатике, в рамках которой сотни выпускников овладевали компьютерными технологиями,

а пять молодых преподавателей успешно защитили кандидатские диссертации по этой теме. Их наработки могут использоваться для развития цифровой истории.

В 2012 г. на базе трех крупнейших вузов Ставрополя – Северо-Кавказского государственного технического университета, Ставропольского государственного университета, Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета – был создан Северо-Кавказский федеральный университет.

В СКФУ сформировано десять институтов и два филиала в городах Пятигорск и Невинномысск.

Существенное место в структуре университета занимает Гуманитарный институт. В соответствии с научными направлениями в институте были определены программы развития бакалавриата и магистерской подготовки, включая «Отечественную историю», «Всеобщую историю», «Историческое образование» и «Международные отношения».

Преподаватели института разрабатывали и апробировали такие курсы, как «Северный Кавказ в интеллектуальном пространстве России XIX – начала XX в.» (проф. М.Е. Колесникова), «Военно-политическая история Северного Кавказа в европейских исследованиях» (проф. Д.С. Ткаченко), «Международные организации: история и современность» (доц. К.Р. Амбарцумян), «Россия и современный мир» (доц. И.А.Коробкина) и др.

В институте с апреля 1995 г. сформирован и действует Диссертационный совет по истории. Его возглавляет докт. ист. наук проф. И.В. Крючков, заместитель – докт. ист. наук профессор М.Е. Колесникова, ученый секретарь – докт. ист. наук проф. И.А. Краснова. В совете успешно защищают докторские диссертации ученые из Ставрополя, Ростова-на-Дону, Москвы, Санкт-Петербурга, Грозного и других городов и регионов страны. Диссертации, как правило, отличаются новизной постановки проблем, широкой источниковой базой и основательностью выводов.

В качестве замечания можно рекомендовать добавить в книгу зарисовки повседневной жизни студентов, преподавателей, а также провести дополнительную редакционную правку.

Д.И. Состин,
кандидат исторических наук, доцент,
Филиал РТУ МИРЭА в г. Ставрополе

Предвоенная дипломатическая история Европы
(Иванов А.Г. Дипломатическая борьба в Европе в канун Второй мировой войны. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2018. 291 с.)

Pre-war Diplomatic History of Europe
(Ivanov A.G. Diplomatic Confrontation in Europe on the Eve of the Second World War. Krasnodar: Kuban State University Press, 2018. 291 p.)

Монография известного учёного, заведующего кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, доктора исторических наук, профессора А.Г. Иванова посвящена необычайно актуальной в наши дни теме. В центре исследования находятся международные события 1937–1939 гг., свидетельствовавшие о нарастании угрозы войны, – конфликты и кризисы, захват Германией суверенных государств, последствия так называемой «мюнхенской политики».

В год 75-летия Великой Победы возрастает число попыток использовать историю Второй мировой войны для политических спекуляций. Недруги современной России стараются исказить историю войны и принизить роль нашего народа в победе над фашизмом. При этом антироссийские выпады становятся всё жестче и острее. Если лет десять назад вопрос о том, кто начал Вторую мировую войну предполагал вполне конкретный (без каких-либо оговорок) ответ, то сейчас в атмосфере масштабной русофобии у простых людей в западных странах начали возникать сомнения.

Апофеозом стремления определённых кругов пересмотреть итоги Второй мировой войны стала резолюция Европейского парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы», в которой советско-германский договор о ненападении 1939 г. объявлен причиной Второй мировой войны [1].

Отношение России к принятой Европарламентом резолюции выразила представитель МИД РФ М. Захарова в своём официальном заявлении, размещённом на сайте министерства [2]. В нём была подчеркнута опасность курса на политизацию и ревизию исторических фактов. Замалчивая неприятные для себя страницы прошлого и трактуя подретушированную по своему усмотрению версию событий, в Европарламенте окончательно теряют связь с реальностью. Позднее Президент России В.В. Путин охарактеризовал резолюцию как «беспардонную ложь», подписанную людьми, которые «не знают истории», и назвал её бредом [3].

В свете резолюции Европарламента очень важно услышать мнение профессиональных историков, основанное на объективном анализе соответствующих фактов. Именно такое мнение содержится в исследовании А.Г. Иванова.

Следует отметить, учёный исходил из того, что центральное место в предвоенной дипломатической истории занимали англо-советские отношения: «Очевидным является то, что многое, если не всё, зависело от позиции Великобритании и состояния англо-советских отношений» (с. 5). Поэтому он изучил обширный массив отечественной и англоязычной литературы, показав отличия в оценках рассматриваемых событий в советской и постсоветской исторической литературе, а также в работах английских историков. Что особенно ценно – в монографии использованы многочисленные и разнообразные документы, в том числе из фондов Архива внешней политики Российской Федерации и Государственного архива Великобритании – дипломатическая переписка, агентурные данные, протоколы заседаний английского кабинета министров, различных правительственных комитетов, меморандумы Форин-офис, военных ведомств, памятные записки ведущих сотрудников аппарата Уайтхолла. Это позволило автору полностью раскрыть содержание рассматриваемых вопросов и убедительно аргументировать свои выводы.

Структура книги логична. В первой главе анализируются позиции сторонников и противников коллективной безопасности с середины 30-х гг. прошлого века до аннексии Австрии Треть-

им рейхом. Во второй главе показаны аншлюс и основные вехи развития международной ситуации в Европе на пути к Мюнхену, чехословацкий кризис 1938 г. и его последствия. Третья глава посвящена европейскому кризису 1939 г. В ней рассматриваются нарастание угрозы войны, ход переговоров Великобритании, Франции и Советского Союза, последние дни мира и заключение советско-германского пакта о ненападении.

А.Г. Иванов справедливо утверждает, что с самого начала имелись два варианта политики в отношении агрессивного курса Германии: с одной стороны, политика коллективной безопасности и создания антигерманской коалиции, с другой – политика умиротворения. Идея коллективной безопасности, выдвинутая СССР и Францией в конце 1933 г., рассматривалась руководством Великобритании как антитеза политике умиротворения. В Лондоне полагали, что фашистские государства могли истолковать меры по коллективной безопасности в качестве открытого вызова. Это неизбежно ускорило бы приближение войны и вовлечение в неё Великобритании. Поэтому переговоры с агрессорами, взаимные уступки оценивались как надёжное средство поддержания мира и сохранения британской империи.

По мнению автора монографии, идея коллективной безопасности имела шансы на успех только на начальной стадии существования Третьего рейха. В дальнейшем эти шансы стали таять, а на передний план вышла политика умиротворения, порочность которой вскрыли предвоенные международные отношения. К тому же умиротворители стремились создать из Германии бастион Запада против большевизма и развернуть нацистскую агрессию на Восток (с. 262–263). Именно политика умиротворения способствовала агрессивным намерениям руководства Германии, которая и несёт главную ответственность за развязывание Второй мировой войны.

Кульминацией в рассматриваемой книге безусловно является анализ глубокого политического кризиса в Европе, вызванного ликвидацией Чехословакии Германией в марте 1939 г. Развиваясь по нарастающей, он в конечном итоге и привёл к началу Второй мировой войны.

Как отмечает автор, печальная судьба Чехословакии означала полный крах политики умиротворения. Над Восточной и Юго-Восточной Европой нависла зловещая тень нацистской свастик. Для многих было очевидно, что для предотвращения войны необходимы энергичные усилия правительств миролюбивых государств, прежде всего великих держав.

В апреле 1939 г. начались переговоры между Великобританией, Францией и СССР. Западные державы сразу заняли выжидательную позицию, что вызывало вполне объяснимую тревогу у советского руководства. СССР не имел союзников, а его соседи – Прибалтийские страны, Польша и Румыния – не хотели сотрудничать с ним. Ход тройственных переговоров показал нежелание сторон найти разумный компромисс с целью пресечения разрастающейся фашистской агрессии. Обращая внимание на то, что Советскому Союзу пытались навязать соглашение о взаимопомощи, которое не обеспечивало его должной безопасности, А.Г. Иванов считает одной из основных причин неудачи переговоров «нежелание английского (в меньшей степени французского) правительства связывать себе руки твёрдыми обязательствами» (с. 219–220). При этом, указывал автор, историки до сих пор спорят об ответственности держав-участниц за провал переговоров. По его мнению, эти споры могут продолжаться бесконечно, «поскольку ни одна из сторон не может быть признана единолично ответственной» (с. 226).

Ухудшение международной обстановки на европейском континенте делало идею коллективной безопасности нереальной, и в августе 1939 г. дипломатические манёвры приняли совсем другой характер. Английские и французские сторонники политики умиротворения продолжали делать на неё ставку. К тому же в Лондоне невысоко оценивали советский оборонный потенциал (соответствующие материалы из архивов приводит автор исследования). Малые государства, такие как Польша и Румыния, не желая сотрудничать с режимом Сталина, доверились Западу. Германское руководство укрепилось в своих намерениях напасть на Польшу. При этом оно предложило СССР урегулировать существовавшие между двумя государствами проблемы. В такой ситуации замирение с Гитлером было для Сталина «логичным и многообещающим» (с. 266), позволяющим отодвинуть войну. Ведь режим жестокой диктатуры, развязанные в СССР массовые репрессии значительно подорвали оборонный потенциал страны.

В Лондоне знали о советско-германских контактах и сути обсуждавшихся вопросов. Также там имелась информация, что Гитлер твёрдо решил начать войну осенью, и что главной его це-

лю было разрушение Британской империи, а не данцигский коридор. В условиях стремительно надвигающейся войны западные державы предприняли попытку не допустить нормализации советско-германских отношений и выиграть время. Эту задачу предполагалось решить с помощью переговоров военных миссий Великобритании, Франции и СССР в Москве в августе 1939 г. Как отмечает автор исследования, данные переговоры были бесперспективными с самого начала (с. 230–231).

В отсутствие хоть какого-нибудь прогресса на московских переговорах в ночь с 23 на 24 августа были подписаны советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный договор к нему. Хотя в современной историографии дискуссия в основном ведётся об альтернативе этому соглашению, стараниями ряда политиков сегодня активно обсуждается вопрос: а не подтолкнул ли Гитлера к вторжению в Польшу пакт Молотова – Риббентропа, и должна ли Россия нести ответственность за начало Второй мировой войны? А.Г. Иванов даёт абсолютно объективный, опирающийся на изучение разнообразных архивных материалов ответ на такой вопрос. К августу 1939 г. экспансия нацизма уже переросла «мирные» рамки в своём развитии. С пактом или без него, но Гитлер в любом случае осуществил бы нападение. Важно, что учёный не останавливается на этом и дополняет свой вывод не менее важным и, как представляется, справедливым комментарием – советско-германский пакт о ненападении подвёл финишную черту под политикой коллективной безопасности, однако разграничение сфер интересов Германии и СССР по секретному протоколу есть не что иное, как «циничная сделка двух диктаторов»; с тех пор вплоть до 22 июня 1941 г. Сталин осуществлял собственную политику умиротворения нацистской Германии (с. 248–249). Лишь после нападения Германии на СССР сформировалась антигитлеровская коалиция – великий союз свободолюбивых стран и народов, которому было суждено спасти человечество от варварства и тирании.

Подводя итог, следует отметить, что монография А.Г. Иванова представляет собой серьёзное научное исследование. Выводы автора подтверждены многочисленными ссылками на опубликованные и архивные документы. В книге дана современная, объективная версия событий предвоенного времени. Читается монография легко, и думается, что она понравится тем читателям, которые интересуются рассмотренной проблематикой. Несомненно, она будет полезна и другим исследователям в их научной работе.

Как бы ни старались недруги нашего народа-победителя, память о Великой Победе жива, и никому не дано её извратить! А учёные-историки будут продолжать свои исследования и нести свет истины новым поколениям.

Литература

1. European Parliament Resolution of 19 September 2019 on the Importance of European Remembrance for the Future of Europe (2019/2819(RSP)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 22.02.2020).
2. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190920/1558943733.html> (дата обращения: 22.02.2020).
3. РосБизнесКонсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e0207a69a7947ef60bca8fe> (дата обращения: 22.02.2020).

References

1. *European Parliament Resolution of 19 September 2019 on the Importance of European Remembrance for the Future of Europe (2019/2819(RSP))*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed February 22, 2020).
2. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20190920/1558943733.html> (accessed February 22, 2020).
3. *RosBiznesKonsalting*. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e0207a69a7947ef60bca8fe> (accessed February 22, 2020).

И.М. Узнародов,

доктор исторических наук, профессор,

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

НАШИ ЮБИЛЯРЫ OUR PERSONS

DOI 10.18522/2687-0770-2020-2-117-120

**Исследователь исторических и политических проблем Кавказа
(к 70-летию доктора исторических наук, профессора СОГУ В.Д. Дзидзоева)**

**Researcher of the Historical and Political Problems of the Caucasus
(to the 70th Anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor
of SOGU V.D. Dzidzoev)**

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова в 2020 г. отмечает 100-летний юбилей. В стенах этого университета как в прошлом, так и в настоящем работают известные на всю страну ученые-исследователи. Многие из них, например доктора исторических наук, профессора Б.В. Скитский, В.Г. Дядькин, М.С. Тотоев, М.М. Блиев, Р.С. Бзаров и другие в разные периоды развития новой Осетии создали широко известную осетинскую школу историков, занимающую лидерские позиции на Кавказе. В этом почетном списке и доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия-Алания, Республики Южная Осетия, Кабардино-Балкарской Республики и Республики Дагестан Валерий Дударович Дзидзоев, которому совсем недавно исполнилось 70 лет.

Валерий Дударович родился 30 марта 1950 г. в с. Дур-Дур Дигорского района Северной Осетии в семье инвалида Великой Отечественной войны Д.М. Дзидзоева и его супруги Е.А. Дзидзоевой, урожденной Темировой. Становление личности проходило, как и многих других детей послевоенного времени, в обычной осетинской семье, где отдавалось предпочтение воспитанию мужского характера, уважению к традициям и обычаям народа, почитанию старших. В процессе освоения школьной программы пришла любовь к учебе, расширению интеллектуального и образовательного кругозора, стремлению глубже познать окружающий мир.

Окончив с хорошими и отличными показателями исторический факультет СОГУ в 1975 г., он в 1979 г. поступил в аспирантуру СОГУ, который и сегодня продолжает лучшие традиции классического университетского образования в сфере отечественной истории. Закончив досрочно аспирантуру в 1982 г., В.Д. Дзидзоев блестяще защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Роль печати в пропаганде национальной политики Советского государства и интернациональном воспитании в Северной Осетии» в г. Тбилиси в Институте истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР.

Годы учебы в университете, написания и защиты диссертации стали не только хорошей жизненной школой, но и сформировали черты творческой личности, без которых невозможно стать Ученым. Имеем в виду личную ответственность за дело Науки, умение трудиться в любой обстановке несмотря на жизненные обстоятельства, целенаправленность в решении научной проблемы, талант работать системно, организованно, поэтапно решая сложные исследовательские задачи. На протяжении почти 16 лет (с 1982 по 1998 г.) ученый жил и трудился в Кабардино-Балкарии, в г. Нальчике, где работал сначала доцентом, а затем профессором КБГУ и КБГСХА (ныне КБГАУ им. В.М. Кокова).

В июне 1998 г. Валерия Дударовича пригласили в Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова на должность заведующего кафедрой политологии и декана исторического факультета. Коллектив исторического факультета хорошо знал нового руководителя как студента, аспиранта, коллегу, поскольку он вошел в состав диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в СОГУ еще в 1995 г. Помимо учебной и научной ра-

боты создал академический журнал «Вестник СОГУ (Общественные науки)», первый выпуск которого состоялся в далеком 1999 г. Продолжительное время был заместителем главного редактора и одновременно юбиляр уже около 20 лет является заместителем главного редактора академического журнала «Вестник Владикавказского научного центра РАН». С 1997 по 2002 г. В.Д. Дзидзоев входил и в состав диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в КБГУ им. Х.М. Бербекова.

Признанный ученый большое внимание уделяет подготовке аспирантов, докторантов, соискателей ученых степеней, причем не только по специальности «Отечественная история», но также по политологии и теории государства и права. В 2001 г. он стал первым в Северной Осетии профессором по кафедре политологии в соответствии с решением ВАК РФ. В 2008 г. Валерий Дударович совместно с доктором политических наук, профессором Б.Г. Койбаевым открыли аспирантуру по этой новой для СОГУ специальности. Это был реальный прорыв, поскольку ни одна республика Северного Кавказа не имела возможности готовить специалистов высшей квалификации по политологии. Под руководством В.Д. Дзидзоева защитили кандидатские диссертации 6 аспирантов, пополнив ряды политологов Северной Осетии.

Плодотворно работая над подготовкой аспирантов, докторантов, соискателей ученых степеней, профессор создал научную школу, в которую вошли около 50 кандидатов и докторов наук, защитивших диссертации под его руководством. В том числе 8 докторов исторических наук, у которых он был научным консультантом. Среди них ученые из КБР, Ставропольского края, Дагестана и Северной Осетии.

За многие годы научно-исследовательской работы наш юбиляр выработал свой «фирменный знак научного руководителя», перенимая опыт у выдающихся отечественных специалистов в СОГУ и особенно в стенах Ленинградского государственного университета, где учился в докторантуре в 1990–1992 гг., окончил ее досрочно, на год раньше положенного срока, с защитой докторской диссертации. В понятие «фирменный знак», о котором хорошо знают все, кто с ним работал и работает, входят историзм, академизм, научность, достоверность, объективность, исключительная преданность выбранной специальности.

Руководствуясь этими принципами, он подготовил и издал более 450 научных работ, в том числе более 30 монографий, отдельные из которых в силу востребованности в научных кругах, переиздавались по 2–3 раза. Объемные рецензии на его труды публиковались на страницах московских академических журналов «Отечественная история» и «Этнология», в ведущих научных изданиях Северного Кавказа. Академический журнал «Научная мысль Кавказа» (г. Ростов-на-Дону) в 2005 г. организовал «Круглый стол» по монографии юбиляра «Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование)». Участники «Круглого стола» подчеркнули не только фундаментальность научного исследования Валерия Дударовича, но и глубокий научный анализ, осмысление «истории современности» как важное условие перехода к стабильному и поступательному развитию России и стран Южного Кавказа. Монография выдержала два издания. В ее обсуждении в редакции журнала «Научная мысль Кавказа» приняли участие видные специалисты из вузов и научных учреждений Москвы, Дагестана, Ростова-на-Дону, Ставропольского края и Северной Осетии: Н.С. Авдулов (Ростов-на-Дону), Л.А. Чибиров (Владикавказ), Н.М. Емельянова (Москва), В.А. Кузнецов (Минеральные Воды), В.В. Трепавлов (Москва), Р.М. Куштеров (Ставрополь), Т.А. Булыгина (Ставрополь), Н.П. Медведев (Ставрополь), А.О. Омаров (Махачкала), В.В. Черноус (Ростов-на-Дону) и др. [1]. Подчеркнем, что такие «Круглые столы» редакция журнала проводила и проводит только по исключительно актуальным исследованиям, представляющим высокую научную ценность. До 2005 г. из ученых Северной Осетии такой чести удостоился только наш юбиляр.

Именно как признанного ученого-кавказоведа его часто приглашают на различные Международные конференции, в том числе и в ведущие европейские научные центры. Дважды в 2013 и 2015 гг. Валерий Дударович выезжал в Польшу по приглашению польских ученых на Международные конференции по актуальным проблемам Кавказа. Как признанного эксперта его включили в состав редколлегии польского журнала «Кавказ: прошлое – настоящее – будущее», издающегося в г. Жешув. Труды Валерия Дударовича издавались на польском, английском, украинском, азербайджанском и других языках. Он является автором важнейших с научной точки зре-

ния понятий политологических дефиниций (определений), как «коренной народ» [2], «межнациональная война» [3], «межнациональный конфликт» [4] и др. Подчеркнем, что последние две дефиниции впервые были даны нашим юбиляром и на протяжении последних 20 лет они стали базовыми в политологической науке.

В жизни В.Д. Дзидзоева большое место занимает научно-исследовательская и организаторская работа. На протяжении почти 30 лет он был не только членом десятков оргкомитетов по проведению Всероссийских и Международных научных симпозиумов, но часто и их организатором. Осталась в памяти Международная научная конференция (октябрь 2005 г.), посвященная проблемам кавказоведения, в проведение которой много сил вложил юбиляр. Его доклад об объективности и субъективности в современной историографии Кавказа определил вектор принципиального разговора на форуме [5]. Только за последние 10 лет он был членом оргкомитета Международных конференций, которые проходили в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Махачкале, Владикавказе, Цхинвале и других городах.

В мае 2013 г. во Владикавказе состоялась Международная научная конференция по актуальным проблемам истории и этногенеза осетинского народа, в организации и проведении которой заслуга нашего юбиляра. Его доклад на конференции привлек большое внимание специалистов и общественности.

Валерий Дударович с коллегами на протяжении последних лет неоднократно выигрывал различные гранты РГНФ и РФФИ по актуальным проблемам отечественной исторической науки и политологии. Все это свидетельствует, что В.Д. Дзидзоев стал крупным ученым, признанным исследователем исторических и политических проблем Кавказа, внося значительный вклад в развитие современной отечественной гуманитарной науки, в укрепление и совершенствование межнациональных отношений в нашем регионе. Журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» дважды поздравлял Валерия Дударовича (в 2010 и 2015 гг.) с юбилеями. Пожелаем ему здоровья и новых творческих свершений и на этот раз.

Литература

1. Круглый стол. Обсуждение книги В.Д. Дзидзоева «Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование)»: 2-е изд. Владикавказ, 2004. 359 с. // Научная мысль Кавказа. 2005. № 3. С. 60–71.
2. Дзидзоев В.Д. Военно-политическое и межнациональное противостояние на Северном Кавказе в 1917–1925 гг. (к вопросу периодизации вооруженной борьбы в регионе) // Научная мысль Кавказа. Междисциплинарные и специальные исследования. 2008. № 3. С. 50.
3. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе : 2-е изд. Владикавказ, 1998. С. 200.
4. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). Владикавказ, 2000. С. 14.
5. Дзидзоев В.Д. Объективность и субъективность в современной историографии Кавказа (постановка вопроса) // Материалы Междунар. науч. конф. (Владикавказ, 13–14 октября 2005 г.) / сост. В.Д. Дзидзоев; отв. ред. А.Г. Кучиев. Владикавказ, 2006. 480 с.

References

1. Round table. Discussion of the book by V.D. Dzidzoev “The Caucasus of the late 20th century: trends in ethno-political development (historical and political research)”. 2nd ed. Vladikavkaz, 2004. 335 p. (2005). *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, No. 3, pp. 60-71. (in Russian).
2. Dzidzoev V.D. (2008). Military-political and interethnic confrontation in the North Caucasus in 1917-1925 (on the issue of periodization of armed struggle in the region). *Nauchnaya mysl' Kavkaza. Interdisciplinary and special studies*, No. 3, p. 50. (in Russian).
3. Dzidzoev V.D. (1998). *National relations in the Caucasus*. 2nd ed. Vladikavkaz, 200 p. (in Russian).
4. Dzidzoev V.D. (2000). *Caucasus of the end of the 20th century: tendencies of ethnopolitical development (historical and political research)*. Vladikavkaz, p. 14. (in Russian).

5. Dzidzoev V.D. Objectivity and subjectivity in the modern historiography of the Caucasus (posing the question). (2006). *Proceedings of the International Scientific Conference*. Vladikavkaz, October 13-14, 2005). Comp. V.D. Dzidzoev; A.G. Kuchiev (Ed.). Vladikavkaz, 480 p. (in Russian).

П.А. Кузьминов,
доктор исторических наук, профессор,
Кабардино-Балкарский государственный университет,

Т.М. Баликоев,
доктор исторических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет

Н.О. Блейх,
доктор исторических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Список литературы на английском языке.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Индекс издания – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. DOI 10.18522/2687-0770-2020-2.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2020. № 2